

ОТКУДА ВСЁ ЭТО ПОЯВИЛОСЬ?
Павел
РОГОЗИН

Annotation

Предлагаемая читателю книга «Откуда всё это появилось?» — просто, убедительно и картинно рассказывает о том, как на протяжении всех веков христианской истории главные истины Евангелия передвигались людьми с первого плана на задний, зарастали сорняками человеческой «отсебятины», загромождались хламом замаскированного скептицизма и тонули в омутах материализма и самоуверенности.

Книга П.И. Рогозина вскрывает застарелый, весьма болезненный нарыв традиционного, наследственного христианства, срывает тяжёлые покровы с истины и приводит читателя к истокам благодатной жизни, к простоте и силе древнеапостольской церкви. И не может быть никаких сомнений в том, что в переживаемую нами эпоху общей растерянности и безысходности, призыв — возвратиться назад к Слову Божию, ко Христу и духовному опыту первых христиан — своевремен и актуален.

Отзыв и напутствие

Предлагаемая читателю книга «Откуда всё это появилось?» — просто, убедительно и картинно рассказывает о том, как на протяжении всех веков христианской истории главные истины Евангелия передвигались людьми с первого плана на задний, зарастали сорняками человеческой «отсебятины», загромождались хламом замаскированного скептицизма и тонули в омутах материализма и самоуверенности.

Книга П.И. Рогозина вскрывает застарелый, весьма болезненный нарыв традиционного, наследственного христианства, срывает тяжёлые покровы с истины и приводит читателя к истокам благодатной жизни, к простоте и силе древнеапостольской церкви. И не может быть никаких сомнений в том, что в переживаемую нами эпоху общей растерянности и безысходности, призыв — возвратиться назад к Слову Божию, ко Христу и духовному опыту первых христиан — своевремен и актуален.

«Взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой, подобно трубе, и укажи народу Моему на беззаконие его и на грехи его», — повелевает Писание (Ис.58-я глава). Книга «Откуда всё это появилось?» является таким именно «трубным голосом». Дал бы Господь, чтобы «глас» этот был услышан всеми, ищущими правды Божией и желающими, в свете Правды, проверить свои верования и жизнь.

Как человек недавно прозревший, я искренне сожалею о том, что лишен был возможности встретить эту книгу ещё в то мрачное время, когда блуждал по широким путям суетной жизни и пил не животворящую воду Христова учения, а мутную отраву, сфабрикованную и запатентованную людским деспотизмом, гордостью, тупостью, косностью, узостью, нетерпимостью и предубеждением; питался суррогатами из неудобоваримой смеси: человеческих преданий, суеверий, бытовых и традиционных установлений. Отныне книга П.И.Рогозина — мой неразлучный спутник. Она значительно облегчит задачу всех, недавно пришедших к вере, стремящихся познать и соблюдать всё, что нам повелел Христос.

Возрождение средневековой Европы обязано было, главным образом, 95 тезисам протеста против злоупотреблений тогдашней церкви; тем тезисам, которые бесстрашный «августинский монах» прибил к дверям Виттенбергского университета. Искренне хочется, чтобы книга «Откуда всё это появилось?» когда-нибудь сыграла такую же роль и в деле духовного возрождения современной безбожной Руси. Я уверен, что и здесь на чужбине, ни один серьёзный читатель, познакомившийся с содержанием этого исключительного по своей ценности богословского труда, не сможет уже оставаться пленником людских установлений. Вот почему я считаю своим христианским долгом рекомендовать эту книгу всем, жаждущим освобождения от этого мертвящего плена. «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоан.8,32).

Январь 1955 г., Родион Берёзов

Введение

Мы живём в такое время, когда люди желают твёрдо знать, во что они верят и почему верят, а если что отрицают, то на каком основании?

Поэтому духовным деятелям то и дело приходится встречаться с теми, кого такие общие ответы, как «наука доказала», «церковь учит», или «это ведёт своё начало от апостолов», — совершенно не удовлетворяют.

Многие, не довольствуясь общим признанием вековых наслоений в христианской церкви, хотели бы знать, когда и при каких обстоятельствах эти наслоения появились, а также, что говорит по каждому отдельному вопросу авторитет христианства — Священное Писание.

При составлении настоящей книги я и наметил, поэтому, двоякую цель. Во-первых, — познакомить читателя с историческим происхождением некоторых церковных правил, установлений и обихода, и во-вторых, — показать, что говорит о них Слово Божие.

Затрагивая вопросы, по настоящее время окутанные туманом вековых споров, и называя вещи их собственными именами, независимо даже от моих личных взглядов и убеждений, я вполне учитываю, что истинные слова не всем будут приятны, а, поэтому, мой труд у многих не встретит должного отношения. Савонаролу, известного Флорентийского проповедника правда, казнили за то, что он старался открыть людям, как далеко христианская церковь тех времён ушла от «простоты во Христе» (2Кор. 11, 3). Яна Гуса сожгли на костре. Мартин Лютер чудом избежал той же участи. Так было и так будет, с той только разницей, что тогда уничтожали «автора» тезисов, а теперь, пожалуй, ограничатся только его тезисами.

Во всей человеческой истории трудно найти вражду, которая бы длилась дольше, чем вражда, разделяющая христианство ортодоксальное, по традициям, с христианством личным, по убеждению. Поэтому, я горячо молюсь чтобы:

— касаясь самых больных мест вероучения той или иной христианской группировки, не только не поддаться какому-нибудь

недоброму чувству, но даже мысленно не осудить кого и, тем самым, не погрешить против Бога и ближнего.

— Держаться всецело Слова Божия и во всех спорных случаях предоставить последнее и заключительное слово Священному Писанию.

— Быть совершенно свободным от малейшей духовной гордости.

— Не допустить презрительного отношения к вещам, которые по прежнему остаются для некоторых читателей священными.

— Быть абсолютно свободным от страха пред людьми и от преклонения пред человеческим авторитетом, зная, что не тот еретик, кто нарушает людские установления, а тот, кто не считается с прямыми требованиями Божьими, заключёнными в Священном Писании.

— Каждый вопрос рассмотреть и осветить в духе любви, памятуя, что отсутствие последней делает человека недальновидным и недобрым.

— Наконец, помнить, что цель настоящего исследования заключается, конечно, не в том, чтобы доказать кому-то ошибочность его суждений и одновременно утвердить истинность суждений моих, а в том, чтобы беспристрастно ответить на вопрос: «откуда всё это появилось?» и указать, что говорит по этому поводу Священное Писание. Пусть же любовь Христова усладит всю горечь истины, дабы книга эта действительно достигла своей цели.

Среди многих источников, как русских так и иностранных, которыми я пользовался при составлении этой книги, я хочу особенно отметить следующие: «Изложение христианской православной веры» протоиерея Петра Смирнова; «Очерки церковной истории» Курца; «История церкви» Евсевия; «Догматическое богословие православной, католической восточной церкви» доктора богословия архимандрита Антония; «Всеобщая история» П.Виноградова; «Римская история» Ф.Моммсена в переводе В.П. Неведомского; «Рассказы по русской истории» С.П.Мельгунова и В.А.Петрушевского; «Всеобщая история христианской церкви» К.П.Е.; «Православное противосектантское руководство» (излож. по соч. Д.И.Боголюбова протоиереем И. Богоявленским) и др.

Да послужит эта книга благословением для каждого, кто с нею встретится. Да смягчит Господь сердце и да просветит ум читателя предубежденного — в этом моё желание и моя молитва.

Автор.

Небесное и земное…

Слово Божие и человеческие установления никогда не были дружны.

«Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего, и соблюдающие написанное в нём; ибо время близко… И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей. И если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде, и в том, что написано в книге сей» (Откр. 1, 3;22,18–19).

«Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатию Христовою так скоро переходите к иному благовествованию, которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже мы, или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал.1,6–8).

Из приведенных выше слов Священного Писания мы видим, что Бог под угрозой проклятия и вечной гибели, запрещает прибавлять, убавлять, умалять и изменять что-либо в учении Иисуса Христа и Его апостолов. Однако, исторические факты, с которыми читатель познакомится на страницах этой книги, свидетельствуют о том, как легко человек отступает от истины Священного Писания и как постепенно переходит он от одного заблуждения к другому, открыто нарушая волю Господню.

В течение первого и половины второго веков учение Христово сохранялось церковью во всей его полноте и чистоте. Нам известно из церковной истории, что вплоть до пятого века христианская церковь была ещё сильна верой и истиной и легко справлялась с появлявшимися тогда заблуждениями и сектами, противопоставляя их лжеучениям истину Священного Писания. Можно с уверенностью сказать, что даже в конце этого периода, когда во главе христианской церкви уже, фактически, стоял римский император Константин (в духовном возрождении которого многие историки сомневаются), а в церковь, ради мирских выгод, проникли люди совершенно

необращённые, благодаря чему духовный и нравственный уровень церкви сильно понизился, но учение Христа, как таковое, всё же сохранялось в значительной чистоте.

Но в самом конце четвёртого и в продолжение всего пятого века борьба за церковное главенство и злоупотребления вселенских соборов усиленно способствовали многим отступлениям от истины и «простоты во Христе» (2Кор. 11, 3).

История христианской церкви различает в своём развитии два главных периода: первый — со дня сошествия Святого Духа на апостолов до начала четвёртого века и второй — от четвёртого века вплоть до настоящего времени.

Первый период принято называть «древнеапостольской церковью», второй — «церковью исторической».

В первый период (древнеапостольский), Церковь Христова мужественно переносит преследования иудеев, претерпевает затем десять жестоких гонений римских императоров, но, усиливаясь, крепнет и, несмотря на тяжкие испытания, продолжает поддерживать единство, твёрдо отстаивая чистоту догматов Божественного Основателя.

Но вот, начиная с четвёртого века, когда император Константин объявил христианство господствующей религией, дав ей широкие права и преимущества пред языческими культами, церковь начала обмирщаться. Постепенно она перенесла свой центр с неба на землю. Она предпочла настоящее — будущему, временное — вечному, человеческое — Божьему… Границы, проведенные Христом между миром и церковью, между путём узким и широким, сгладились. На сцену появились уже христиане без личного убеждения, христиане, воспринявшие христианство по наследству, по традициям, люди, «имеющие только вид благочестия, силы же его отрекшиеся» (2Тим.3,5).

И как ни странно, но, в этом состоянии отступничества, церковь пребывает до сегодняшнего дня. Современное христианство — это апокалипсический Вавилон (Откр. 18 гл.), т. е. какая-то смесь небесного с земным, при явном преобладании последнего.

В своих стремлениях к земному, к целям временным, христианство, для достижения их, стало прибегать и к земным средствам: лукавству, насилию и лжи. Произошел разлад между

путями человеческими и ясной волей Всевышнего. И по сей день общество, атеистическое по всему складу жизни, не перестаёт выдавать себя за христианское по названию и традициям. Для оправдания же очевидных нарушений Слова Божия церковь воспользовалась так называемыми «преданиями», поставив их наравне с Библией и, без всякого серьёзного основания, назвав их «священными».

Предания

Вы устранили заповедь Божию преданием вашим

Мф.15,6

В пятом веке церковь, находившаяся уже в состоянии духовного отступничества, нашла, что Священное Писание не вполне отвечает требованиям резко изменившейся духовной жизни её членов и поэтому нуждается в каких-то особых дополнениях, вследствие чего и вошли в употребление предания. Предания эти были, якобы, «плодами духовного опыта» и говорили о разных поучительных случаях, примерах самоотвержения и любви, правилах и поучениях святых людей, живших в первые века христианства. Всё это «духовное наследство», хотя и не было записано, но, тем не менее, сохранялось в церкви столетиями в устной передаче.

В церковной истории предания эти известны под названием «фальсифицированных постановлений» (Falsae Decretaliae). Постановления эти, якобы, разъясняли те вопросы, которые не были затронуты Священным Писанием, на самом же деле являлись они ни чем иным, как сборником компромиссов между категорическими Божьими требованиями и своевольными установлениями церкви, к тому времени уже сильно ослабевшей в вере, правде и нравственности. Предания эти были объявлены священными только в 1564 году. Содержание большинства преданий противоречит не только духу, но даже самой букве Священного Писания, что указывает на весьма сомнительный источник их происхождения. Они были только измышлением человекоугодников, желавших оправдать те или иные отступления от первоначального учения Христова. К преданиям относятся также «апокрифы», которые были включены в Канон Библии только в 1546 году.

Обращаясь за помощью к Священному Писанию, как к единственному авторитету во всех вопросах христианской веры и жизни, мы убеждаемся, что нет ничего более ясного, как взгляд Слова Божия на предания.

Во-первых, из Откр. 22, 18–19 мы узнаём, что Священное Писание содержит в себе вполне законченное откровение Божие, прибавлять к которому строго и навсегда запрещено Богом.

Во-вторых, наш Спаситель Иисус Христос не только никогда не ставил предания наравне со Священным Писанием, но и всегда называл их «человеческими». Христос многократно говорит (Мф. 15,2–6), что нельзя устранять Священного Писания ради преданий, в которых, кстати сказать, и в Его дни, не было недостатка.

В-третьих, опыт показывает нам, как трудно совместить людские предания с Божьим Писанием. Читая послания ап. Павла, мы видим (Гал.1,13–14), к каким ужасным последствиям привели ап. Павла предания, неумеренным ревнителем которых он являлся до своего обращения ко Христу. После обращения тот же ап. Павел предостерегает верующих, говоря: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлёк вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу (Кол.2,8; 1Кор. 4, 6; Тит. 1, 14).

Одним из таких, ни на чём не основанных преданий, является предание о пребывании ап. Петра в Риме и о том, что он был первым папой римским. Это «священное» предание понадобилось западной церкви, как ценное оружие в её борьбе за главенство с церковью восточной. Но исторически установлено, что ап. Пётр в Риме никогда не был. Он оставался всё время в Иерусалиме, вплоть до осады города римлянами. Покинув Иерусалим накануне его осады, ап. Пётр вместе с другими апостолами и верующими поселился в Вавилоне. В Вавилоне образовалась небольшая христианская община. Из Вавилона ап. Пётр написал два своих соборных послания, там он и умер (1Петр. 5, 13 и 2Петр. 1, 14). Мы видим, что, не будучи в Риме, ап. Пётр никогда не мог быть первым папой — «наместником» Христа на земле.

Да и как мог ап. Пётр быть первым папой, когда самое то папство было учреждено в Риме только в начале седьмого века? Только в 607 году, император Фокий, по настоянию римского епископа Бонифация 111-го, согласился даровать последнему право первенства и прерогативу суда в церкви, с наименованием его папой.

Весьма знаменательно, что когда Константинопольский епископ Иоанн позволил себе также присвоить звание вселенского епископа, т. е. папы, то предшественник Бонифация III-го Григорий Великий,

епископ Римский, писал Иоанну следующее: «Какая дерзость и какая гордость позволили тебе желать и восхитить новый титул, который может ввести в соблазн всех братии. Присвоить себе такой титул, чисто языческий, значит подражать сатане. Какой ответ дашь ты в страшный день грядущего суда за то, что ты искал звания в этом мире не только старшего епископа, но и папы вселенского? Отвергни от себя этот сатанинский соблазн!…».

Что же касается папства, как наместничества Христа на земле, то таковое установление явно излишне, ибо Христос обещал Сам Лично присутствовать всюду, «где двое или трое соберутся во Имя Его». Накануне Своего Вознесения Христос дал верующим такое обетование: «Се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мат. 28, 20). Если Христос с нами всегда и всюду, зачем тогда нам учреждать Его наместничество в Риме? Подобное учреждение только свидетельствовало бы о полном отсутствии веры в духовное присутствие Господне в церкви и в сердцах искупленных.

Сам ап. Пётр в своём первом соборном послании пишет: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь (т. е., такой же пастырь)… пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним непринуждённо, но охотно и богоугодно не для гнустной корысти, но из усердия и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду» (1Петр. 5, 2–3). Этими словами ап. Пётр в корне уничтожает самую мысль о возможности какого бы то ни было главенства в церкви, вообще, и своего апостольского главенства, в частности. Ибо одна глава тела — Христос, мы же все — члены. Итак, ап. Пётр в Риме не был; а если бы и посетил Рим, то стать папой Римским никогда бы не согласился, а согласившись, сделался бы ещё большим предателем, чем Иуда.

Тоже самое можно сказать и о многих других преданиях. Они не выдерживают даже самой поверхностной критики.

И как понятны и ценны становятся слова ап. Павла: «Это, братия, приложил я к себе и Апполосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано!» (1Кор. 4, 6).

Поклонение мощам

Ибо прах ты, и в прах возвратишься

Быт. 3, 19

Со смертью первомученика Стефана христианская церковь вступила в долгий период страшных гонений. Не было христианской общины, верующие которой не засвидетельствовали бы истинности Священного Писания и своей преданности Иисусу Христу мученической смертью некоторых членов.

Имена мучеников заносились руководящими братьями в списки поместных церквей. В некоторых общинах эти списки оглашались при совершении Вечери Господней, как примеры непоколебимой верности учению Христа.

В известные дни, главным образом, в дни годовщин, верующие собирались у могил мучеников, чтобы послушать сказания очевидцев об их мученической кончине. В ту пору никому ещё не приходила мысль обращаться в молитве к умерщвлённым членам общины и просить их ходатайства пред Богом. В представлении тогдашних христиан подобная молитва могла бы исходить только из уст язычника, не знающего истины,

а воздавание Божеских почестей «останкам мучеников» (мощам) показалось бы кощунственным. Но в конце четвёртого века в церковь начинает мало-помалу проникать поклонение этим именно «останкам». Переход от уважения к останкам, к поклонению им был лишь делом времени. Переход этот становится тем более понятным, если взять во внимание то духовное состояние церкви, в котором последняя находилась: с пониженным знанием Слова Божия, пошатнувшейся нравственностью, ослабевшей верой в невидимое, уступившей место поклонению и боготворению «видимого», фетишизму.

Антоний Египетский и Афанасий Великий, столпы церкви четвёртого века, строго осуждали это опасное, языческое направление в церкви. Чтобы предотвратить тёмные массы от такой опасности, они приказывали замуровывать в стены храмов все сохранившиеся до того

времени останки мучеников и, ни в коем случае, не допускать поклонения им.

Однако, второй Никейский собор (787 г.) утвердил поклонение останкам мучеников, наперекор Священному Писанию и отцам церкви, и с тех пор этот языческий культ поклонения мощам вошел в практику как восточной так и западной церквей, обогащая казну тех, у кого эти мощи имелись.

Позже, когда умерщвление за веру во Христа было явлением редким, мощи мучеников расчленялись и продавались за большие деньги и не только церквам и монастырям, но и частным лицам. Торговля мощами достигла таких извращённых форм и чудовищных размеров, что четвёртый Латеранский собор, в 1215 году, — чтобы прекратить соблазн в церкви, — вынес постановление, в силу которого открытие новых мощей и торговля ими не допускалась, иначе, как с разрешения самого папы.

Вспомним, попутно, что у нас в России богослужение (с таинством евхаристии) может совершаться только при наличии в храме частицы мощей, являющейся неотъемлемой принадлежностью «антиминса» (Антиминс — по св. Исидору Пилусиоту символизирует ту плащаницу, которой обвито было тело Иисусово во гробе.). Седьмым Вселенским собором было возбранено даже самое существование храма, если таковой не имел в себе «антиминса». Антиминс, в свою очередь, не может быть освящаем, если не зашита в него частица мощей.

Нужно ли приводить места Священного Писания, чтобы убедиться в неосновательности поклонения мощам? Оно противоречит не только букве и духу Священного Писания, но и здравому смыслу.

Вот несколько мест Священного Писания, которые могут вывести любого человека из его самого долголетнего и упорного заблуждения: 1Петр. 1, 24; Иоан.3,6; Деян.2,29–31; Рим.7,18; 1Кор. 1, 29; 15,50; 2Кор. 5, 1,16; Евр. 13, 7; Иер. 17, 9.

Молитва Святым Угодникам и Деве Марии

Христос одесную Бога, Он и ходатайствует за нас

Рим.8,34

Параллельно с культом поклонения мощам, совершенно естественно развился другой культ — культ поклонения душам умерших мучеников. Всех умерших за веру во Христа, как мы потом увидим, причисляли к лику святых угодников Божиих. К этим угодникам рекомендовалось прибегать с молитвой о помощи, особенно тогда, когда нужда, о которой просишь, была известна мученику ещё за долго до его мученической кончины. Позже было принято считать святых мучеников, угодников — посредниками между людьми и Богом.

В седьмом веке папа Бонифаций VI получил разрешение императора Фокия превратить языческий «Пантеон» в Риме, — в христианский храм, посвятив его деве Марии и всем святым. Это событие способствовало прочному установлению поклонения «Божьей Матери» и угодникам, сначала в самом центре тогдашнего христианства, а потом и во всех местах провинции. Поклонение «Божьей Матери» являлось преобладающим. Память о ней, с первых же веков христианства, высоко чтилась, хотя тогда никто не допускал ещё мысли о поклонении ей, как «четвёртой ипостаси», и никто не обращался к ней с молитвами или ходатайствами.

Только в четвёртом веке, в некоторых христианских общинах, стали именовать деву Марию — Богоматерью, приписывая ей Божеские атрибуты и относясь к ней, как к «воссевшей» по левую сторону Бога Отца. Всё это противоречит Духу Святому и Слову Божию.

Дева Мария была призвана Богом дать Его Единородному Сыну только плоть человеческую, так как Христос, будучи Богом, был един с Отцом и Духом предвечно. «Иисус» — имя земное, в переводе на

русский язык означает «Спаситель». «Христос» — имя Божие, означающее «Помазанник». Дева Мария была матерью Иисуса, матерью Его человеческого естества, а не матерью Христа, Сына Божия. Поэтому, такие наименования, как «Богоматерь», «Матерь Божия» или «Богородица» не соответствуют Священному Писанию.

Ещё в 428 году по Р.Х. Несторий, епископ Константинопольский, решительно восставал против того, чтобы деву Марию называли матерью Божьей и тем вызвал сильнейшую вражду и распри в разных кругах церкви. Споры по этому вопросу продолжались до созыва Ефесского собора (в 431 г.), который авторитетно одобрил именование Марии — Матерью

Божией. Вследствие этого, узаконенное поклонение деве Марии, стало беспрепятственно распространяться по всем церквам запада и востока. К деве Марии стали обращаться с молитвами, как к верной «посреднице», «ходатайнице и заступнице рода человеческого» пред Христом и пред Богом. И, как ни странно, малейшее уклонение от подобного взгляда и в наше время считается «сектантским», «еретическим» и даже «кощунственным»…

Рассмотрим так ли это? Что говорит нам по этому поводу Священное Писание?

Слово Божие говорит, что даже ветхозаветными посредниками могли быть только живые, и отнюдь не умершие. В Ветхом Завете мы встречаем многих посредников: Моисей, Аарон, первосвященники, священники, цари, пророки и др., но все они исполняли возложенное на них посредничество, пока были живы. Когда тот или иной посредник умирал, никто уже не думал обращаться к нему за чем-либо.

Обращаться к служителям Ветхого Завета не только разрешалось, но даже предписывалось законом (Иер. 27, 18). Посредники Ветхого Завета служили прообразом Единого Посредника и Ходатая Нового Завета Иисуса Христа.

Со смертью и Воскресением Христа мы имеем только «Единого Посредника» и «ходатая Нового Завета Иисуса». Ходатайство это Христос приобрёл дорогою ценою: Его крестными страданиями и смертью. Итак, есть только «един Бог, и един Посредник между Богом и человеками, — Человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех» (Евр. 9, 14–15; 1Тим.2,5–6).

Мы не имеем права избирать или поставлять других посредников, кроме Единого. Дева Мария, угодники или угодницы не искупляли нас, грешников, своею смертью, и, следовательно, не могут претендовать на новозаветное посредничество. Будучи только людьми, они сами лично спасались искупительной кровью Христа и нуждались в посредничестве Христа.

Все иные посредники стали излишни с того момента, как Христос вознёсся, воссел одесную Бога Отца, чтобы ходатайствовать за нас. Поэтому, всякий верующий имеет ныне возможность и право обращаться ко Христу лично, всегда и на всяком месте. Господь дал ученикам такое обещание: «се, Я с вами во все дни до скончания века». Ап. Иоанн говорит, что «мы имеем Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, Праведника» (1Иоан.2,1). Ап. Павел пишет: «Сей (Иисус Христос и никто другой), как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее, посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них» (Евр. 7, 24–25).

Обращение с молитвами к умершим святым лишено всякого разумного основания. Вездесущ — только один Творец, всякое же творение, находящееся в пространстве, занимает определённое место и, следовательно, не может слышать молитв, обращённых к нему одновременно из многих пунктов земного шара. Если даже допустить, что Сам Бог, будучи Всеслышащим и Вездесущим, слышит наши молитвы, обращённые к святым, и передаёт наши молитвы святым, после чего святые и начинают ходатайствовать пред Ним, то и тогда разум требует, чтобы мы обращались непосредственно к Богу, давшему нам это право молитвы.

Те же требования предъявляет нам и Священное Писание. Оно строго запрещает воздавание Божеских почестей кому-либо, кроме Бога (4Цар. 17, 36; Матф.4,10; Римл.1,25; Откр. 22, 8–9; Деян.10,25–26; 14,11–15).

Писание говорит нам, что после смерти святые уже не принимают участия в земных делах (Откр. 14, 13; Евр. 4, 10; Дан.12,13), и что их нельзя тревожить (1Цар. 28, 15).

Иконопочитание

Не делай себе… никакого изображения

Исх.20,4-5

С развитием поклонения деве Марии и умершим святым, возникла в церкви потребность в изображениях этих святых угодников Божиих, девы Марии, а позже и Самого Христа.

Большое влияние на появление изображений оказали те рисунки, которыми первые христиане старались напомнить образную речь Своего Божественного Учителя. Символы агнца, лозы, рыбы; начертание альфы и омеги; монограмма имени Христа и пр. были своего рода ребусами, смысл которых был открыт верующим, но сокрыт от непосвященных.

Постепенно произошел переход от рисунков, изображавших земную жизнь Христа, к изображению христиан, прославившихся своею мученическою кончиною и подвигами.

Несмотря на то прямое запрещение «создавать» изображения и «поклоняться» им, которое мы находим во второй заповеди десятисловия, заблуждение это распространилось с неимоверной быстротой. Причины такого нездорового нововведения понятны. По мере того, как слабела вера в невидимое, росла потребность в культе видимом. Проповедь устная стала заменяться пояснением изображенного того или иного события Священной Истории. Открылась новая сфера для деятелей живописи, скульптуры и мозаики, изображавших на свой лад и по воле собственной фантазии, как отдельные сцены библейских событий, так и вымышленные «случаи» из жизни девы Марии и усопших святых.

Знаменательно, что в начале изображения эти служили только украшением церковных стен, и только впоследствии, когда предмет воспоминания и украшения превратился в объект поклонения, они стали изготовляться на отдельных досках или холстах и помещаться уже не только в местах богослужебных, но и в жилищах.

Не прошло много времени, как появилось новое и, притом, более печальное заблуждение. Некоторым изображениям Христа и святых, а

в особенности изображениям Девы Марии, церковью приписывалось совершение чудес и исцелений. Такие иконы (или статуи) торжественно тогда объявлялись «чудотворными» и становились источником постоянных и весьма значительных доходов церкви и клира.

Такие новшества в церкви были настолько очевидным нарушением заповеди Божией, что многие священнослужители, не взирая на всю опасность, которой они себя подвергали, не покоряясь папе, выступали с открытым протестом. Так, например, епископ Марсельский, в конце VI века, воспретил употребление всех изображений во всех ему подведомственных приходах.

Массовый и многократный отказ принять изображения и поклоняться им носит в истории церкви название иконоборчества. Ещё задолго до выступления Марсельского епископа, это новшество уже начало волновать истинных поборников воли Божией и вызвало среди многих энергичные протесты. Один из самых ранних церковных соборов, собравшийся в г. Эльвире (в 306 г. по Р.Х.), строго запретил иконопоклонение, видя в нём ничто иное, как проникновение в церковь грубого язычества.

Но вот спустя 25 лет после обнародования запрещений Марсельского епископа, иконоборчество вступает в новую фазу и принимает более ожесточенный характер. Император Лев (в 727 г.), а затем и 348 епископов собора (в 754 г.), единогласно осудили и своими постановлениями запретили иконопоклонение. Однако, 33 года спустя, участники 7-го вселенского собора (в 787 г.), отменив это решение, «приказали» путём специального канона поклоняться иконам, без надлежащего объяснения, почему это необходимо. С этого же времени начинает поощряться и поклонение изображению креста. Но этим борьба не закончилась. Парижский собор (в 825 г.) вновь воспретил иконопочитание. Спустя 17 лет (в 842 году), по настоянию императрицы Феодоры, женщины развратной и безнравственной, культ поклонения иконам был окончательно установлен, являясь обязательным в западной и восточной церквах.

Тем не менее, борьба за икону в западной церкви не прекращалась. В период непрестанных, споров и раздоров «князей церкви», при неизменном вмешательстве в церковную жизнь государственной власти и безответственных дворцовых кругов,

иконопочитание то запрещалось, то опять разрешалось, пока, наконец, в X веке, упрочилось окончательно и в западной церкви.

И вот, как ни странно, благодаря невежеству тёмных масс, незнанию Священного Писания и полному безразличию к вопросам веры, так называемых, «культурных людей», культ иконопочитания процветает вплоть до наших дней.

Необходимо добавить, что западная церковь не постеснялась вторую заповедь, говорящую: «не делай себе кумира и никакого изображения… не поклоняйся им и не служи им», — выбросить из десятисловия Моисеева закона совершенно. Для сохранения же числа десяти заповедей, западная церковь разделила десятую заповедь на двое, сделала из неё две отдельные заповеди.

Восточная церковь сохранила десять заповедей без изменения, но, тем ни менее, это обстоятельство не мешает ей и поныне боготворить целый сонм «чудотворных икон», служить иконам акафисты и молебны, перевозить и переносить их с места на место, окружать их торжественностью богослужений, крестных ходов, празднеств и т. п. В силу того простого факта, что поклонение иконам вошло в церковную практику «с незапамятных времен», оно признаётся правильным. Традиция давности, как бы лишает верующих права сомневаться или не верить в законность такого почитания, хотя церковь современная не имеет никаких оснований для иконопочитания, равно как не имела их и церковь древнеапостольская.

В основу иконопочитания церковь положила канон (т. е. правило) об иконопочитании, но она и по сей день лишена общепризнанного догмата (т. е. учения). Утверждая иконопочитание на каноне, церковь больше не занимается этим вопросом ни в церковных определениях, ни в богословии, а поэтому, возврат к истине для церкви труден и нежелателен, а обращение за решением вопроса к Слову Божию оказывается совершенно неприемлемым. Всякая перемена в этом вопросе и тяжела, и рискована, и невыгодна. Для тех же немногих, кто не убоялся встретиться с фактами и разрешил этот вопрос лично для себя, безосновательность поклонения иконам не подлежит никакому сомнению, а отказ от него является вполне логичным, разумным актом. Обратимся к Слову Божию и посмотрим, что оно говорит по этому поводу?

Всё Священное Писание Ветхого и Нового Заветов осуждает иконопочитание (под этим общим названием понимаются все виды изображений), указывая на тот факт, что Бог является существом невидимым.

«Бога не видел никто никогда» (Иоан.1,18). Нам известны некоторые земные формы Его проявлений, как-то: Три странника, Неопалимая купина, Столп огненный и облачный, Ангел Завета, Вождь Воинства Господня и др., но по Своей Божественной сущности Он «Царь царствующих и Господь господствующих, единый, имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может» (1Тим.6,15–16).

Бога с такими атрибутами изобразить невозможно.

Сам Бог спрашивает чрез пророка Исайю, говоря: «Итак кому уподобите вы Бога? И какое подобие найдёте Ему?» (Ис. 40, 18). И действительно, где тот художник, который смог бы изобразить Христа воскресшего, Христа прославленного, и при том таким, каким изображает Его Слово Божие? Прочтите первую главу Откровения Иоанна Богослова и вы увидите, что изобразить Христа во всей Его небесной славе также немыслимо, как немыслимо изобразить Самого Бога нетленного, непостижимого…

Изображать Христа в Его земном уничижении — неразумно.

Мы никогда уже не увидим Христа в Его земном уничижении. Он однажды пострадал на Голгофе за грехи наши по Писанию, но воскрес, вознёсся и грядёт опять во славе, чтобы судить живых и мёртвых. Слушайте, что говорит об этом апостол Павел: «если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем» (2Кор. 5, 16). Эти слова относились к тем, кто знал и видел Христа лично. Конечно, видеть Его в земной жизни было несравненным счастьем, однако, Павел и христиане того времени не только не поклонялись изображению Христа, но и не должны были иметь видимым объектом уничиженной плоти Христовой, если бы такая возможность вдруг явилась. Для истинного поклонения Бог избрал единственный путь, — путь духовный, путь веры. Вера же должна утверждаться не на видимом или воображаемом объекте, а на реальном Слове Божием.

Все изображения Христа, девы Марии и святых, имеющихся в бесконечных вариациях, не соответствуют данным Священного

Писания.

Священное Писание, описывая лик Спасителя, говорит, что «не было в Нём ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нём вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни» (Ис. 53, 2–3).

Спаситель же, говоря о Самом Себе, сказал: «Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф.8,20).

По внешнему Своему облику и одежде Спаситель ничем не отличался от Своих современников. Иоанн Креститель узнал Его не по внешнему виду, а только по Духу Святому, сошедшему на Христа в виде голубя (Иоан. 1,32–33). Пришедшие на поклонение Еллины не могли узнать в группе учеников Самого Иисуса; они вынуждены были обратиться к Филиппу и просили, чтобы тот указал им Христа (Иоан. 12,20–21). Иисус Христос легко смешивался с толпой и преследовавшие Его фарисеи часто не могли обнаружить Его в народе (Иоан.5,13; 8,59; 12,36). То обстоятельство, что Христос ничем не выделялся из тогдашней толпы, привело первосвященников к мысли воспользоваться предательством Иуды, который условился с начальниками иудейскими, говоря: «Кого я поцелую, Тот и есть; возьмите Его, и ведите осторожно» (Мк. 14,44).

И, наконец, Слово Божие призывает нас к духовному Богопоклонению.

Священное Писание безоговорочно запрещает поклоняться не только изображениям Божьей твари, но даже изображению Самого Творца, если бы человеку и удалось Его изобразить. Священное Писание учит: «Бог есть Дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»… ибо «таких поклонников Отец ищет Себе» (Иоан. 4,23–24). Бог — существо духовное… Поклонение Богу должно быть духовным… Таких духовных поклонников Бог ищет Себе. Какая поразительная ясность! Какая очаровательная простота!

Заметим, что только такие духовные поклонники и угодны Богу, и что только они одни и найдут в поклонении Ему удовлетворение своей бессмертной душе. Бог знал, что счастье наше мы сможем обрести только на пути духовного поклонения, а поэтому, заботясь о нашем благе, Он сказал: «Не делайте себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли;

не поклоняйтесь им и не служите им, ибо Я Господь, Бог ваш» (Исх.20,4–5).

Исторические факты и наш личный духовный опыт подтверждают, что нарушение второй заповеди искажает подлинное представление о Боге, приводит человека к неправильному поклонению, творящему хаос в душе, хаос в исповедании и хаос в жизни (Римл.1, 21–25).

Молитва за умерших

Человекам положено однажды умереть, а потом суд

Евр. 9, 27

Идея молитвы за души умерших родилась первоначально в церкви около шестого века и уже в седьмом веке приняла форму догмата. Мысль о такой молитве, была открыто высказана папой Григорием Великим. Он написал целую книгу по этому поводу, содержащую наивные, а порой, нелепые истории, не имеющие ничего общего ни с Священным Писанием, ни с христианством.

Догмат о молитве за умерших вошел в практику церкви только при папе Иоанне XVIII-м, в 978 году. Связанный с этим догматом праздник умерших (Fete des Morts), был установлен в 1011 году. Спустя пятьсот с лишним лет, Тридентский собор постановил сделать обычай этот обязательным правилом веры для всех церквей запада.

Возношение молитв за умерших и ходатайства за них шли рядом с развитием учения о «чистилище» (Purgatoire). В чистилище, по учению западной церкви, пребывают все без исключения души, мало-по-малу очищаясь в течение положенного Богом времени и приготовляясь к вступлению в Царство Небесное.

О существовании «чистилища» Священное Писание решительно ничего не говорит. О чистилище нет упоминаний ни в Ветхом, ни в Новом Заветах, ни у апостолов, ни у отцов церкви.

Истинные христиане первых четырёх столетий не знали иного пути спасения, кроме Господня пути — оправдания чрез веру в искупительную жертву Иисуса Христа, понесшего на Себе вину всего мира и во все века спасающего «всякого, приходящего к Нему».

Слово Божие совершенно ясно говорит, что Христос «грехи наши Сам вознёс телом Своим на древо» и что «Кровь Иисуса Христа, Сына Божия, очищает нас от всякого греха» (1Петр. 2, 24; 1Иоан.1,7).

Учение о чистилище умаляет силу и необходимость искупительной жертвы Христа, а поэтому противно истине и духу апостольского благовестия. Учение о чистилище как бы утверждает,

что Голгофских страданий и пролитой за нас, грешников, Христовой Крови недостаточно для оправдания верующего, и поэтому, для полного спасения человека необходимо ещё очищение огнём чистилища.

Учение о чистилище прямо противоречит Слову Божию.

Вспомните о богаче и Лазаре (Лук. 16 гл.). Здесь Христос открыл человеку тайну всего загробного мира. Если бы в потустороннем мире было чистилище, Христос никогда не сказал бы, что душа Лазаря была отнесена ангелами на лоно Авраамово, или: «где Я, там и слуга Мой будет» (Иоан.14,3; Лук. 16,22).

Вспомните случай с разбойником на кресте. Кто, как не этот грешник, нуждался в очищении «огнём чистилища», но, тем не менее, Христос сказал ему: «ныне же будешь со Мною в раю» (Лук.23, 43).

Прочтите послания апостолов. Ап. Павел никогда не писал бы с такой определённостью о том, что спасение доступно каждому грешнику, уже здесь на земле, что «нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе» (Римл.8 гл.). Ап. Иоанн никогда не написал бы: «отныне блаженны мёртвые, умирающие в Господе!» (Откр.14, 13).

Кроме всего сказанного, не забудем, что учение о чистилище, которое вошло в церковь около 600 года по Р.Х. и получило полное признание, почти тысячу лет спустя (на Тридентском соборе), на протяжении всей истории западной церкви являлось легальным источником наживы и самых грубых злоупотреблений клира. До сих пор миллионы «правоверных» должны платить по установленной церковью таксе за молитвы об усопших, за умиротворение душ, находящихся в чистилище, за сокращение срока пребывания в чистилище и за другие ходатайства об умерших. Бедному люду, которому недоступна оплата заупокойных месс, не приходится и рассчитывать на какое бы то ни было облегчение мук чистилища или на сокращение срока пребывания в нём. Какое извращённое представление о Христе! Он всегда был на стороне бедных. Но если в западной церкви молитва об усопших основана на чистилище, то в церкви восточной молитва эта зиждется ещё на более хрупком основании.

Отрицая учение о чистилище и признавая существование «великой пропасти между душами умерших, верующих и

неверующих», православная церковь учит, что ад побеждён страданиями Христа, что смертью Христа открыт свободный переход из ада в рай, но что этим переходом сами «хотящие перейти» воспользоваться не могут, вот почему ответственность за их вечную участь возложена Богом на живущих. Те, кто ещё на земле, должны содействовать спасению родных и близких молитвами за них. Но столь своеобразного «богословского толкования», по-видимому, недостаточно даже для самой церкви, а посему она тщетно старается «подкрепить» своё толкование ещё другими соображениями, как-то: «пока не свершен окончательный Страшный Суд над умершими, — возможна перемена, нужно только чтобы кто-либо об этой перемене позаботился… Души умерших «всегда живы» у Господа, а посему, ту любовь, которую мы питаем к умершим, любовь, которая «никогда не прекращается», мы должны проявить в молитве за умерших, за тех, кто ждёт ещё своей вечной участи (где ждёт — не говорится)… Наши умершие братья, — учит православная церковь, — почти все согрешили «грехом не к смерти», а поэтому сказано: «молитесь друг за друга», «и Бог даст ему жизнь» (Иак. 5,16; 1Иоан.5,16). «Вот мы, православные христиане, и молимся за них…», — учит церковь.

Что же говорит по этому поводу Священное Писание?

Оно говорит, что ад по-прежнему существует, что по-прежнему существует «великая пропасть», и что «хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят». Слово Божие непреложно! Осужденный на вечные мучения богач просит Авраама не о том, чтобы воспользоваться молитвами оставшихся в живых пяти братьев, а о том, чтобы этих братьев самих предупредить об ожидающей их вечной погибели. Богач говорит Аврааму: «так прошу тебя, отче, пошли его (Лазаря) в дом отца моего; ибо у меня пять братьев, пусть он засвидетельствует им, чтоб и они не пришли в это место мучения» (Лук. 16,27–28).

Христос на Голгофе приобрел вечное искупление: «дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную (Иоан.3,16), а не проложил мост из ада в рай, пользуясь которым, нераскаявшийся грешник может избежать Его Божественно-справедливого суда. Ап. Павел говорит: «если… всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении?» (Евр. 2, 2–3). «Если отвергшийся закона

Моисеева, при двух или трёх свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет?» (Евр. 10, 28–29).

Бог нигде и никогда не возлагал ответственности за вечную участь нераскаявшегося грешника на его родственников или близких друзей. В вопросе спасения каждый человек ответственен сам за себя.

Наши молитвы, какими бы сильными ни были, недостаточны, чтобы спасти нас самих. Как же могут они содействовать спасению других? Если бы молитвами можно было спастись, тогда Христос напрасно умер, тогда можно было бы обойтись и без Его искупительной жертвы. Однако, Слово Божие говорит: «что «нет ни в ком ином спасения» (Деян.4,11).

Вечная участь человека, окончательная и неизменная, определяется здесь на земле. Мысль о том, что «для умерших нет пока окончательного суда» — ни на чем не основана. Всё Священное Писание свидетельствует, что человек может быть уверен в своём вечном спасении или гибели здесь на земле. Христос призывает людей к покаянию и возрождению свыше, к той необходимой перемене, без которой человек не может войти в Царство Божие: «Если кто не родится свыше, не может увидеть царствия Божия» (Иоан.3,3). Всякий, кто уверовал во Христа и оставил греховную жизнь, получает от Бога уже здесь на земле прощение грехов и жизнь вечную. Христос говорит: «слушающий слово Моё и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Иоан.5,24). «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоан.3,16). Перемена сердца, перемена испорченной природы человека, должна произойти ещё до смерти. После смерти нет покаяния, нет прощения, невозможны перемены. Вот почему Бог «ныне повелевает людям всем повсюду покаяться» (Деян. 17,30), добавляя, что «человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9, 27). Христос подтверждает эту истину: «умер нищий и отнесён был ангелами на лоно Авраамово; умер и богач… и в аде, будучи в муках…» (Лук.16,22). Разбойнику Христос сказал: «Сегодня будешь со Мною в раю». О неверующих же читаем следующее: «Неверующий уже осуждён» (Иоан.3,18), «неверующий в

Сына не увидит жизни» (Иоан.3,36), «суд им давно готов и погибель их не дремлет» (2Петр. 2, 3).

Наконец, повеление ап. Иоанна молиться о тех, кто «согрешил грехом не к смерти», совершенно не относится к людям умершим. Это повеление не может быть отнесено даже к живым верующим людям, и тем более к неверующим, отвергшим благодать Божию… «не о том говорю, чтобы он молился», добавляет ап. Иоанн (1Иоан.5,16).

Послание было написано ап. Иоанном к членам христианских общин, т. е. к людям уверовавшим, принявшим дар Христова спасения, к людям уже спасённым. Грехи «не к смерти», о которых апостол упоминает, были теми грехами, которые свидетельствовали о неосвящённой жизни человека искупленного и спасённого по благодати Христовой.

Что же касается греха вообще, то нет такого греха, который не был бы к смерти: ибо «возмездие за грех — смерть» (Римл.6,23). Мы, люди, не можем ни замолить, ни искупить самого малейшего греха, но в то же время, какими бы тяжкими грешниками мы ни оказались, если мы принимаем Иисуса Христа, как жертву умилостивления за наши грехи, мы можем сказать: «Он грехи наши Сам вознёс телом Своим на древо» и «ранами Его мы исцелились» (1Петр. 2, 24), «Кровь Иисуса Христа, Сына Божия, очищает нас от всякого греха» (1Иоан.1,7). Христос принимает всякого кающегося грешника, Христос прощает кающегося, даёт ему благодать и силу Духа Святого, уверенность и радость спасения. Спасённый грешник вступает на путь освящения и следования за Христом. Но, идя за Христом, прощённый способен ещё по своей неопытности допускать те или иные упущения, промахи и падения. Но ошибки эти — не к смерти. «Рождённый от Бога хранит себя и лукавый не прикасается к нему» (1Иоан.5,18), «а если бы кто согрешил; то мы имеем Ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, Праведника. Он есть умилостивление за грехи наши» (1Иоан.2,1–2).

В жизни нераскаявшегося грешника всякий грех «к смерти». Человек, не принявший прощения, которое Бог предлагает ему через Иисуса Христа, совершает непростительный грех.

За таких грешников мы должны молиться, пока они ещё живы, направляя все наши усилия к тому, чтобы примирить их с Богом, ибо после смерти — «плач и скрежет зубов» (Мф.8,12).

Молитва о грехе «не к смерти» в жизни верующего весьма необходима, «ибо все мы много согрешаем» (Иак.3,2), но если спасённый человек умирает, тогда вместе со смертью его прекращается и путь христианского освящения. Посему молитвы наши о нём излишни: «блаженны мёртвые, умирающие в Господе» (Откр. 14, 13). Смерть верующего — начало вечного блаженства. Блаженные! В каких молитвах они нуждаются? Когда Сам Бог отрёт всякую слезу с очей их и не будет уже ни нужды, ни болезни, ни плача…

Индульгенция

Ибо благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился

Еф.2,8-9

Одновременно с установлением учения о молитве за умерших и чистилище, в западной церкви начала развиваться продажа индульгенций.

В начале индульгенцией являлось «письменное отпущение вины», освобождение верующего от назначенного ему церковью наказания; но впоследствии (с XI в.), оно превратилось в разрешительную папскую грамоту, отпускавшую за известную плату, или под условием соблюдения известных обязательств, не только прошлые и настоящие, но даже и будущие грехи. «Грамота» эта служила одним из доходнейших источников обогащения папской казны в течение многих веков.

Уже в четвёртом веке были введены в церковную практику, так называемые, «епитимий». Назначение епитимий состояло в том, чтобы наказать отпавшего, но возвращающегося в лоно церкви её члена. Так, например, духовным начальством предписывалось покаявшемуся упражнение в совершении известного количества поклонов, самобичевания, изнурения себя постом и телесными упражнениями. По отбытии назначенной церковью епитимий, провинившийся вновь принимался в число членов церкви. В подтверждение такого зачисления, ему выдавалось письменное удостоверение церкви, гласившее, что епитимия, возложенная церковью на кающегося, им выполнена, совершенный грех, послуживший основанием к отлучению, исправлен и прощен ему, и что отлучённый от церкви вновь принят в среду верующих.

С течением времени, при постепенном падении нравственного уровня западной церкви, индульгенции стали уже входить в церковный обиход, как единственное средство отпущения грехов. Вскоре индульгенции стали раздаваться с большой легкостью направо и

налево. Папы не замедлили сделать из этого практические выводы. Они сосредоточили выдачу индульгенций исключительно в собственных руках, сделав их платными, причём индульгенция могла быть оплачиваема не только деньгами, по установленной таксе, но и различными услугами папскому престолу. Так, например, папа Григорий VIII обещал абсолютное прощение всех грехов каждому королю, содействовавшему ему оружием против германского императора Генриха IV. Подобные же обещания были даваемы папами и во время других войн. Следуя методам своих предшественников, папа Иннокентий III смог собрать большую армию (в XIII веке), для уничтожения Альбигойцев (французские евангелисты, не признавшие папской власти и являвшиеся, таким образом, предшественниками лютеранства). Раздачей индульгенций папа Урбан II поднял на ноги всю средневековую Европу, призывая добровольцев на Первый Крестовый Поход.

До XIII века индульгенции выдавались папами, как отпущение грехов, содеянных в прошлом или настоящем. С начала XIII века индульгенции начали уже выдаваться как отпущение и тех грехов, которые грешник намеревался или рисковал содеять в будущем. Одно заблуждение, таким образом, порождало собою ряд других. Вскоре индульгенции выдавались не только живым, но и умершим членам церкви. Монах Александр Алес измыслил целый «склад» индульгенций, состоявший, по его уверению, из «сверх-должных заслуг» девы Марии и всех святых. Инициатор этого скандального новшества уверял, что души, пребывающие в чистилище, могут с успехом пользоваться индульгенциями для частичного или полного отпущения грехов, содеянных ими на земле, для освобождения души от мук чистилища, для сокращения срока мучений, для перехода в Царство Небесное, и прочее…

В 1300 году папа Бонифаций VIII, расширил право пользования индульгенциями на души всех умерших, подтвердив это правило официальным папским декретом. Индульгенции за подписью папы продавались во всех церквах, на площадях и ярмарках, с барабанным боем, совершенно открыто. Можно было покупать прощение «будущих грехов» на известный срок: на год, два, три и т. д.

Так как индульгенции продавались по весьма высоким ценам, то бедняки автоматически лишались такого фиктивного права. Церковь

устремила свою алчность на знатных и богатых, собирая с них обильную дань деньгами, землями, драгоценностями, рабами, услугами и т. п.

Тридентский собор (в 1563 году) объявил продажу индульгенций догматом церкви и повелел предавать анафеме тех, кто этому нововведению противились.

Излишне доказывать, что такое учение не может опираться на Священное Писание.

Где «сверх-должные заслуги и святость», когда Христос говорит: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный?» (Мф.5,48). Мыслимо ли, чтобы дева Мария и святые угодники достигли большей святости, чем от них требовалось, т. е. стали совершеннее Небесного Отца? Как же понимать тогда следующие слова Христа, сказанные апостолам: «Так и вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: «мы рабы ничего нестоющие; потому что сделали, что должны были сделать» (Лук. 17,10).

Царство Божие не покупается ни подвигами, ни молитвами, ни деньгами. Путь Божьего спасения не уклонился в сторону, не изменился. Человек спасается верою в Иисуса Христа. Он заместил нас на Кресте. Он вселяется в сердце наше чрез Духа Святого. Всякий уверовавший во Христа, «получает оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, Которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его чрез веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде» (Римл.3,24–26; 2Тим.1,9; Тит.3, 7).

Канонизация

Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония

Мф.23,28

Переходя от одного заблуждения к другому, церковь не задумалась присвоить себе право причислять своих членов к лику святых угодников Божиих.

Начиная с 880 года и до настоящего времени, как в западной, так и в восточной церкви, умершие деятели церкви «сопричисляются к лику святых». Этим святым приписывается «право» принимать Божеские почести, поклонение, молитвы и ходатайства за людей пред Богом. Сопричисленным к лику святых служат молебны, акафисты и т. п. В честь «причисленных к лику святых» устанавливаются праздники, пишутся иконы, воздвигаются статуи и даже храмы, изготовляются хоругви, и т. д. Места, где жили угодники, вещи, которыми угодники пользовались, объявляются «святыми», а иногда и «чудотворными»…

Эта церковная практика не имеет в Священном Писании решительно никакого основания.

Царство Божие не заслуживается ни праведностью, ни изнурениями плоти, ни молитвами, ни добрыми делами, ни мученической смертью. Спасение обретается верою в искупительную жертву Иисуса Христа. Спасение даётся даром, по благодати Господней. Всякий, кто уверовал, оставил греховную жизнь, принял Христа Иисуса, как своего Спасителя — «перешел от смерти в жизнь» (Иоан.5,24). Истинный христианин не нуждается в человеческой канонизации, ибо «имя его записано в книгу жизни» на небесах (Лук. 10,20; Откр. 13, 8). Человеку необращённому и невозрождённому никакая канонизация не поможет. Такой человек может говорить языками человеческими и ангельскими, обладать даром пророчества, знать все тайны, иметь всякое познание и всю веру, творить чудеса и многое другое и, вместе с тем, не иметь духа любви, Духа Христова в сердце своём, не иметь самого главного — уверенности в спасении

души. К нему относятся слова ап. Павла: «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим.8,9).

Без Духа Святого, обитающего в сердце человека, человек не может спастись, сколько бы раз он ни был канонизирован, миропомазан или крещён.

Бог принимает в Своё Царство не «канонизированных святых», а кающихся грешников, вне всякой зависимости от их земной репутации.

Какую бы скверную аттестацию ни выдали нам люди, Христос говорит: «приходящего ко Мне не изгоню вон» (Иоан.6,37). Мария Магдалина была блудницей, но Господь принял её, изгнал из неё семь злых духов и сделал её Своим чадом. Разбойнику на кресте, которого не канонизировала ни одна церковь, Христос говорит: «ныне же будешь со Мною в раю» (Лук.23,43).

Бог спасает кающегося грешника не в силу его святости, не в угоду людям, ни ради общественного одобрения и признания, а на основании веры кающегося грешника в очищающую силу Голгофской Крови, пролитой во искупление грехов.

Нигде в Священном Писании мы не встречаем ни одного случая, где Бог давал бы право кому-либо решать: кто из людей заслуживает спасения, а кто — погибели. Христос сказал, что даже «Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну» (Иоан.5,22). Ап. Павел пишет: «Кто ты, осуждающий чужого раба? Пред своим Господом стоит он, или падает?» (Рим. 14,4). Ап. Иаков спрашивает: «А ты кто, который судишь другого?» (Иак.4,12).

Имея пред собою такие ясные указания Священного Писания, мы видим, что церковь не имеет права выносить окончательного приговора к её живому члену, тем менее не имеет она права судить о степени святости умерших, канонизировать их и поощрять воздавание им Божеских почестей. Воистину «человек смотрит на лице, а Господь — на сердце» (1Цар. 16, 7).

Если бы мысли и пути Божий не были выше мыслей и путей человеческих, если бы люди не ошибались в своих суждениях о человеке, Христос никогда не сказал бы: «горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! Ибо так поступали с лжепророками отцы их» (Лук.6,26). Истинные пророки всегда были и будут «ненавидимы всеми народами за Имя Моё» (Мф.10,22).

Один глубоковерующий христианин, чающий пришествия Господня и, по благодати Божией, имеющий уверенность в своём спасении, сказал: «Три вещи поразят меня, когда я войду в Царство Небесное: первое, — я не увижу там многих, кого я сейчас расчитываю, непременно, там встретить. Второе, — там я увижу многих, спасение которых мне всегда представлялось сомнительным. И, наконец, я буду чрезвычайно удивлён, что я сам очутился там. Ибо только там мне откроется полнота моей вины пред Богом и глубина всепрощения Божьего…»

Для более полного знакомства с вопросом о канонизации необходимо прочитать места Священного Писания, которые подтверждают следующие положения:

Чудеса не являются доказательством человеческой святости (Мф.7, 21–23; 1Кор. 13, 1–3; Деян.8,9-11; 16,16–19; Откр. 13, 13–14).

Аскетизм не может служить основой нашего спасения (1Кор. 13, 1–3; Кол.2,18 и 23; 1Кор. 8, 8; Иоан.3,6; 6,63; 8,15; Римл.8,8; Евр. 9, 9-14; Еккл.4,5).

Молитв, милостыни и добрых дел недостаточно для спасения (Деян.10,1–6; Иоан.6,29; Римл.3,20 и 28; 11,6; Гал.2,16; Еф.2,8-10; 2Тим.1,9;Тит. 3, 5).

Канонизация противоречит не только духу, но и букве Священного Писания (Мф.18,1–3; Мк.10,35–45; Мф.23,8-12 и 27–31).

«Святыми» Священное Писание называет всех, верующих в Иисуса Христа (1Фес. 4, 7; Римл.1,7; 12,1 и 13; 16,2 и 15; 2Кор. 13, 12; Еф.1,1 и 15; 2,19; 3,8; 5,3 и 27; 6,18; Фил.1,1; 4,21; Кол.1,2,12 и 22; 1Фес. 5, 26; Тит. 2, 3; Евр. 3, 1).

«Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12, 14).

«Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть!» (2Кор. 13, 5).

Исповедь

Тогда Иуда… раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я…

Мф.27,3-4

Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал…

Пс. 50, 6

Устная исповедь — самое страшное оружие в руках западной церкви по отношению к её членам начинает проникать в церковный обиход в VI веке. Первоначально она появляется в виде личной просьбы отдельных иноков к своему «духовному отцу» помочь им в избавлении от того или иного порока, впоследствии же, как обязательное правило монастырского устава, дававшее руководителям монастыря исключительную возможность следить за образом мыслей и за поведением своих подчиненных. Это, ни на чём не основанное нововведение, не сразу стало практиковаться у мирян. Ещё в IX-м веке устная исповедь пред священником являлась необязательной, что явствует из постановлений Шалонского собора, состоявшегося в 813 году. Параграф 23-й одного из постановлений этого собора оставляет вопрос устной исповеди открытым, говоря: некоторые полагают, что следует исповедывать свои грехи непосредственно Богу, другие находят нужным исповедываться у священника…» Необходимо также отметить, что речь идёт здесь только об исповедании грехов, а не о власти священнослужителя «отпускать» эти грехи.

Спустя четыреста лет Латеранский собор в 1215 году объявил устную исповедь пред священником обязательной для всех церквей на западе и только ещё триста лет спустя, Тридентский собор признал исповедь пред священником таинством и догматом церкви, с правом священника «отпускать грехи кающихся по его усмотрению».

Из всего вышесказанного мы видим, что христианская церковь не испытывала решительно никакой нужды в устной исповеди в течение 1200 лет и ввела исповедь, как догмат и таинство, руководствуясь не Священным Писанием, а только политически-церковными соображениями. Приведенные выше исторические данные отвергают общепринятое, ни на чём не основанное воззрение, что устная исповедь пред священником «ведёт своё начало от апостолов…».

Устная исповедь никогда не являлась следствием духовной необходимости, способствовавшей спасению души. Она оказывалась только мерой церковного принуждения в борьбе с, так называемыми, еретиками, отступниками и сектантами, людьми, иногда, действительно, заблуждающимися, а иногда только не желавшими разделять заблуждений господствующей церкви.

В большинстве случаев устная исповедь играла подсобную роль в преследовании людей, имевших мужество не следовать за церковью, в её отступлениях от Слова Божия и «от простоты во Христе». Вспомним историю инквизиции, которая в течение первых пяти веков своего существования (с XII-го до XVII-го века), умертвила многие миллионы «инакомыслящих» христиан, подвергая их самым жестоким, самым утонченным пыткам и бесчеловечным мучениям.

Вы, вероятно, спросите: что же говорит православная церковь в защиту устной исповеди?

Она учит, что: Христос дал апостолам власть выслушивать исповедь мирян, сказав: «кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся» (Иоан.20,23). Поэтому «видимыми раздаятелями» прощающей благодати являются апостольские преемники — священники…

Первые христиане каялись пред апостолами: «многие же из уверовавших приходили (к апостолам), исповедуя и открывая дела свои» (Деян. 19 гл.), они не Богу каялись, а апостолам, которые должны были сказать: «властью, данной нам от Бога, прощаем и разрешаем».

На исповедь является больной и страдающий человек. Бог же духовно врачует людей только чрез священников, а поэтому (говорит православная церковь), необходимо знать «отчетливо», какой болезнью и в силу каких условий он болеет, если лечение должно быть успешным…

Что же говорит Священное Писание по каждому из трёх приведённых сообщений православной церкви?

Прежде всего, коснёмся «власти данной от Бога вязать и разрешать»:

Право прощать кающегося всегда являлось только божественным правом Самого Господа Бога и никогда, ни в одном случае, никому из людей не передавалось (Мк.2,7; Лук.5,21).

Христос повелевает апостолам провозглашать радостную весть спасения, являющуюся манифестом Его всепрощения. Принятие Евангелия, т. е. благой вести искупления, и было принятием прощения Божия. В обнародовании этой вести и состояла вся сущность возложенного на апостолов поручения. Они должны были идти проповедывать Евангелие всей твари, всюду свидетельствуя, что Бог спасает грешника при соблюдении последним одного условия: принять верою жертву за грех принесённую Христом на Голгофе, довериться Божьей амнистии, оставить прежнюю жизнь беззакония и следовать за Христом в силе Духа Святого, «Которого Бог даёт повинующимся Ему» (Деян.5,32).

Весть спасения люди могли не принять, отвергнуть, ею могли пренебречь, но тогда апостолы имели право заявить: мы предложили вам единственный путь спасения, Господь ожидал вашего покаяния, Он послал нас к вам с манифестом прощения, но так как вы сами отказываетесь от амнистии, то знайте, что ваши грехи остаются и вечно пребудут на вас, т. к. нет другого пути от них избавиться, «ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян.4,12).

Вообще, мы не знаем в Священном Писании такого случая, когда бы апостолы отпускали кающимся грехи. Напротив, Священное Писание повествует о ряде случаев, когда апостолы возвещали, что «Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их» (Деян. 10,43; 13,32–38).

Больше того, нигде в Священном Писании не упоминается, чтобы «отпущение грехов» и «исповедывание прихожан» входило в круг обязанностей апостолов или проповедующих Евангелие. Никогда, ни при одном случае обращения грешников ко Христу апостолы не «разрешают» грехов «властью данной им от Бога». Напротив, когда ап. Павел узнаёт о покаянии впавшего в грех брата, и будучи уверен, что

Христос приходящего к Нему не изгоняет вон (Иоан. 6,37), апостол увещевает церковь в Коринфе проявить к покаявшемуся особенную любовь, говоря: «вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью» (2Кор. 2, 7). Апостол Иаков советует верующим объединяться в молитве к Богу об освобождении их от всяких недостатков, открывая друг другу нужды, о которых хотят молиться. Он говорит: «Признавайтесь друг пред другом в проступках, и молитесь друг за друга» (Иак.5,16). Но следуют ли священники этому правилу? Мы не знаем случая, где бы священник поведал о своих собственных грехах тому, кого он исповедует и пригласил его помолиться вместе о взаимной нужде.

Разберём теперь случай с «уверовавшими, которые открывали дела свои» (Деян.19,18), на что ссылается православная церковь.

Этот случай не имеет никакого отношения к устной исповеди, совершаемой пред священником. Обратим, прежде всего, внимание на то, кто открывал дела свои? — «Уверовавшие!» Другими словами, те из язычников, кто уверовали во Христа, приняли благую весть прощения, и не имели уже нужды в «отпущении грехов». Эти спасённые грешники уже знали, что «Кровь Иисуса Христа Сына Божия очищает их от всякого греха». Открывая дела свои, «уверовавшие» открыто свидетельствовали пред апостолами и другими людьми о тех страшных делах, пороках и грехах, в которых жили они до обращения ко Христу и от которых Христос освободил их. Так «признания» производились не только пред апостолами, но они исходили даже из уст самих апостолов. Послушайте, как ап. Павел «открывает дела свои», говоря: «Вы слышали о моём прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал её» (Гал.1,13). «Это я и делал в Иерусалиме: получив власть от первосвященников, я многих святых заключал в темницы, и, когда убивали их, я подавал на то голос. И по всем синагогам я многократно мучил их, и принуждал хулить Иисуса и, в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах» (Деян.26,10–12). Ап. Павел свидетельствует о тех злодеяниях, от которых Христос его избавил, простив все грехи, призвав на служение «не человеками и не чрез человека» (Гал.1,1–5).

Наконец, православная церковь учит, что «на исповедь христианин является как больной, недужный человек, а потому

необходимо знать «отчетливо», чем он болеет, чтобы лечение было успешным». По этому поводу можно сказать следующее:

Если человек этот духовно «больной и недужный», то в большинстве случаев имя такому человеку не «христианин», а «погибший грешник». Грех — ужаснейшая болезнь! Болезнь наследственная: «в беззаконии зачат и во грехах родила мать»; болезнь, обессиливающая до того, что мы не способны бываем ни на какое доброе дело, не способны идти узким путём, ощущать тайну благодати, слышать голос Божий; болезнь отвратительная, оскверняющая, заразная, мучительная и смертельная. Грех является болезнью неизлечимой и только Христос может с нею справиться. Спаситель называет Себя врачом и, кто кроме Него владеет Божественным даром врачевания и спасения? (Лук.4,18). Ко всякому «больному и недужному» Христос обращается с призывом: «Прийдите ко Мне!» (Мф.11,28). Его метод лечения скорый, верный, радикальный, спасительный во всех веках, во всех поколениях. Его лекарство — Он Сам. Весь мир — один сплошной госпиталь. Иисус Христос не разочаровал ещё ни одного Своего «пациента». С тех пор, как Он выступил на служение (Евр. 7, 24–25), не было ещё ни одного смертельного или безнадежного случая.

Для исцеления «недужный» должен обратиться ко Христу!

Всякий грешник, осознавший гибельность своего беззаконного пути, может обратиться с молитвой покаяния ко Христу и от Него, непосредственно, получить прощение всех грехов, дар спасения и жизнь вечную.

В Священном Писании нет ни одного случая, когда бы грехи «отпускались» священником, пророком или апостолом. Путь возвращения к Богу и примирения с Ним начертан пред нами притчей о блудном сыне. Для грешника, жаждущего спасения души, — нет другого пути.

Человек же верующий, но споткнувшийся на своём пути следования за Христом, и желающий исправить свою ошибку ещё меньше нуждается в людском посредничестве. Ап. Иоанн так пишет к верующим: «а если бы кто согрешил (он не говорит, что мы имеем таинство исповеди и властью данной нам от Бога простим грехи), то мы имеем Ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, Праведника» (1Иоан.2,1).

Духовный брат может способствовать осознанию греха и исповеданию этого греха пред Господом, но ни в коем случае не «прощать и разрешать содеянный грех». Ап. Павел пишет об этом духовным служителям, говоря: «братия! если и впадёт человек в какое согрешение; вы, духовные, (не говорит: исповедуйте и разрешайте властью, данной от Бога), исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою» (Гал.6,1–2).

Ограниченность и слабость человеческая настолько велики, что человек, взявший на себя смелость исповедывать других и прощать грехи вместо Бога, находился бы в постоянной опасности оказаться неверным пред Господом и Богом. Не будучи всезнающим, человек этот мог бы «связать» там, где Бог желал бы простить. И «простить и разрешить» там, где грех исповедан, но ещё не оставлен. Не так ли и случается? Человек на исповеди «перечисляет» свои грехи священнику только формально, для того лишь, чтобы получить «отпущение» и продолжать жить в тех же самых грехах и пороках. Человек только «пересказал» свои грехи, но с ними не расстался; отношение ко греху осталось прежним, греховная жизнь не изменилась.

Человеку-исповеднику грозит опасность оказаться несправедливым к людям. Хотя священник и «должен знать всё отчетливо», прежде чем прочитает молитву отпущения грехов, но всё же сердце человеческое для него всегда «потёмки» и священник, из чувства страха и по различным человеческим мотивам и соображениям (а иной раз и прямым выгодам), может оказаться лицеприятным и подпасть осуждению вместе с тем, кого он выслушивает.

Только один Христос, «пребывающий вечно, имеющий священство непреходящее» (Евр. 7, 24), может отнестись к кающемуся с совершенной справедливостью «и нет твари, сокровенной от Него, но всё обнажено и открыто пред очами Его: «Ему дадим отчёт» (Евр. 4, 13). «Таков и должен быть у нас Первосвященник: святый, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесённый выше небес… священнодействователь святилища и скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек… Он же, принесши одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога… Он и ходатайствует за нас» (Евр. 7, 26; 8,2; 10,12; Римл.8,34). «Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить

милость и обрести благодать для благовременной помощи… Ибо един посредник между Богом и человеками, человек Иисус Христос» (Евр. 4, 16: 1Тим. 2,5).

Покаяние

Если не покаетесь, все так же погибнете…

Лук.13,3

Призыв к покаянию является основным призывом Христа к погибающему человечеству. Воля Божья в отношении человека, нуждающегося в спасении, никогда ещё не была изменена. Она выражена всё теми же всем понятными словами: «покайтесь и веруйте в Евангелие». Покаяние, следовательно, — одно из главных условий нашего спасения.

Но, что значит покаяться?

«Метания» — греческое слово «покаяние» — состоит из двух слов: «мета» — перемена и «ноима» — мысль, разум, мышление. «Метания» в дословном переводе означает: «перемена образа мыслей» (Лук. 1,17). Само собою понятно, что перемена мышления производит перемену и во всех остальных проявлениях человеческой личности, ибо «каковы мысли в душе человека, таков и он» — говорит Священное Писание (Прит. 23, 7). «Метания» означает, поэтому, не только видоизменение в человеческом мышлении, но полную перемену, революцию, подлинный переворот в душе человека, свержение власти сатанинской и утверждение власти и Царства Божьего.

Библия богата красочными примерами покаяния.

Вспомним блудного сына и его покаянное решение: «встану, пойду к отцу моему и скажу ему: «отче, я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим: прими меня в число наёмников твоих. Встал и пошел к отцу своему…» (Лук. 15 гл.). Вспомним блудницу в доме Симона прокаженного, ту, которая омыла ноги Спасителя слезами и волосами головы своей отерла их (Лук. 7 гл.). Вартимея, громко взывавшего: «Иисус, Сын Давидов! Помилуй меня…». Вартимей встретился с немаловажным препятствием: «многие заставляли Вартимея молчать, но он ещё более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня» (Мк.10 гл.). Мытаря, не смевшего поднять очей своих вверх, ударявшего себя в грудь, молившегося:

«Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лук. 18 гл.). Все эти и многие другие примеры покаяния весьма ценны и способны сказать весьма многое тем, кто желал бы последовать их благородному примеру. Но ни один случай Покаяния так ярко не отображает самого процесса покаяния, как поразительное пророчество Захарии о грядущем национальном покаянии израильского народа.

Вот это пророчество: «А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нём, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце…» (Зах.12 гл.).

Подлинное покаяние на основании слов приведенного текста есть ни что иное, как чудесное действие излившегося Духа Святого. «Изолью Духа» — говорит Господь. Как часто мы, люди, связываем покаяние с теми или иными аргументами человеческого ума, с научными доказательствами, со страхом расплаты за содеянное, страхом смерти, со всевозможными психологическими воздействиями на чувства и волю слушателя. На самом же деле, истинное покаяние приходит к нам, как дар свыше, как «Дух благодати» от Бога. Ибо «благодать Божия ведёт нас к покаянию» (Римл.2 гл.).

В деле нашего пред Богом покаяния, «дух благодати» играет очень важную роль. В представлении нашего плотского «я» покаяние всегда связано с чем-то унизительным, нежелательным, неприятным и нам трудно бывает справиться с этим неправильным чувством. И вот здесь «дух благодати» приходит к нам на помощь. Он даёт нам нужную силу и в этом выражается Его великое к нам благо. «Благодать» или «дать благо» является к нам в виде чего-то, в чём мы испытываем крайнюю нужду, но не имеем в самих себе сил этой нужды удовлетворить.

Мы, люди, никогда не сможем каяться в грехах своих до тех пор, пока мы не получим правильного о них понятия, пока не осознаем степени их преступности пред Богом. Мы способны бываем тогда только видеть наши грехи в их множестве и во всем их отталкивающем виде, когда Бог открывает нам наши духовные очи. Там, где ещё нет подобного видения грехов, там не было ещё и «духа благодати». Там, где «Дух благодати» отсутствует, будет отсутствовать и настоящее покаяние. Там где нет покаяния, не может быть прощения грехов и желанного спасения.

Заметьте дальше, что Господь обещает излить не только «духа благодати», но и «духа умиления»…

Дух умиления — это Тот самый Дух Святой, которого Бог излил на апостолов в день Пятидесятницы. Это Он дал ученикам силу проповедывать Слово, грешникам — желание каяться, как написано: «слыша это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим апостолам: что нам делать, мужи братия?»

В подлинном покаянии должен участвовать весь человек, весь полностью и без остатка. Когда наше сознание пробуждено, совесть вскрыта, разум просвещен, воля готова подчиниться воле Божьей, нашему порочному сердцу, «сердцу каменному» надлежит тогда стать «сердцем плотяным»; сердцу упорному, жесткому, звериному необходимо расплавиться, растаять… Прийти в состояние подобного умиления мы сами неспособны и не можем. Но если мы обращаемся к Богу, «дух умиления» производит в нашей душе нужную перемену. «Дух умиления» указывает нам на Распятого, на Того, Которого пронзили… «Воззрят на Него».

Взгляд на невинного, страдающего Спасителя всегда был основой истинного покаяния. Кающемуся надлежит как бы пройти по кровавым следам Христа от Гефсимании до Голгофы и там с Ним встретиться. Дух Святой приводит кающегося на это лобное место, как пойманного убийцу, на место содеянного им преступления и ожидает от него «принесения повинной», безусловного покаяния.

Стоя на Голгофе и взирая на Распятого, мы впервые видим себя в числе тех, «кто возлюбили более тьму нежели свет», враждовали с Богом, избрали Варавву, распяли Христа и лично ответственны пред Богом за всё содеянное. Наша душа наполняется тогда внутренним трепетом, мы приходим в ужас, в отчаяние, и сердце разражается рыданиями… «И будут рыдать о Нём, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце».

Конечно, есть случаи покаяния, и таких немало, когда кающийся решительно порывает со всяким известным его совести грехом, не проронив при этом ни одной слезы, но сонмам покаявшихся людей знакомо и то чувство скорби и рыдания, о котором говорит разбираемое нами пророчество.

В религиозном опыте встречается два вида плача: плач истинный и плач ложный. Их легко различить. Правильный плач всегда будет

«плач о Нём», плач о своих тяжких грехах, причинивших Спасителю столь невыразимые страдания. Плач ложный — плач о себе самом — самооплакивание.

Есть люди, которые никогда ещё не «рыдали о Нём», но сколько пролили они слёз, плача о самих себе. Этот вид плача имеет мало общего с христианским покаянным чувством. Подобно Исаву, продавшему своё первородство за чечевичную похлёбку (Евр.12 гл.), Иуде, бросившему серебренники первосвященникам, богачу-юноше, «отошедшему с печалью» и многим другим, эти люди плачут о себе, скорбят не о том, что поддались соблазну игры, а о том, что «проигрались», сожалеют горько, не о грехе, а о последствиях греха.

Немало встречаем мы людей, оплакивающих себя и среди лиц, ищущих покаяния. Прося Бога о прощении души, они плачут, но не о грехах своих, заставивших Христа, «как непорочного и чистого Агнца», оставить славу небес, прийти на землю, принять нашу вину, испить всю чашу нашего позора и страданий… Они вопят о своей неудачно сложившейся жизни, о несбывшихся мечтах, отравленных радостях, навсегда погребённых надеждах, об изношенном теле своём, о полном своём одиночестве, об удручающей сознание собственной беспомощности, об отсутствующей материальной обеспеченности, о расшатанном здоровье и частых своих недугах, об утраченной репутации и безразличном к ним отношении, когда-то близких им, людей.

Почему Бог не придаёт значения такому самооплакиванию и не принимает его за должное покаяние? Почему Бог не благоволит к слезам Исава или Иуды и не может дать им Своего благословения?

Потому что человек, оплакивающий самого себя, не перестаёт быть центром личного своего внимания. Заметьте, что в истинном покаянии этот центр переносится с кающегося грешника на милующего Бога. До покаяния, главным центром жизни кающегося, было его порочное, эгоистическое «я» и вокруг этого центра вся его жизнь вращалась. После покаяния единственным центром внимания и всей жизни покаявшегося становится Бог.

Отсюда самооплакивание больше вредно человеку, чем полезно. Самооплакивание удаляет человека от Бога и не позволяет ему ощутить в себе должную покаянную глубину, не даёт ему, как говорят, «стукнуться о дно, чтобы опять всплыть кверху»…

Самооплакивание вредно ещё и потому, что истинное сокрушение сердца и обращение к Богу приводит кающегося к радости; из бездны отчаяния оно подымает человека и ставит его на скалу, тогда как самооплакивание отказывает плачущему в утешении, оно толкает человека в «топь уныния», к отчаянию, к самоубийству…

Христос сказал: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся…». И все, кто прошли путём горького покаянного вопля, неизменно обретали небесное утешение и радость. Давид свидетельствует об этом, говоря: «Услышал Господь голос плача моего, услышал Господь моление моё и обратил сетование моё в ликование…» (Пс.29 гл.). Пророк Исайя пишет: «Возвестите сетующим на Сионе, что им вместо пепла даётся украшение, вместо плача — елей радости, вместо унылого духа — славная одежда» (Ис.61 гл.).

Подлинное покаяние поднимает человека, поднимает его сердце, его голову, его руки. Истинное покаянное рыдание всегда заканчивается духовным возрождением, уверенностью в прощении грехов и радостью спасения. Крест Голгофы, вначале вменяющийся грешнику в вину, позже принимается им, как единственная основа его прощения.

Христианство первых веков было религией радости. Примирившиеся с Богом грешники, спасённые по Его благодати, знали в те времена, что значит «радоваться радостью неизреченною и преславною». Но пять веков спустя, когда люди пытались следовать за Христом без предварительного покаяния, без оставления грехов, без обновленной жизни и Духа Святого, христианству стали приписывать подавленное настроение духа, печальное выражение лица и уныние сердца.

Грех — болезнь мучительная и смертельная, и трудно человеку радоваться, пока он подвержен этой болезни. Но радость, как сильное пламя, внезапно охватывает его, когда он убеждается в полном своём исцелении. Горькие слёзы покаяния прекращаются, когда Бог снимает с плачущего его греховное рубище и облекает в ризы спасения.

Чрезвычайно важно заметить, что в истинном покаянии усматривается четыре главных момента:

Угрызение совести (Иоан. 16,8-11),

Сокрушение сердца (Пс. 50-й),

Исповедание уст (Рим.10,9-13),

Исправление жизни (Мф.3,8).

Не подлежит сомнению, что все эти четыре этапа покаяния очень важны и, однако, ничто так не свидетельствует об истинности покаяния, как «сотворение достойного плода покаяния» — исправление жизни. Мы готовы забыть иногда, что покаяние наше тогда только бывает действительным, когда мы воздерживаемся от того, в чём каялись и не допускаем уже в нашей жизни грехов, исповеданных однажды пред Богом. Грех, прощённый Богом, есть только грех, оставленный нами навсегда! Слушайте, что говорят по этому поводу некоторые из отцов Церкви:

Иоанн Златоуст: «Чтобы получить прощение от Бога, не довольно молиться два или три дня; надобно произвести перемену всей жизни и, оставив порок, постоянно пребывать в добродетели. Бог не оставляет нам грехов, когда мы сами их не оставляем».

Василий Великий: «Самый верный знак, по которому всякий кающийся грешник может узнавать, действительно ли грехи его прощены Богом, есть тот, когда мы чувствуем такую ненависть и отвращение от всех грехов, что лучше согласимся умереть, нежели произвольно грешить опять пред Господом».

Григорий Богослов: «Покаяние имеет как бы два лица. Оно взирает на прошедшее и будущее; на прошедшее, дабы оплакать содеянные грехи; на будущее, чтобы не делать их уже более».

Адриан Ютский: «Покаяние есть договор с Богом об исправлении жизни».

Исаак Сирин: «Кто в надежде на покаяние поползнется вторично совершить тот же грех, в котором принёс покаяние, тот лукаво поступает с Богом».

Повторяя грех, который сознательно осудил в себе, человек сводит на нет самый акт покаяния, делает его недействительным. Примирившись однажды с Богом, мы должны жить в мире с Ним, а это возможно только в том случае, если мы не допускаем сознательного нарушения Его воли.

Человек не освободится от греха, пока не раскается; не раскается, пока не осудит себя, не осудит себя, пока не познает грехов своих и их значения и не принесёт Богу плода своего покаяния.

Флорентийский тиран Лоренцо лежал на смертном одре. Три вещи отягчали его совесть: убийства, грабежи и узники. «Ты ищешь

прощения у Бога?» — спросил тирана великий проповедник правды Савонарола. «Три вещи ты, Лоренцо, должен немедленно исполнить: «Убийства? Их уже нельзя исправить — уповай на безграничное милосердие Божье. Награбленное? Всё возврати собственникам, и если кого из них нет в живых, — раздай нищим. Заключённые пленники? Выпусти измученных на свободу…».

Читатель! Нет надобности быть тираном и лежать на смертном одре, чтобы начать интересоваться вопросом спасения вашей души. Не надо совершать тяжких преступлений и жить в гнусных пороках, чтобы погибнуть. Ваша вина, какой бы она маленькой и ничтожной вам не казалась, достаточно велика для того, чтобы разлучить вас навеки с Богом. Воззри же на Него, Которого пронзили, и покайся!

Крещение

Один Господь, одна вера, одно крещение…

Еф.4,5

С начала третьего столетия и вплоть до наших дней, мы встречаем в христианских церквах множество разных определений сущности крещения.

Обратимся, поэтому, к первоисточнику. Посмотрим, что говорит о таинстве крещения Священное Писание и откуда произошли, связанные с этим вопросом, заблуждения.

Что такое крещение?

Слово «крестить» в греческом оригинале означает «погружать» или «хоронить в воде».

Крещение, по словам Священного Писания, является символом погребения греховной жизни уверовавшего. Со Христом крещаемый умер для греха и воскрес с Ним для «обновленной жизни». Поэтому, ап. Павел пишет: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мёртвых славою Отца, так и нам ходить в обновлённой жизни. Ибо, если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим.6,3–5).

Крещение — прообраз омытия наших грехов в жертвенной Крови непорочного и чистого Агнца и возрождения от Духа Святого: «И вас, которые были мертвы во грехах и в необрезании плоти вашей, оживил вместе с Ним, простив нам все грехи» (Кол.2,13).

Крещение — наше публичное свидетельство пред людьми и пред Богом о том, что в смерти Христа мы нашли спасение: ибо «подобное сему образу крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа» (1Петр. 3, 21).

Крестящийся, актом крещения исповедует, что он чрез веру вступил в тесное общение со Христом и получил от Него прощение грехов: «Зная то, что ветхий наш человек распят с Ним…. дабы нам не

быть уже рабами греху» (Рим.6,6). Ибо «во Христа крестившиеся во Христа облеклись» и «уже не я живу, но живёт во мне Христос», ибо «я сораспялся Христу» (Гал.2,19–20; 3,27). Крестящийся, как бы говорит: «я не возлагаю никакой надежды на мою плоть, я ей не доверяю. Я даже не допускаю мысли о возможности исправления своей ветхой, греховной натуры, а поэтому я отдаю её на смерть, перехожу на сторону Христа и выступаю против самого себя» (Рим.7,18–19; 6,11–14; 8,1,9).

Спасает ли крещение?

Крещение никого не спасает. Спасает Христос Своей пречистой Кровью (Откр. 1, 5; 1Иоан.1,7). Крещение является, как бы подтверждением того, что дар спасения нами уже принят, что Голгофская жертва и Дух Святой уже совершили дело спасения в нашем сердце, что мы уже приняли дарованную нам жизнь во Христе и наслаждаемся ею. Запомним же, что не крещение приводит к спасению и новой жизни, а новая жизнь приводит к крещению. Там, где Дух Святой не произвёл ещё перемены в жизни, там крещение лишено всякого основания. Предварительным условием истинного крещения является сознательная вера во Христа, покаяние и обращение к Богу, ибо только тот, «кто будет веровать и креститься, спасён будет» (Мк.16,16). Заметьте, что не креститься сначала, а потом веровать, но сначала уверовать, а затем уже креститься. Такой порядок установлен Самим Богом, и как много вреда причинило христианству искажение этой Божественной последовательности.

Господь дал людям ясное повеление, говоря: «Идите, научите все народы, крестя их» (Мф.28,19). Сначала надо научить, а потом уже крестить. Так крестил Иоанн Креститель (Мф.3,6). Так, исполняя всякую правду, крестился Сам Господь (Мк. 1,9). Так были крещены Его ученики (Иоан.3,22–26; 4,1). Так крестить заповедано апостолам (Мф.28,19). Так апостолы и совершали крещение (Деян.2,38–41; 8,12,36–38; 9,18–19; 10,47). Так крестились все верующие древне-апостольской церкви. Они, услышав Слово Спасения, каялись, принимали Христа в сердце, и затем крестились (Деян. 10,32–34,45-47; 16,14–15; 18,8; 19,5–7).

Заметим также, что для совершения крещения требовалось «много воды», настолько много, чтобы крещаемый мог «скрыться под водою» (Иоан.3,23).

Крещение есть личное повеление Господа, данное: проповедникам Евангелия — крестить: «крестя их» (Мф.28,19), а верующим в Евангелие — креститься: «и да крестится каждый из вас» (Деян.2,38; 9,10–18).

Ведёт ли обычай крещения детей своё начало от апостолов?

Мы, русские, принявшие христианство, спустя девять веков после его основания, унаследовали его от Греции уже тогда, когда христианство было сильно засорено, испытало на себе влияние различных государственных систем и пропиталось Византийским язычеством. Приняв христианство не из первоисточника, а как бы, из вторых рук, мы приобщились ко всем его «готовым» вековым наслоениям и заблуждениям. Вместе с этими отступлениями от Священного Писания мы приняли и учение о крещении детей. Этот исторический проверенный факт лишает нас, русских, права пользоваться всеми излюбленной фразой: «православие ведёт своё начало от апостолов…».

О крещении детей в первоапостольской церкви нигде нет ни малейшего упоминания. Мы не встречаем случая детокрещения ни в одной книге Священного Писания. Исследуя церковную историю, мы находим, что первым, кто упоминает о крещении детей, был епископ Лионский Ириней (около 200 года по Р.Х.). Но было бы ошибкой допустить, что к этому именно времени учение о крещении детей вылилось в форму церковного догмата. Напротив, ещё в IV веке крещение взрослых было обычным церковным правилом. Лишь в VI веке, когда господствующее положение государственной церкви утвердилось, крещение младенцев стало явлением распространённым, общепринятым и даже обязательным.

Для тех, кто любит ссылаться, в вопросе крещения детей, на отцов церкви, не лишним будет напомнить, что Иоанн Златоуст, живший в IV веке и родившийся от родителей-христиан, был крещен 20-летним юношей. Григорий Богослов, живший в IV веке, сын христианина-проповедника, был крещен только в 24-х летнем возрасте. Василий Великий, живший также в IV веке и родившийся в христианской семье, принял крещение, когда ему было уже 30 лет. Августин Блаженный, мать которого Моника была христианкой и даже причислена к лику святых, крестился также 30-ти лет. Киприан

крестился будучи 45 лет от роду. Многие другие христианские подвижники и мученики приняли крещение также в зрелом возрасте.

Как и почему возник обряд крещения детей?

Детокрещение оказалось выгодным для государства, на службу к которому церковь попала, лишившись своей самостоятельности. Детокрещение доставляло государству подходящий элемент в лице людей, крещенных в детстве, но бессознательных и пассивных, готовых на послушание не только добру, но и злу, если таковое облечено в «благородные» и «возвышенные» идеи. Поддержанию такого учения содействовали и соответствующие правительственные указы. В кодексе Юстиниана сказано: «Родители, как скоро сами они крещены, обязуются под страхом тяжких наказаний, крестить и своих детей» (Алмазов, 592 стр.). Закреплению и узаконению этой ереси помогли знатные и влиятельные прихожане, так называемые «благотворители церкви». Император Лев Философ повелел крестить детей до истечения 40 дней после рождения. Были и другие государственные указы, направленные к закреплению этой ереси, перечислять которые считаем излишним.

Второй причиной к отступлению послужило то, что духовенство государственной церкви, переходя из рода в род, стало пополняться лицами не апостольского призвания. Появились люди «церковной профессии». Таким пастырям-профессионалам выгодно было умножать количество пасомых процентным ростом населения и при том, без всякой проповеди Евангелия, даже без катихизации и оглашения.

Евангелие, с течением времени, всё больше и больше заслонялось ложными человеческими учениями, как то: учением гностиков о магической силе таинств, языческими суевериями, традициями, постановлениями отцов церкви, вселенских соборов, всегда действовавших под известным давлением светской власти. Вековые заблуждения принимались сменявшимися поколениями безоговорочно, ибо заблуждения эти выдавались за истину кристальнейшей чистоты, не требующую доказательств, а всякий, кто имел смелость усомниться в подлинности догматов и верности учения, объявлялся церковью еретиком и отступником. Обсуждать и проверять правильность православных догматов веры? Да нужно ли это?

В России такой вопрос никогда не поднимался ни в церковной, ни в светской литературе. Церковная цензура никогда бы ничего подобного в печать не пропустила. Ожидать решения этого вопроса в общецерковном масштабе — не приходится. Те, кто прозрел духовно, решают его в личном порядке.

Что говорит о крещении детей Слово Божие?

Дети не нуждаются в крещении. Христос говорит, что «таковых есть Царствие Божие» (Лук. 18,16) и ограничивается благословением их. В другом месте Христос говорит, что «Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф.18,10). Спаситель неоднократно подчёркивает, что если мы, взрослые, не обратимся и не станем как дети, «не сможем войти в Царство Небесное» (Мф.18,3).

Ап. Павел говорит, что дети освящаются родителями — христианами (1Кор. 7, 14) и, как таковые, не нуждаются в таинствах, пока — дети.

Крещение, ни в коем случае, не является «новозаветным обрезанием», иначе младенцам и взрослым женского пола не надо было бы креститься, вообще, как не надо им было обрезываться в Ветхом Завете. Галатам, признававшим ветхозаветное обрезание, ап. Павел не говорит, что оно заменено в Новом Завете крещением, но, напротив, (Гал.5,6-11 и 6,15), решительно разграничивает эти два понятия, открывая истинный смысл того и другого.

Для всякого уверовавшего в Иисуса Христа, крещение является сознательным вступлением в новый союз (Новый Завет) с Богом. Сознательная вера в Христа, как личного Спасителя, приводит грешника к возрождению. Там, где отсутствует такая вера, не может быть рождения свыше, а раз так, то недопустимо тогда и само крещение. В подобном случае оно окажется лишь лжесвидетельством о спасении, которого он, крещаемый, от Бога не получил.

Защитники крещения детей часто ссылаются на случай, где после проповеди ап. Петра крестился сотник Корнилий и «весь дом его», а там могли оказаться и дети. Но «могли быть» не значит «были», а если бы и были, то и тогда выражение «весь дом» относится лишь к тем, кто мог «внимать тому, что говорил Пётр», т. е. к людям, способным веровать. Говоря, «мобилизован весь дом» для работы в поле, мы подразумеваем, что принимают участие все способные к труду, а, отнюдь, не младенцы.

Крещение должны принимать не младенцы, не взрослые, а только уверовавшие, независимо от их пола и возраста. Но способны ли веровать младенцы?

Крещение — это единственная дверь к вступлению покаявшегося грешника в общение с видимой церковью Христовой: «Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трёх тысяч» (Деян.2,41).

«Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф.28,19–20).

Миропомазание

Глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть…

От. 3, 18

Неразумные (девы), взяв светильники свои, не взяли с собой масла

Мф.25,3

Таинство миропомазания, по учению православной церкви, состоит в том, что крестившемуся младенцу после молитвы о ниспослании Духа Святого, крестообразно помазуются елеем: лоб, уши, ноздри, грудь и ноги, с произнесением слов: «печать дара Духа Святого». В миропомазании верующие получают, якобы, силу свыше, помогающую им исполнять Евангельские заповеди и возрастать в духовной жизни. Однажды совершенное над верующим это таинство, никогда не может быть повторено, ибо своё благодатное действие оно простирает на всю жизнь человека.

Вряд ли нужно догматически доказывать, что никакой силы свыше чрез миропомазание не сообщается. Жизнь миллионов людей, миропомазанных в прошлом и миропомазующихся ныне, противоречит тому, в чём стараются убедить нас теоретики-формалисты.

Дух Святой — самая реальная, самая свободная и могущественная сила в мире. Дух Святой не был ещё и никогда не сможет быть монополизирован ни одною церковью: «Дух дышет, где хочет…» (Иоан. 3,8). Он «даётся (Богом), повинующимся Ему» (Деян.5,32), к действиям Духа Святого не применимы человеческие рамки или условности, но присутствие Духа Святого в сердце верующего может быть всегда проверено по «плодам» и ларам» Духа Святого. Плоды Святого Духа являются признаком истинной жизни во Христе: ибо «по плодам их узнаете их…» (Мф.7,20).

Там, где Дух Божий «не принят», где Духу Святому «не повинуются», Дух Святой — только абстрактное понятие, которое можно облечь в какую угодно бездушную форму.

Церковь ввела миропомазание в свою служебную практику почти одновременно с крещением младенцев. Заблуждение это было церковью допущено по следующим причинам:

миропомазание явилось следствием проникновения в христианскую церковь некоторых ветхозаветных обрядов и установлений.

Уже ап. Павлу, как защитнику христианства в чистом виде, пришлось вести серьёзную борьбу с так называемыми «иудействовавшими христианами». Эти христиане, обращённые из иудеев, настаивали на том, чтобы христиане, обращённые из язычников, обрезывались, а иудеи, перешедшие в христианство, исполняли Моисеев закон. Этому вопросу Павел посвятил три послания: к Римлянам, Галатам и Евреям. В них он указывает, что «конец закона — Христос» (Рим. 10,4) и что ветхозаветное ритуальное богослужение было только прототипом и прообразом реальных духовных переживаний верующего Нового Завета. В первом завете господствовала «буква закона», во втором, — «Дух животворящий»; там — предсказания, здесь — исполнение предсказаний; там — символы, здесь — реальная духовная сущность; там — «кровь жертвенных живот-ных, которая никогда не может истребить грехов» (Евр.9 и 10 гл.), здесь — Христос, «непорочный и чистый Агнец» (1Петр. 1, 19; Иоан.1,29), «взявший на Себя грехи всего мира»; там — «скиния видимая», здесь — «храм духовный»; там — первосвященник «обложенный немощию», здесь — «Первосвященник на веки Совершенный»; там — «елей помазания», здесь — «Помазание от Святого», Дух Святой; там — видимое, здесь — духовное; там — временное, здесь — вечное.

Бог провёл грань между двумя заветами и, тем не менее, уже в первом веке люди всячески стремились устранить эту грань. Ап. Павел удачно и надолго отразил тогдашнее посягательство на простоту и свободу во Христе, но позже христианская церковь всё же не сохранила за собою этих священных позиций, так как «по отшествии (ап. Павла) вошли (в церковь) лютые волки, не щадящие стада» (Деян.20,29–31). Пророческие слова ап. Павла о лютых волках в

точности исполнились. В роли «лютых волков, не щадящих стада», явились гностики, стремившиеся примирить христианство с иудейством и языческой философией, создав из них «единую веру». Попытка эта являлась реакцией языческого ума против простоты и ясности, несложных, но истинных воззрений первоапостольской церкви. Гностицизм оказался неизбежным следствием столкновения язычества с разросшимся уже тогда и укрепившимся христианством. Исходя из эллинского идеализма, восточного пантеизма и христианского откровения, это новое учение впало в крайние, а, порой даже фантастические религиозные мудрствования и мистический символизм. Хотя учение это потерпело поражение, тем не менее, оно оставило свою окраску, от которой ортодоксальная церковь не может избавиться до настоящего времени.

Миропомазание основано на превратном понимании терминов новозаветных Писаний.

Говоря о новозаветном духовном опыте христианина, апостолы часто пользовались ветхозаветными терминами и прообразами. Так, например, ап. Иоанн говорит о Духе Святом, как о помазании свыше: «вы имеете помазание от Святого, и знаете всё», «помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает», «сие помазание учит вас всему» (1Иоан.2,20 и 27), «когда же придёт Он, Дух истины; то наставит вас на всякую истину» (Иоан.16,13). Ап. Павел, устраняя в деле получения «помазания свыше» всякое человеческое посредничество, пишет, пользуясь всё тем же термином: «Помазавший нас есть Бог, Который и запечатлел нас, и дал залог Духа в сердца наши» (2Кор. 1, 21–22). Читая всё это, невозрождённые люди не могут понять, что в Ветхом Завете помазание совершали священники и пророки, в Новом же совершает его Сам Бог. В Ветхом Завете помазание совершалось елеем, как прообраз Духа Святого, в Новом же Завете — Сам Бог «запечатлевает обетованным Святым Духом» (Еф.1,13).

Для христиан древнеапостольской церкви вообще, и в особенности для тех, кто получил помазание Духа Святого в день Пятидесятницы, такие термины как: «помазание», «горящие светильники», «реки воды живой», «источник воды», не нуждались в истолковании. Они были настолько понятны, что евангелист Иоанн

только в одном случае поясняет, говоря: «Сие сказал Иисус о Духе, Которого имели принять верующие в Него» (Иоан.7,38–39).

Но с тех пор сменились десятки поколений. В церковь проникли люди заведомо невозрождённые, люди, которым были чужды проявления Духа Святого в личной жизни искупленных. Возникла вполне естественная потребность чего-то видимого, что могло бы напоминать о духовных реальностях. Эти невозрождённые люди, не имея Духа Святого как реальной сущности, возвратились снова к ветхозаветному прообразу Духа Святого, — к елею, к миропомазанию…

Но здесь их, заблудившихся, ожидала другая степень заблуждения. Оказалось, что не было такого случая во всём Новом Завете, когда бы Дух Святой ниспосылался уверовавшему в результате помазания его елеем. Это обстоятельство привело «отцов церкви» к компромиссному решению — ввести помазание вместо новозаветного возложения рук. Но на каком основании принято было такое решение и кто дал право «отцам церкви» изменять и отменять установления Божий? Этого никто не знает, даже люди, искушенные богословскими науками. Протоиерей Пётр Смирнов, автор «Изложения Христианской Православной веры», объясняет это таким образом: «почему возложение рук заменено миропомазанием, в апостольских Писаниях на это ответа нет!…». Но если ответа нет, (хотелось бы ответить Петру Смирнову), тогда зачем искать какое-то «основание» вне Священного Писания, — будь то в предании, или у Киприана, Тертулиана и других христианских деятелей, писателей и историков, лишь удачно зарегистрировавших наличие многих заблуждений тогдашней церкви.

В Западной церкви миропомазание совершается над крещаемым не тотчас после крещения, как это принято совершать в церкви православной, а по достижении крещённым отроческого возраста.

Позднейший обычай Западной церкви ударять помазанного по щеке, не имеет основания не только в Ветхом Завете, но вряд ли нечто подобное допускается в каком либо языческом культе. Сбывается Писание: «И стало у них словом Господа: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного, там немного…» (Ис. 28, 13). Там, где к Слову Божию наблюдается такое кощунственное отношение, Господь повелевает: «выйдите из среды их, и отделитесь и не прикасайтесь к нечистому; и

Я приму вас. И буду Вам Огнем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель!» (2Кор. 6, 17–18).

Елееосвящение

По сей причине… держись образца здравого учения

2Тим.1,6;13

Православная церковь учит, что «елееосвящение есть таинство, в котором при помазании больного освящённым елеем призывается благодать, врачующая от болезней души и тела. Лица, приемлющие сие таинство, суть — одержимые сильною болезнью. При совершении елееосвящения должно не только присутствовать, но и участвовать в таинстве семь священников. Только по нужде церковь разрешает совершать это таинство одному священнику, обязывая его мазать больного елеем семь раз, как бы от лица семи священников…».

В связи с вопросом помазания больного елеем, Священное Писание даёт ясное указание, говоря: «Болен ли кто из вас? пусть призовёт пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне, — и молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему…» (Иак.5,14–15).

Сопоставляя православное учение с вышеприведенным указанием Божиим, мы видим, что участие в помазании семи священников, а так же семикратное помазание елеем — ни на чём не основано. Священное Писание оставляет полную свободу выбора числа лиц, участвующих в помазании. Что же касается того, сколько, именно, раз больной должен быть помазан, то здравый смысл подсказывает, что только один раз и, притом, одним из присутствующих при помазании пресвитеров.

Православное вероучение переносит центр тяжести елееосвящения на «освящённый елей», приписывая ему какое-то магическое действие, в то время, как Слово Божие в основу таинства елеепомазания полагает «молитву веры», от которой зависит восстановление здоровья больного христианина, ибо сказано: «и молитва веры исцелит болящего».

Православное вероучение в этом вопросе, как бы подчёркивает роль помазующих священников, тогда как Слово Божие, напротив, повелевает пресвитерам помазать больного елеем во имя Господне и этим как бы подтвердить, что исцеление произошло совсем не благодаря их участию, что главная роль в исцелении отведена Имени Христову.

Это значит, что не «чудотворцы» исцеляют больного, а Господь, и слава принадлежит только Имени Иисуса Христа. О такой, именно, «непричастности» к исцелению, апостолы постоянно заявляли. Были случаи, когда народ готов был приписать славу исцеления служителям Христовым и, даже, поклоняться им. Так поступили апостолы, исцелив хромого. «Увидев это, Пётр сказал народу: мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он (парализованный) ходит?… Ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие пред всеми вами» (Деян.3,12 и16).

Согласно православному вероучению, право верующего на призвание пресвитеров и на молитву помазания ограничено случаем только весьма «тяжелого недуга». Слово Божие, напротив, даёт нам полную свободу в этом вопросе. Слово Божие ставит всё в полную зависимость не от степени болезни, а от свободного Желания болящего.

Мы знаем на практике, что елеосвящение совершается православной церковью не с целью получить исцеление (в возможность которого редко верит молящийся или тот, за кого молятся), а в надежде на «полное отпущение грехов». Священника приглашают совершить над больным елеосвящение и прибегают к нему уже тогда, когда все другие средства были испытаны и всем стало ясно, что «больной не выживет».

В заключение надо сказать, что в наши дни таинством елеосвящения редко кто пользуется даже в православной церкви. Позволить себе роскошь, пригласить к больному семь священников, материально не всем доступно. Совершать же миропомазание «по нужде», пользуясь одним только священником, означает для некоторых «чего-то не доделать», «поскупиться пред Богом…». Итак, возвратимся к простоте Евангельской, будем держаться, как советует

ап. Павел, «образца здравого учения» (2Тим.1,13). «Так поступая, никогда не преткнетесь, ибо так откроется вам свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа…» (2Петр. 1, 10–11).

Евхаристия

Я уже не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в Царствии Божием

Мк. 14,25

В IV веке некий монах Радберт Пасхазий пытался целым рядом софизмов доказать своим современникам, что хлеб и вино, принимавшиеся христианской церковью в течение девяти столетий «в воспоминание» о смерти Спасителя, — «пресуществляются», т. е., меняют свою сущность по молитве священника, совершающего это таинство. Пасхазий утверждал, что хлеб и вино, которыми пользуются верующие, становятся действительной Кровью и действительным Телом Христа; тем Телом, которое было рождено от девы Марии, и той Кровью, которая струилась из ран Христа на Голгофском кресте.

Эта болезненная фантазия монаха-фанатика встретила немало протестов не только у духовенства, но и среди влиятельных мирян. Папа Иннокентий III был первым официально упомянувшим об этой доктрине и одобрившим её своим декретным письмом. В числе сочувствовавших этому новому учению оказался также и папа Григорий Великий (Гильдебранд).

Собор (в 1059 г.) в Риме, под председательством папы Николая II-го, после многих бурных протестов и споров признал фантазию монаха Радберта Пасхазия новым догматом Западной церкви.

Одновременно, догмат этот проник и в Восточную церковь, несмотря на то, что окончательное отделение Западной церкви от Восточной произошло за пять лет до спора (в 1054 году). И все же, несмотря на всю строгость церковных узаконений, «догмат о пресуществлении» оставался долгое время одним из самых спорных вопросов Западной церкви. Чтобы положить конец спорам, папа Григорий VI установил своеобразный пост для кардиналов, которым было поручено добиться по этому спорному вопросу, непосредственных указаний от Бога. «Указания» были, якобы, получены, но и таких указаний оказалось недостаточно. В 1160 году

вопрос о догмате пресуществления был предложен на разрешение Парижского богословского факультета, К величайшему смущению кардиналов и папы, собравшаяся ученая коллегия отвергла догмат Пасхазия, как лишенный всякого основания в учении Христа, и противоречащий здравому смыслу. Но и эти заключения ученой коллегии ни к чему не привели. Волнения и споры не прекращались. Чтобы положить конец спорам и не допустить опасных разделений в церкви, Латеранский собор (носящий в церковной истории название четвертого) торжественно объявил догмат пресуществления обязательным для всех христиан. С этого момента началась, всем известная, расправа с инакомыслящими. Папа Григорий IX учредил инквизиционный суд, представив его в заведывание доминиканскому монашескому ордену. Упорствующих противников, как опасных еретиков, предавали светской власти для сожжения на кострах. Этой кровавой эпохе посвящены многие темы исторических изысканий.

В наши дни человеку, знакомому со Св. Писанием и свободному от угроз инквизиции, приходится удивляться не тому, что запуганные рабы средневековья подчинились страшному учению Пасхазия, и не тому, что священнослужители, под угрозой неизбежной смерти, заставляли этих рабов признать человеческое измышление за откровение свыше, но тому, как это заблуждение могло сохраняться в церкви и как миллионы наших культурных современников-христиан продолжают верить лжи Пасхазия и заблуждению средневековья. Как современные богословы и деятели ортодоксального христианства никогда еще не потрудились задать себе вопрос: во что они верят и почему? Не странно ли? И странно, и непонятно! Неужели так трудно определить, что разумнее: принять ли на веру жалкое наследие вековых заблуждений, носящее печать долголетия, или же обратиться к доступному всем первоисточнику, к Слову Божию и лично прийти к истине.

Говоря об историческом развитии этого догмата, не следует заключать, что данное заблуждение было церковью допущено, благодаря неясности Св. Писания. Напротив, ни один христианский догмат не освещён Св. Писанием так ясно, как именно этот догмат.

Вспомните незабвенную сцену Тайной Вечери и всего того, что произошло в горнице, где была установлена Евхаристия. «В ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и возблагодарив, преломил и сказал:

приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей крови, сие творите, когда только будете пить в Мое воспоминание. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете доколе Он придет». (1Кор. 11, 23–26).

За время Своего земного служения Христос сотворил много чудес: Он исцелял больных, воскрешал мертвых, насыщал живых… Не может быть сомнения, что там, в горнице, Христос мог совершить еще одно чудо. Он мог пресуществить вино и хлеб, предметы последнего ужина в действительную плоть и кровь, сделать хлеб тождественным той плоти, в которой Он в данный момент находился, однако, мы не встречаем в Св. Писании никаких указаний о какой-либо перемене, происшедшей с хлебом и вином после слов Его благодарственной молитвы. В этом случае мы не видим ни малейшего намека на чудо, в котором, кстати сказать, Христос не видел тогда никакой надобности. Называя вино кровью, а хлеб телом Своим, Иисус Христос воспользовался тем образным языком, каким пользовался почти всегда и какой так широко был распространен среди жителей Востока. Разве в Своих проповедях Христос не сравнивает Себя с предметами домашнего обихода? Разве ученики не слыхали таких выражений как: «Я есмь хлеб», «Я есмь свет», «Я есмь дверь», «Я есмь Пастырь», «Я есмь истинная виноградная Лоза» и т. п. Естественно, что в данном случае, говоря «сия чаша — есть новый завет» или «сие тело Мое за вас ломимое», Христос употребил слова, как символы Его искупительной жертвы.

Заметьте, что после того, как Христос вознес к Отцу молитву благодарения (после которой, полагают, и произошло пресуществление), Он все же продолжает называть вино — вином и хлеб — хлебом, говоря: «Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду лить с вами новое вино в Царстве Отца Моего». (Мф.26,29). Поразительно также и то, что произнося слова: «Сие есть Тело Мое», Христос оставался все еще в теле, Он ведь не превратился после молитвы в два тела, из коих одним пользовался Сам, а другим насыщались ученики. Такая предпосылка абсурдна и кощунственна. И, тем не менее, это кощунственное понятие укрепилось в Западной и Восточной церквах.

Догмат пресуществления противоречит Св. Писанию

Учение о пресуществлении, связанное с идеей приношения бескровной жертвы за грехи тех, кто участвует в причащений, полностью отрицает единократное искупление грехов, единократной жертвой Иисуса Христа. Писание говорит, что «Христос вошел не в рукотворное святилище…, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие, и не для того, чтобы многократно приносить Себя… иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира. Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею… (Он), как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее, посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них… (Ибо Он) со Своею Кровию однажды вошел во святилище, и приобрел вечное искупление… По сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа. И всякий священник ежедневно стоит в служении и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов. Он же, принесши одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога». (Евр. 9, 24–27; 7,24–25; 9,12; 10,10–12).

Догмат пресуществления противоречит фактам

Обе церкви, Западная и Восточная, предлагают людям верить в чудо там, где никакого чуда не происходит. Чтобы убедиться в том, что хлеб и вино не пресуществляются, или не меняют своей сущности, а остаются теми же, какими были и до молитвы священника, нет нужды в сложных химических анализах. Вкус хлеба и запах вина до молитвы о пресуществлении и после нее сохраняются.

Чудеса, которые совершались Христом и апостолами были очевидны для всех. Даже неверующие люди и те могли убедиться в чудесно происшедшей необычайной перемене. В таких случаях все присутствовавшие «исполнялись ужаса и изумления от случившегося»… В таких случаях даже враги Христовы бессильны были что-либо сделать. Они должны были признать наличие чуда, как написано: «ибо всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими (апостолами) сделано явное чудо, и мы (старейшины), не можем отвергнуть сего». (Деян.3,10; 4,16). Господь пресуществил на брачном пире в Кане Галилейской воду в вино и чудо оказалось для всех очевидным. Если бы Господь творил чудо, пресуществляя вино в кровь

и хлеб в плоть человеческую, этого чуда скрыть не было бы никакой возможности. Но Бог, как мы неоднократно убедились уже, не творит чудес для узаконения человеческих заблуждений.

Заметим также, что Восточная церковь примешивает воду к вину, смешивая хлеб, воду и вино в общую массу, хотя апостолы и все верующие, придерживаясь Писания, принимали и принимают хлеб и вино раздельно. Вместо того, чтобы следовать порядку, установленному Господом на Тайной Вечере, Восточная церковь причащает из ложки всех своих членов, как грудных младенцев, так и взрослых. Чтобы ложка эта не показалась людям уж очень «обыкновенной», церковь назвала ее «лжицей», объяснив, что духовно «лжица» соответствует клещам, которыми Серафим взял с жертвенника горящий уголь и очистил уста пророка Исайи. (Ис. 6, 6).

Аналогия между «ложкой» и «клещами» свидетельствует о желании иметь хотя бы какое-нибудь основание для своего странного нововведения. Лучше что-нибудь, чем ничего. То же самое можно сказать и о других предметах церковной утвари. Восточная церковь учит, что «копье», употребляемое на «проскомии» для пронзения хлеба и извлечения «частиц», напоминает собою то копье, каким воин-язычник пронзил грудь Христа на кресте. Невольно напрашивается и такая аналогия: если хлеб — Христос, а копье — оружие, которым Христос был пронзен, то кого же напоминает священник, «пронзающий» хлеб?

Под угрозой отлучения от церкви, 4-й Латеранский собор, собравшись в 1215 году, предписал всем христианам, по крайней мере, однажды в год, перед Пасхой, исповедываться пред священником и причащаться. Западная церковь, не взирая на слова Самого Господа: «пейте из нея все», — лишила своих членов чаши Господней. Миряне не имеют права прикасаться к вину и чаше, они принимают только хлеб (в форме облатки), вино же выпивает священник, совершающий богослужение.

В вопросе Евхаристии история церкви знает еще один вид ереси, встречающейся среди некоторых протестантских течений, где люди, отрицая пресуществление хлеба и вина Вечери Господней, рассматривают их только как хлеб и вино, подходят к этим дивным символам и принимают их без должного благоговения: «не рассуждая о Теле Господнем». (1Кор. 11, 29).

Св. Писание учит, что Вечеря Господня таит в себе не только особый смысл и значение, но что воспоминание Христовых Страданий приводит верующего к духовному единению со Христом и Его церковью, «Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо причащаемся от одного хлеба». (1Кор. 10, 16–17). Каким образом происходит в душе человека это незримое «приобщение» Телу и Крови Христовой мы не знаем. Эта тайна будет открыта верующему только в вечности. Отрицать тайну духовного воссоединения человеческой души с Богом и не признавать благодатного воздействия Вечери Господней на духовную жизнь верующего, значит впасть в другую крайность, подобную той, которая стремится видеть в этой тайне процесс материального пресуществления.

Следует помнить, что «сокрытое принадлежит Господу, Богу нашему, а открытое нам и сынам нашим до века, чтобы мы исполняли все слова закона сего». (Втор. 29, 29; Лук.22,7-20; 1Кор.9 гл.; Деян.2,46; 20,7-11).

О причащении детей

Вечеря Господня, как мы уже знаем, является Божиим установлением, принимать участие в котором не должны те, кто духовно не способен отнестись к этому сознательно, с должным благоговением. Всякому понятно, что такого сознательного и вполне разумного отношения к Вечере Господней нельзя ожидать от младенца. Поэтому, Бог не ставит младенцу никаких условий, не предъявляет никаких требований. Св. Писание говорит, что младенцы не нуждаются в тех духовных установлениях, которые предназначены служить взрослым. О детях Христос сказал: «таковых уже есть Царствие Божие…». Дети не могут сознательно вспоминать смерть Христову или возвещать Его второе пришествие. Ведь они еще ничего об этом не знают. Кроме того, мы не встречаем в Св. Писании никаких решительно указаний об исполнении детьми заповедей Господних. Слово Божие, однако же, уделяет много места христианскому воспитанию детей. Задача такого воспитания сводится к тому, чтобы подготовить отдаче себя Христу, непринужденному следованию и сознательному участию в Вечере Господней. Бессознательное принятие таинств бесполезно.

О таком принятии таинств Иоанн Златоуст говорит следующее: «Если принимающий таинство не узнает присутствующих, не слышит их голоса и не может произнести слова…, но лежит как безжизненное дерево или камень, нисколько не отличаясь от мертвого, то какая польза от принятия таинств при таком бесчувствии?». (2Т. 251 стр.). Для бессознательного ребенка всякое таинство излишне. Таинство, неправильно воспринятое в настоящем, становится крайне опасно для всей последующей жизни дитяти. Получив еще в детстве искаженное представление о том, что именно Бог от нас требует, человек может всю жизнь лелеять ложное понятие о спасении. Ему будет казаться, что в детском крещении он «возродился», в причащении получает частицу Тела Христова и, будучи членом церкви, стоит на правильном пути. Такое состояние души крайне опасно, ибо человек как бы лишается способности думать о духовной жизни или искать спасения, хотя явно живет и погибает во грехах.

Причащение детей нашло ревностного защитника в лице Августина Блаженного. Он и другие отцы церкви утверждали (не имея, однако, в Св. Писании ни одного основания для своих утверждений), что крещаемому дается обещанная благодать без меры, а потому и не ограничивается никаким возрастом. Отсюда некоторые пришли к выводу, что Вечеря Господня должна быть доступна всем крещенным, даже детям.

Этот «человеками установленный» обычай причащения детей, просуществовал в лоне православной церкви много столетий. За это время истинное значение Вечери Господней совершенно искажалось. Простому символу и воспоминанию воздается сейчас глубочайшее суеверное почитание — хлебу и вину, приписываются чудодейственные целительные свойства. Заблуждение, окутанное тысячелетней давностью, настолько вошло в кровь и быт православного человека, что бороться с ним нет никакой возможности. Только Дух Святой способен открыть духовно-слепым глаза и «ум к уразумению Писаний»…

Непорочное рождение Девы Марии

Кто родится чистым от нечистого? Ни один!

Иов. 14,4

Мало кто знаком с новейшим догматом Западной церкви, установленным папой Пием IX только в начале второй половины прошлого столетия. Догмат этот, называющийся «догматом о непорочности зачатия самой девы Марии», утверждает следующее: хотя Пресвятая дева Мария и родилась естественным образом от своих родителей, но по особому преизбытку дарованной ей благодати, в самом зачатии своем была сохранена свободною от всякой причастности греху. Таким образом, «Приснодева» Мария сливается со святой Троицей и является, как бы ее четвертой ипостасью.

Учение это возведено папой Пием IX в 1854 году, на степень догмата, ставшего общеобязательным для всех членов Западной церкви.

Эта же традиция причислять деву Марию к Божественной Троице наблюдается и среди зарубежных русских православных богословов. Деву Марию они называют «неопалимой купиной», «Премудростью», «четвертой ипостасью Божией» и т. д.

Догмат о непорочном зачатии и рождении девы Марии не имеет в Священном Писании никакого основания. Даже безответственное «предание», называемое «священным», пройдя сквозь тьму многовековых человеческих измышлений, не могло создать столь легкомысленного утверждения.

Догмат этот полностью опровергается учением Библии о всеобщей греховности людей. Порочность человеческой натуры связана всеми корнями с грехопадением наших прародителей. Слово Божие говорит нам, что «рожденное от плоти есть плоть», что «все согрешили и лишены славы Божией»… «так что заграждаются всякие уста и весь мир становится виновен перед Богом» (Рим.3,19–23; Иоан.3,6).

Св. Писание говорит еще, что дева Мария родилась от родителей, так же подверженных греху, как подвержены и все другие люди.

Дева Мария, являясь только человеком, сама лично нуждалась в искупительной жертве Христа и эту жажду спасения исповедывала неоднократно. Если бы дева Мария родилась от Духа Святого, как был зачат и рожден Господь наш Иисус Христос, она не знала бы чувства греховности, как не знал его Христос. Но если бы это так было, тогда для чего бы ей называть Иисуса Христа — ее Спасителем и Господом, говоря «величит душа моя Господа; и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моем, что призрел Он на смирение рабы Своей» (Лук. 1,46–48).

Дева Мария была призвана Богом для того, чтобы при воплощении Сына Его Иисуса Христа, дать Ему плоть человеческую, что она и выполнила. Родив Его, Мария не принимала на себя никакой другой роли: ни при жизни Христа, ни даже после сошествия Святого Духа на апостолов. Вспомним какую роль играла дева Мария при жизни Христа. Иногда она находилась в толпе слушателей: «Некто сказал Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои. Ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра, и матерь» (Мф. 12,47–50). Иногда она была в кругу младших сыновей своих от Иосифа, братьев Иисуса, сомневавшихся в Его Мессианстве; как написано: «Тогда братья Его сказали Ему: выйди отсюда и пойди в Иудею, чтоб и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь; ибо никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным; если Ты творишь такие дела, то яви Себя миру. Ибо братья Его не веровали в Него. На это Иисус сказал им: «Мое время еще не настало; а для вас всегда время. Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит». (Иоан.7,3–7). Родные и близкие уверовали в Иисуса Христа только по воскресении; но тогда, когда Он только начал Свое служение, они были настроены даже враждебно. Св. Писание говорит: «И услышавши ближние Его пошли взять Его; ибо говорили, что Он вышел из Себя» (Мк.3,21).

Характерно также и то, что дева Мария не присутствует ни на Тайной Вечере, ни в Гефсимании, ни во дворе Каиафы, ни на суде у Пилата. На Голгофе она — в толпе, подле креста: «При кресте Иисуса стояли Матерь Его, и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого

любил (Иоанна), говорит Матери Своей: жено! се, сын твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Иоан. 19,25–27).

Трудно себе представить, чтобы дева Мария могла бы в каком-либо смысле стать заместительницей Сына Божия Иисуса Христа после воскресения и вознесения. Имя девы Марии упоминается в Св. Писании, но всегда после имени апостолов, рядом с именами других благочестивых последовательниц Божественного Учителя: «Тогда они (ученики) возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон… и пришедши взошли в горницу, где и пребывали, Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова. Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариею, Матерню Иисуса и с братьями Его… было же собрание человек около ста двадцати…» (Деян.1,12–14 и 16).

О жизни девы Марии после вознесения Иисуса Христа на небо, Св. Писание ничего не говорит, и было бы неправильно строить какие бы то ни было догадки. Ни в день Пятидесятницы, когда Дух Святой сошел на апостолов, ни позже, дева Мария ничем особенным себя не проявила. Ее следование за Господом, как видно, протекало в совершенной скромности и неприметности. Слово Божие также ничего не говорит нам о том, что по смерти своей дева Мария была вознесена телесно на небо. Св. Писание упоминает о всех случаях, когда живые люди были силою Божией восхищены на небо как, например, Енох и пророк Илия, но о том, чтобы безжизненные трупы возносились на небо, о таких случаях Св. Писание не говорит. Св. Писание запрещает нам «мудрствовать сверх того, что написано». (1Кор. 4, 6).

Непогрешимость папы

Ибо ко всем грехам нашим мы прибавили еще грех

1Цар. 12, 19

В 1870 году папа Пий IX созвал в Риме вселенский собор католического духовенства. Несмотря на возражения 119 епископов (всех участвовавших на соборе было 750), собор провозгласил новый и ни с чем не сравнимый догмат о папской непогрешимости. Большинство епископов решило, что всякое папское учение, изложенное папою по догматическим и нравственным вопросам, является «неприложной истиной»; что папа, как учитель церкви, «непогрешим» и не нуждается в содействии даже самой церкви. Постановление это заканчивалось следующими словами: «если кто из людей, не дай Бог, посмеет противоречить сему нашему решению, да будет человек этот проклят!».

Из постановления епископов мы узнаем, что папа непогрешим в известных обстоятельствах и при решении различных церковных вопросов. Папа остается грешником в его ежедневной жизни и беседах. Он может допустить грех и может ошибаться во всем и в любой мере, но когда папа сидит на троне и обращается с речью к кардиналам, он является уже человеком свободным от каких бы то ни было заблуждений. Другими словами, папа может оказаться мирским, себялюбивым человеком, он может быть неверующим, клятвопреступником, кощунником и даже убийцей, он может допускать в частной жизни самые грубые грехи, на какие только способна падшая человеческая натура, но в суждениях о догматах церкви он, папа, является человеком «совершенным». Папа может не иметь любви, веры, морали, но если папа говорит о них — его суждения должны рассматриваться как суждения непогрешимые, исходящие от непогрешимого руководителя стада Христова.

По догмату «непогрешимости» папы — грех и святость, Христос и сатана, свет и тьма должны уживаться в одном и том же сердце. Такая странная возможность соединения в одном лице столь

противоположных свойств говорит о несостоятельности этого догмата. На самом деле погрешимость пап обнаруживается уже тем, что некоторые папы были осуждены как еретики, другие папы ссорились между собою, расходились во взглядах по одному и тому же вопросу веры или управления церковью, отменяли решения прежде бывших «непогрешимых» пап, проклинали друг друга, предавая анафеме. Когда «непогрешимый» папа Николай умер, в его библиотеке были найдены богатейшие античные рукописи, но не оказалось ни Библии, ни Евангелия.

Поверит ли кто, чтобы Христос способен был установить этот страшный догмат?

Имел ли Христос ввиду, чтобы церковь Его принимала за «непогрешимых» пап таких людей, как папа Бенедикт IX, Иоанн XXIII, Александр Борджиа, Лев X и им подобные?

Вряд ли надо приводить какие-либо тексты Св. Писания для подтверждения абсурдности и всей кощунственности подобного догмата.

Сам ап. Петр не был облечен такого рода «полномочиями». Даже Христос не брал на Себя функций, принадлежащих Духу Святому, сказав: «Когда же приидет Он, Дух истины; то наставит вас на всякую истину» (Иоан.16,13).

Один Бог безгрешен, свят, всезнающ и непогрешим.

Один Христос — непогрешим и поэтому имел право сказать людям: «Кто из вас обличит Меня в неправде?» (Иоан.8,46); «Я ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю» (Иоан.8,28); «Пославший Меня есть со Мною; Отец не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно» (Иоан.8,29).

Один Дух Святой — непогрешимый Наставник верующего и Руководитель его духовной жизни, «ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божий». (Рим.8,14).

Непогрешимость православной церкви

Знаю дела твои; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв… Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны…

От. 3, 1-2

Не признавая и даже порицая догмат о непогрешимости папы, православная церковь учредила другого рода авторитет: «единство, святость и непогрешимость православной церкви».

В основу этого заблуждения положен текст Св. Писания: «Церковь Бога живого, — столп и утверждение истины» (1Тим.3,15), причем церковь понимается только «православная». Вероучение этой церкви так и гласит: «другие церкви не могут, ни в коем случае, именовать себя церковью, ибо это означало бы, что у Христа много несродных друг другу тел. Апостолы же учат об одном теле (1Кор. 12, 12–14), которое Он духовно возглавляет», все остальные — еретики. «Из слов апостола, — толкует дальше православная церковь, — следует, что вечная истина опирается на церковь, как на свой столп и поэтому несомненно, что церковь православная непогрешимо. Пред ее волей и учением все верующие обязаны преклониться с благоговением…»

Доказательством непогрешимости православной церкви является «православный символ веры». Этот символ служит образцом веры для христиан на все времена, а он содержит в себе чистую Евангельскую истину. Следовательно, на все века церковь православная пребудет в непогрешимой вере.

Отдельные люди и целые христианские общества могут ошибаться и погрешать в своих мнениях. Но не может быть такого времени, когда бы вся церковь уклонилась от чистоты богооткровенного учения. Так как непогрешимость принадлежит церкви Вселенской, то преимущественным органом непогрешимости ее служат вселенские соборы…

Догмат о непогрешимости церкви ни в чем не отличается от Догмата непогрешимости папы; в одном случае непогрешимость

приписана личности, в другом — коллективу.

Обе церкви в поисках авторитета предоставили право последнего слова не Священному Писанию, а людям, заблуждения которых как бы заранее санкционированы догматом непогрешимости.

Церковь действительно является хранительницей истины Божией, сокрытой в Слове Его, как сказано: «Освяти их (учеников, т. е. церковь) истиною Твоею; слово Твое есть истина» (Иоан. 17,17–18). Церковь является «столпом и утверждением» истины постольку, поскольку она на этой истине «утверждается» и эту истину, как столп, «утверждает» в мире. Посему, не тот еретик, кто порывает с церковью и противоречит ее суждениям, а тот, кто уходит от истины Св. Писания и противоречит Слову Божию.

Чтобы убедиться в неправильности догмата о непогрешимости церкви, достаточно вспомнить лишь несколько случаев из Священного Писания, подтверждающих, что христианская церковь никогда не утрачивала способности грешить, ошибаться, отступать, охладевать, терять «первую любовь» к Богу и даже погружаться в духовную летаргию. Такими яркими примерами являются притча о десяти девах и послания к малоазиатским церквам (Мф.25,1-13; Откр.2 и 3 главы).

Отступление церкви от истины Св. Писания уже было предсказано ап. Павлом в Ефесе, когда он заявил собравшимся руководителям общин, говоря: «ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою» (Деян.20,29–30).

Подобного рода «лютые волки» появлялись еще при жизни апостолов и разрушающее влияние их испытывали христианские общины во многих местах. Так, например, ап. Иоанн говорит в своем соборном послании: «Я писал церкви; но любящий первенствовать у них Диотреф не принимает нас. Посему, если я прийду, то напомню о делах, которые он делает, понося нас злыми словами, и, не довольствуясь тем, и сам не принимает братьев, и запрещает желающим, и изгоняет из церкви» (3Иоан.1,9-10).

Из приведенного выше случая характерно то обстоятельство, что церковь, основанная самим апостолом Иоанном (и больше всех других имевшая, как будто бы права претендовать на свою непогрешимость), оказалась в столь печальном духовном состоянии, что не повиновалась

даже апостолам. Засевшие в церкви лжеслужители не допускали к благовествованию даже ее основоположников. Отсюда мы видим, что правда не всегда с тем, кто остается в церкви и не все те еретики, кто оказывается вне церкви. Диотреф остался верным поборником и ревнителем церкви, но это не препятствовало ему изгонять из церкви апостолов и ту истину, с которой апостолы приходили.

В подобных случаях Господь дает такое повеление верным ему: «выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дщерями», говорит Господь Вседержитель (2Кор. 6, 17–18). И еще: «выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее» (Откр. 18, 4. Прочтите всю главу). Как может Церковь быть непогрешимой, имея у себя несовершенных членов? Из порочных слагаемых не может быть непорочной суммы. Из греховных членов не может быть безгрешного общества. Свой путь на земле Церковь проходит тропой освящения. Смысл такого освящения и цель пребывания ее на земле были бы утрачены, если бы церковь стала, вдруг, непогрешимой.

Церковь Христова не искоренится, но не потому, что она не погрешима, «врата ада не одолеют ее», не потому, что она достигла совершенства, а в силу того, что церковь куплена «драгоценною Кровью Христа, как непорочного и чистого Агнца» (1Петр. 1, 19), она принадлежит Богу и никто не похитит ее из руки Его. (Иоан.10,28).

Говоря о Церкви, Св. Писание имеет в виду Церковь Вселенскую, не как всемирную могущественную христианскую организацию, но как живой организм, невидимое Тело Христово. Членами этого Тела являются возрожденные свыше «чада Божий», рассеянные по лицу всей земли. Члены Тела Христова, как это ни странно, могут оказаться в любой христианской группировке. «Церковь» (по-гречески «эклезия») означает «собрание уверовавших во Христа». Церковь Христа не определяется большим количеством собравшихся верующих. Она имеет место даже там, «где двое или трое собраны во имя Его»; ибо там Христос «посреди их…» (Мф.18,20). Слово Божие не указывает к какой именно, церковной группировке должны принадлежать эти трое «собравшиеся во имя Его…». Они могут оказаться вдали от всех собраний уверовавших. Важно не это. Для

уверовавших важно то, что их «имена написаны в книгу жизни на небесах…».(Лук. 10,20).

Почему православной церкви понадобился догмат непогрешимости? Ответ на этот вопрос мы находим в православном же вероучении: «забота о духовном спасении детей церкви налагает на церковь обязанность следить внимательно за их настроением и руководить ими при помощи «новых средств», о которых, может быть, и не сказано в Слове Божием, а поэтому церковь, в лице ее пастырей, имеет власть установлять новые богослужения, чины, обряды, праздники и пр.».

Из этих слов видно, что для православной церкви Священного Писания недостаточно, что православная церковь допускает, что в деле нашего спасения Бог многого не предусмотрел, а поэтому православная церковь должна, как бы, заполнить пробел теми или иными догматами, правилами и установлениями, какие диктуются данными обстоятельствами.

Для того, чтобы убедиться в ложности такого взгляда, достаточно привести следующий текст Писания: «От Божественной силы Христа даровано нам все потребное для жизни и благочестия». (2Петр. 1, 3).

Для истинного христианина авторитетом веры и жизни является не Церковь и ее символ веры, а Св. Писание. Руководствуясь во всех случаях только Писанием, христианин может отвергнуть людские установления и мужественно сказать: «судите, справедливо ли перед Богом — слушать вас более, нежели Бога?» (Деян.4,19).

Священство

Вы род избранный, царственное священство

1Петр. 2, 9

По учению православной церкви, священство есть таинство, в котором, через молитвенное возложение епископских рук на избранное лицо, низводится благодать Св. Духа, дающая пастырскую власть, особые благодатные дары и силу учить мирян и священнодействовать.

Существует три степени священства: первая — епископ, как ближайший преемник апостолов, вторая — пресвитер и третья — диакон. «Без них нет церкви», — учит православная церковь.

Пресвитеров и диаконов в православной церкви может поставлять на служение и судить только епископ, миряне же, ни в коем случае, этого права не имеют.

На епископа низводится сугубая благодать священства, в знамение чего при посвящении его возлагают на него руки не один, а несколько, по крайней мере, два православных епископа.

Лица, принимающие в православии епископский сан, должны оставаться безбрачными. В этот сан избираются люди исключительно из монашествующих.

Только православные священнослужители оставляют за собой право именовать себя «истинными» апостольскими преемниками, так как преемственную власть они получили непосредственно от ап. Андрея Первозванного, который, по учению православной церкви, был первым апостолом-епископом греческой церкви в Константинополе. После Андрея Первозванного там епископствовали: Стахий, Онисим, Поликарп, Плутарх… и, наконец, в 984–996 годах, Николай Хрисоверг. В 988 году Хрисоверг поставил в Киеве первого митрополита Михаила. Вот отсюда и берет свое начало православный епископат. Люди, не получившие этой преемственной власти от апостолов, при всей своей богоугодной жизни и достоинствах, не могут быть пастырями церкви, так как «без благодати» они только миряне, простолюдины. Те, кто посягнул бы на эту власть, поступил бы как Корей, Дафан и Авирон — самозванцы народа израильского (Числ. 16

глава). Тех самозванцев за их беззаконие поглотила земля, этих новозаветных подражателей следует называть «ворами и духовными разбойниками». Посему, только православные пастыри, как легальные служители, вполне заслуженно могут и должны пользоваться своим содержанием от верующих мирян, повинующихся пастырям в делах религиозной жизни.

Указанный догмат православной церкви мы, русские, получили спустя девять веков со времени возникновения христианства от Греческой церкви и в продолжение тысячи лет считали великим грехом усомниться в том, что этот догмат исходит не от апостолов. Между тем, даже самое поверхностное знакомство со Св. Писанием и историей христианской церкви убеждает нас, что догмат этот основан на трех заблуждениях, а именно: он основан на отличии духовенства от мирян. Это отличие было только ветхозаветным установлением и служило прообразом различия между «миром» и «Церковью».

Священство было отличительным признаком домостроительства иудейской религии. Религия без священства, в представлении иудея, была совершенно немыслима. Вот почему христианам, обращенным из обрезанных, трудно было в самом начале порвать с этим ветхозаветным подразделением: на «начальствующих и подчиненных»… Из посланий ап. Павла к Евреям, Галатам и др., мы видим, что верующие, оставшиеся верными иудейской религии, беспрерывно стремились дать доступ в христианскую церковь ветхозаветным обрядам, установлениям я церемониям. Многие из них искренне верили, что Ветхий и Новый Заветы вполне совместимы, что христианство, в сущности, вытекает из иудейства или служит продолжением его, а поэтому вся ветхозаветная структура священства должна занять место в христианской религии. Таково было заблуждение иудействующих христиан. В действительности же, мысль о делении церкви на два класса, с особо привилегированным положением сословия священников, чужда учению Нового Завета. Первые христианские общины были малы. Они состояли исключительно из учеников Христовых, людей «некнижных», но возрожденных от Духа Святого. Христиане сходились вместе для молитвы, преломления хлеба и взаимного назидания, делая эти собрания в частных домах. (Домашние церкви:1Кор. 16, 19; Кол.4,15; Филим.1,2). Духовные дары, распределенные среди верующих Духом

Святым, были многочисленны, многообразны и разностепенны. Каждый член церкви принимал участие в служении. И в этом смысле каждый член церкви был «царем и священником Богу» (Откр. 1, 5–6). Он имел право и священную обязанность служить другим тем даром, каким Бог наделил. Св. Писание называет «священником» всякого верующего христианина, а совокупность верующих — «священством святым» и «царственным священством»… (1Пет. 2, 5–9). Такой взгляд Писания устраняет всякую мысль о подразделении церкви на два лагеря: на духовенство и мирян. Древнеапостольская церковь не знала такого подразделения. Церковь современная должна быть совершенно свободна от такого заблуждения.

Подразделение Церкви на две группы основано также на превратном представлении об управлении Церковью.

Апостольские ученики или отцы церкви (как их обыкновенно называют), Климент, Поликарп, Игнатий и Варнава, несмотря на те высокие преимущества, какими они пользовались, как «ученики апостолов», очень скоро уклонились от доверенного им учения. Судя по тем творениям, которые носят их имена, эти «апостольские ученики» совершенно забыли о назначении и функциях Святого Духа в Церкви и низвели Церковь Христову, как Тело (организм), на положение человеческого общества (организации).

Не признавая подразделения на начальствующих и подчиненных в христианской Церкви, Св. Писание указывает нам два рода служителей: старшие братья и диаконы. Старший (по-гречески Иерос), он же епископ (наблюдатель), он же пресвитер (старший) и диакон (слуга, прислуживающий у стола). Первый заботился о духовном благосостоянии Церкви, второй — о материальных нуждах верующих.

В этих двух видах служения нет ни малейшего намека на то начальственное управление Церковью, какое в наше время практикуется «духовенством». Есть и должно быть одно руководство Церковью — руководство Духа Святого. Никакой христианин или пастырь, как бы духовно одарен он ни был, не может «заместить» Святого Духа в Церкви. Во дни апостолов и в первые века христианской Церкви служение епископа было трудным, но прекрасным делом. Тогда еще епископы следовали повелению Господа: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугой» (Мф.20,26). Епископ должен был наблюдать только за своей общиной,

члены которой обычно собирались в частном доме. Епископ не господствовал «над наследием Божиим», но «подавал пример стаду» (1Петр. 5, 1–3). Он был слугой и рабом Церкви, наставлял христиан, посещал больных, одиноких и бедных. Епископ не обладал «властью» предписывать что-либо верующим или утверждать, без согласия всех членов церкви. О подчинении «низшего класса духовенства» своему епископу в то время никто и не думал. Церкви не имели иных доходов, кроме добровольных приношении верующих и, по бедности ее членов, суммы Церкви были ничтожны. Епископы того времени не были на жалованья. Они продолжали свое прежнее ремесло или занятия и тем содержали свои семьи. Сам ап. Павел был по ремеслу делателем палаток (Деян.18,3), являя тем добрый пример братьям по вере (1Кор. 4, 12). Конечно, и тогда встречались епископы питавшиеся от благовествования, ибо таково было на то Божье указание (1Кор. 9, 1-14; 2Тим.2,4-16), но платить «духовенству» жалованье начали только с 245 года. Продолжать светские занятия епископу было запрещено на том основании, что это не соответствует его сану. С этого времени личные интересы служителей Церкви как бы разошлись с интересами всего христианства. Это обстоятельство повлекло за собою многие перемены к худшему. По мере того, как росло число новых общин вокруг того или иного крупного центра, епископы, жившие в городах, рассматривали возникшие общины результатом их благовестия и потому присваивали себе право поставлять в общинах «своих» пресвитеров и диаконов. Таким образом, создавались церковные районы, которые греки называли «епархиями».

Для устранения разногласий и борьбы с ересями были организованы соборы и совещания, В таких случаях председателем собора или совещания, естественно, избирался епископ из столицы данной римской метрополии. Когда такой епископ возвращался к себе в столицу, ему трудно было расстаться с председательским титулом или забыть оказанную ему честь. Без труда он присваивал себе звание «митрополита» и требовал подчинения себе всех епископов метрополии. Для того, чтобы Церковь окончательно лишилась «простоты» и «свободы» и снизошла на положение человеческой организации, на сцену выступили: псаломщики, благочинные, каноники, иереи, архиереи, архимандриты, архиепископы, кардиналы, митрополиты, папы… Церковь была разделена на управителей и

управляемых, пастырей и стадо, на духовенство и мирян, на людей «облеченных властью, данной им свыше» и простолюдинов…

Вскоре духовенство присвоило себе еще одно право: право посредничества между Богом и людьми мира сего. Церковнослужители утверждали, что они стоят ближе к Богу и располагают всеми «таинствами», необходимыми для замаливания грехов, допущенных мирянами. Вслед за узаконением наименований, санов, знаков отличия и других проявлений духовной гордыни и духовного тщеславия появились «алтари», «иконостасы», «облачения», «длинные волосы», «церковная утварь», «лобызание руки», «лобызание перстня», «лобызание туфлей» и прочее.

Некоторые из этих установленных обычаев проникли в Церковь совсем недавно. Так, например, нынешняя богослужебная одежда установлена была в XIII столетии; запрещение католическим священникам вступать в брак только в 1123 году и т. п. Отступление Церкви от заповеди Господней в вопросе священства настолько очевидно, что всякие доказательства становятся излишними.

Наблюдая результаты допущенных Церковью заблуждений, хочется воскликнуть вместе с ап. Павлом: «О, несмысленные!… кто прельстил вас не покоряться истине?… Вы шли хорошо; кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине?… Малая закваска заквашивает все тесто… Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает… Столь многое потерпели вы неужели без пользы?…» Христос же, протягивая пронзенные руки, взывает: «О Церковь! «Вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела…» (Гал.3,1–4; 5,7–9; 6,7; Откр. 2, 5).

И, наконец, подразделение Церкви на «пастырей» и «пасомых» было основано на, так называемой, «преемственной власти апостолов».

Это заблуждение присуще не только католической, но и православной церкви с тою разницей, что католики утверждают свою апостольскую преемственность на ап. Петре, а православные — на ап. Андрее. Чтобы рассмотреть и этот вопрос, остановимся на трех общеизвестных фактах:

во-первых, Сам Христос никогда не пользовался той властью, какой располагают современные священнослужители.

Власть или право господствовать над людьми всегда является великим искушением. Сатана предложил это право Христу во время

Его сорокадневного искушения в пустыне: «И возвед Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их; ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое» (Лук.4,5–8). Иисус Христос отверг этот соблазн, зная, что «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф.20,28). Спаситель учил, что «Царство Моё не от мира сего» (Иоан. 18,28–36), что Царство Его не будет организовано по мирскому образцу, что Царство Его не будет нуждаться в правовом положении, что оно будет существовать всюду, «где двое или трое собраны во имя Моё» (Мф. 18,20). Наступление Царства Небесного «в силе и славе» с приходом Мессии было чаянием каждого иудея, но Христос не оправдал этих ожиданий. Христос отказался воспользоваться сатанинскими принципами власти и управления и, поэтому, был отвержен Израилем. Власть Христа и Бога, власть, основанная не на мощи насилия, а на справедливости и любви, осуществится при Его втором пришествии. До того Христос будет «камнем преткновения», а ученики Его: «прахом, всеми попираемым…» (1Кор. 4, 13), людьми, отверженными и гонимыми.

Христос не давал ученикам права пользоваться плотской властью для «административного» управления Церковью.

Напротив, когда мать сыновей Зеведеевых просила такой именно власти для своих сыновей, Христос ответил, что она не знает чего просит: «Вы знаете (сказал Он), что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф.20,20–28). Вот тот драгоценный принцип, который Христос положил в основу христианского соревнования. Мы видим, во что принцип этот превратился теперь!

Власть, которой пользовался Христос, была властью духовной.

Христос, не имевший ни раввинского диплома, ни разрешений первосвященника, ни поддержки Ирода, ни солдат Пилата, и тем не менее, говорил, «как власть имеющий» (Мф.7,29). Духовной власти Христа никто не мог отрицать: «народ, видя это, удивлялся и прославлял Бога, давшего такую власть человекам» (Мф.9,6–8), первосвященники неоднократно спрашивали Его: «какою властью Ты

это делаешь?» (Мф.21,23), «Кто Тебе дал власть делать это?». (Мк.11,28). Власть, проявляемая Христом, не была властью «господствующей», превозносящейся, уничижающей подчиненного. Это была власть любви, власть служения, власть делания добра, не ожидающая ни взаимности, ни награды.

Только такую власть проявляли и Христовы ученики. Мы читаем, что: «тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови, не от хотения плоти, не от хотения мужа, но от Бога родились». (Иоан. 1,12 и 13). Спаситель дает власть не «называться», а «быть чадами Божиими» и свою родственную связь с Небесным Отцом подтверждать всем своим существом. Здесь речь идет не о «сане», а о новом «возрожденном свыше» сердце и проистекающих из него, новой жизни и новом характере. Власть, получаемая чрез возрождение свыше, проявляется в покорности, в добровольном повиновении Богу, искреннем служении ближнему, свободе от пороков и от влияния окружающей христианина среды. Вот что говорит Писание о людях, получивших такую власть: «мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем… Но во всем являем себя, как служители Божий, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях; в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем». (2Кор. 4, 8–9; 6,4-10).

Власть духовная не может быть захвачена тем или иным лицом или монополизируема отдельной группой людей. Власть эта не может быть «преемственной», передающейся по наследству.

Власть духовная это ни что иное, как проявление Духа Святого, обитающего в сердце верующего. Власть духовная, это сила благодати Господней «спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы

мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке» {Тит. 2, 11–12).

Дух Святой не может переходить по наследству, равно как и не может быть заключен в рамки человеческих установлений. Дух Святой никогда не действовал по воле человеческой. Он никогда не придерживался «преемственной линии» и не считался с формальным возложением рук тех людей, которые присвоили себе архиерейское или папское достоинство.

Дух Святой вселяется и обитает в сердце тех, кто готов жить под его водительством. Бог дает Духа Святого «повинующимся Ему» (Деян.5,32), Бог ниспосылает Духа Святого всякому, просящему у Него: «Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит… Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него. (Лук. 11,10–13).

Получая Духа Святого, христианин получает и Его духовные дары, духовную силу, власть и жизнь. Бог не взирает на лица. Для Него безразлично, как мы называемся: архиереем или рыбаком, преосвященнейшим или мирянином, священнослужителем или простолюдином. Бог имеет дело не с нашими дипломами и саном, а с нашим сердцем. «Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, — Святый имя Его: Я живу на высоте небес…, и также с сокрушенными и смиренными духом» (Ис. 57, 15).

«Посему так говорит Господь Бог: за то, что вы умножили беззакония ваши более, нежели язычники, которые вокруг вас, по уставам Моим не поступаете и постановлений Моих не исполняете…, пошлю на вас голод и лютых зверей, и обесчадят тебя; и язва, и кровь пройдет по тебе, и меч наведу на тебя… Серебро их и золото их не сильно будет спасти их в день ярости Господа…, ибо оно было поводом к беззаконию их…, и отдам его в руки чужим в добычу и беззаконникам земли на расхищение, и они осквернят его… и положу конец надменности сильных, и будут осквернены святыни их… Поступлю с ними по путям их, и по судам их буду судить их; и узнают, что Я — Господь» (Иез.5,7 и 17; 7,19,21,24 и 27).

Безбрачие священников

Епископ должен быть… одной жены муж…

1Тим.3,1-3

Воспрещение клиру жениться было введено в Западной церкви в 1073 году, когда римский архидиакон Гильдебранд, ставший сперва капелланом (священником при капелле; священником домашней церкви папы) и имевший на папу сильное влияние, был сам избран папой и вступил на престол под именем папы Григория VII-го. По вступлении на папский престол Григорий VII (которого один из близких к нему людей полусерьезно назвал «святым сатаной»), решительно запретил всем без исключения священникам вступать в брак. Кроме того, он потребовал, чтобы назначение на все духовные должности впредь совершались по каноническому выбору и утверждению духовной власти, а не в силу, так называемой «инвеституры», т. е. передачи духовной должности, как «лена», (Ленная система средневековья, основанная на праве государя раздавать (за известную плату или услуги) казенные земли своим вассалам в пользование или управление.) светским «сеньором» — духовному «вассалу».

Безбрачие священников или так называемый «целибат», лишало духовное лицо родственных связей с окружающей его средой. Епископы, аббаты, священники с этого времени не должны были уже считаться «вассалами» того или иного короля или феодала, а дети их лишались права наследовать духовные должности своих родителей, как это принято было делать раньше.

Вот откуда появилось безбрачие священников и епископов. Мера эта была направлена к тому, чтобы освободить католическую церковь из под опеки светской власти, устранить материальную зависимость священников от феодалов, конфисковать и сгруппировать под власть церкви все, принадлежавшие священникам угодья и имущество и, таким образом, превратить епископов и аббатов в послушных рабов папы.

Приведенная выше историческая справка показывает, что, устанавливая и узаконивая безбрачие священников, Церковь, как послушное орудие в руках папы, руководилась чисто материальной стороной дела и отнюдь не какими-то духовными соображениями и желаниями, продиктованными Священным Писанием.

Само духовенство весьма неохотно подчинилось этой смелой и строгой папской реформе. В некоторых епархиях клирики восстали против папских легатов, выгоняли их, избивали, отказывались расстаться с женами и семьями.

Особенно недружелюбно было принято нововведение папы в тогдашней Германии. Генрих IV не мог безропотно отказаться от инвестуры и высшее немецкое духовенство поддержало его. На Соборе в Вормсе духовенство постановило, что так как папа отнимает власть у епископов и стремится поработить Церковь, то ему не следует повиноваться. Сам Генрих IV объявил-, что папа ниспровергает общественный порядок, основанный на двух началах: на царской власти и священстве (Regnum, Socerdotium). Пусть тогда папа, который смешивает эти два начала, сойдет со своего престола и уступит место более достойному, — требовал Генрих.

Но Григория нельзя было ни запугать, ни сбить с намеченного им пути. В ответ на угрозы, он отлучил от церкви непокорных духовных лиц и даже самого короля. Отлученные не смели принимать участия в богослужении, таинства церковные теряли для них свою силу, умершие в состоянии отлучения «лишались» Царства Божия. Что же касается лично короля Генриха, то папа, вслед за отлучением, освободил подданных его от присяги и лишил Генриха королевского достоинства. Все, кто был в Германии, недоволен Генрихом IV, откликнулись на призыв папы. Южнонемецкие герцоги повели против короля открытую войну, беспокойные саксы вновь возмутились; высшее духовенство, только что высказавшееся против Григория, было смущено решительностью папы и не замедлило отмежеваться от Генриха. Сам Генрих потерял голову.

Зимою 1077 года он, вдруг, отправился с небольшой свитой в Италию. Папа находился в то время в Каноссе, в замке его верной сторонницы маркграфини тосканской Матильды. Генрих направился в Каноссе, но его в замок не пустили. Генрих отправил тогда к Григорию послов выразить свое согласие на требование папы и выхлопотать

снятие папского отлучения. Три дня папа заставил короля ждать решения перед стенами замка на холоде, в одежде кающегося и с непокрытой головой. Григорий снял с Генриха отлучение. Но унижение, которому подверг себя Генрих, не принесло ожидаемых плодов. Немецкие князья не только не положили оружия, но, низложив Генриха, избрали королем герцога швабского. Тогда Генрих IV, собравшись с силами, решил вести борьбу, во что бы то ни стало. Ему удалось привлечь многочисленных сторонников среди женатого духовенства, мелкого рыцарства и населения больших городов. Но папа опять стал на сторону врагов Генриха, вновь отлучил от церкви и лишил его престола.

Проявив над Генрихом такую власть, Григорий обнародовал, что апостолы, получившие от Христа право вязать и разрешать совесть людей, были поставлены Богом как над церковью, так и над миром и, если преемник апостолов и «наместник Христа» может распоряжаться духовными должностями, то, тем более, он властен над должностями королевскими и княжескими. Но и это не уладило конфликта.

Генрих, не считаясь с принятыми против него мерами, решил наказать злейшего врага — папу, и двинул свою армию в Италию. Он добился того, что часть немецкого и итальянского духовенства избрала на папский престол, вместо Григория, — архиепископа Равенского, приверженца короля Генриха IV-го. И хотя в Риме Генрих встретил со стороны папских приверженцев упорное сопротивление, овладел городом и торжественно короновался императором. Григорий умер, не пережив такого унижения.

Однако, после смерти папы Григория VII-го, нашелся продолжатель его прерванного дела — папа Урбан II. Генрих IV немедленно двинулся походом для сокрушения новых папских козней, но старый, усталый боец, дойдя до Рейна, внезапно скончался. Новый король Генрих вступив на престол в 1106 году, пошел по стопам отца. Борьба между королем и папой продолжалась еще 15 лет. Обе стороны изнемогли в борьбе. В 1112 году между Генрихом V и папой Калликстом II был заключен, так называемый «Вормский конкордат», в силу которого церковные должности должны были замещаться по каноническому избиранию и утверждению папы, а, затем, император, как светский государь, давал посвященному инвеституру на княжеские

права, — владения и доходы, связанные с духовной должностью. Безбрачие посвящаемых было душою этого конкордата.

Так закончилась пятидесятилетняя борьба за «догмат безбрачия».

В настоящее время папы всё еще продолжают заключать подобные конкордаты с разными государствами. Причем, современное католическое богословие даже и не пытается обосновать этого догмата текстами Св. Писания, зная хорошо, что такая попытка бесполезна.

Это заблуждение частично захватило православную церковь, где безбрачие священнослужителей обязательно для лиц с саном выше иерейского. Ересь безбрачия настолько укоренилась в обеих церквах, что для человека, впервые читающего Св. Писание и узнающего о том, что почти все апостолы были женаты, факт этот представляется невероятным. «Может ли это быть?» — задают люди вопрос. «Неужели и, в самом деле, апостолы имели семьи? Правда ли, что проповедуя Слово Божие, некоторые из них переходили с места на место в сопровождении жен?» Эти факты не подлежат никакому сомнению.

Христос никогда не проповедывал безбрачия. Сам ап. Петр оставался женатым, будучи верным учеником Христа. Его Учитель неоднократной запросто бывал у него в доме. Случай, когда тёща Петра была исцелена от горячки Иисусом Христом, описан в Евангелии от Матфея (Мф.8,14 и 15) и у других евангелистов. Павел упоминает о жёнах апостолов (1Кор. 9, 5), говоря: «или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа (Петр)».

Напротив, по Св. Писанию брак является одним из условий священства или епископства. «Если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв… «(1Тим.3,1–5). Прочтите о женатых духовных работниках: (1Тим.3,12; Деян. 18,2 и 26; Деян.21,5; 1Кор. 7, 2).

Поразительно, что Св. Писание содержит в себе ясное пророчество о ереси безбрачия. Пророчество предупреждает, что безбрачие будет иметь место в истории Церкви. Безбрачие рассматривается Св. Писанием, как один из ярких признаков отступничества от веры: «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, чрез лжесловесников, сожженных в совести своей,

запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением». (1Тим.4,1–3).

Ни одно заблуждение не ходит в одиночку, — говорит народная мудрость. Вопрос безбрачия коснулся не только служителей Церкви. Он захватил и, так называемых, «мирян». Церковь начала призывать к безбрачию, как к особому подвигу, убеждая мужчин и женщин принять на себя официальный обет, — никогда не выходить замуж (как языческие «весталки»), никогда не жениться. Безбрачие рассматривалось и рассматривается, как знак особой святости и чистоты перед Богом. Безбрачие некоторых мирян повлекло за собою массовое подражание, которое нашло выход в существующем ныне монашестве.

Монашество

…И не будут надевать на себя власяницы, чтоб обманывать

Зах.13,4

Во времена жестоких гонений Нерона и Деция, многие христиане добровольно уходили в те глухие области, которые служили местом ссылки исповедников Христовых. Такими областями были: страшная пустыня Фиваиды и другие места северной Африки. Они-то и стали, как бы колыбелью первого монашества. Жизнь язычества была полна зол и бесправья; жизнь была связана с опасностями и соблазнами; мирская власть — зверски жестокая; общество — крайне испорчено; природа человека — безнадежно порочная, слабая. Поэтому, христиане, не обретшие еще внутренней духовной победы, искали внешнего выхода от опасности греха и суеты мирской… Они отрекались от земных благ, избегали людей, уходили от реальной жизни,

В эти тяжелые времена жил один александрийский юноша, по имени Павел, который, в поисках внешней свободы и независимости, решил поселиться в пустыне Фиваидской. Прожив там многие годы, Павел сделался первым христианским аскетом-пустынником. Смелый поступок юноши не замедлил вызвать массовое подражание. Уставшие от жизни люди пытались обрести душевный мир на лоне природы, в глухих и жутких лесных дебрях, в таинственном безмолвии пустыни, в отшельничестве, в аскетизме.

Другой аскет — Антоний, родился в Верхнем Египте в 251 году. Потеряв своих родителей на девятнадцатом году жизни, Антоний раздал оставленное отцом имущество нищим и удалился в пустыню. Антоний посетил пустынника Павла и других тогдашних аскетов и отшельников, о которых он слыхал. Ознакомившись с особенными добродетелями каждого из них, он стал подражать всем этим добродетелям в своей собственной жизни. Подыскав для себя пещеру, Антоний уединился и прожил в ней десять лет. После, когда место его уединения было обнаружено, Антоний оставил пещеру и поселился в

развалинах старого жилья у Красного моря. Там он провел еще двадцать лет. Изнуренное тело Антония и весь его необычайный вид привлекли к себе любопытных. Люди шли к Антонию, надеясь, если не увидеть его, то, по крайней мере, услышать отдаленные звуки молитвенных воплей Антония, свидетельствовавших о героической борьбе Антония с силами тьмы.

Слава Антония достигла своего апогея, когда во время гонения при Максиме в 311 году Антоний, оставив пустыню и явившись в Александрию, стал открыто посещать страдающих за веру, находившихся в тюрьмах, на галерах и рудниках. Антоний увещевал страдальцев христиан твердо хранить свое исповедание до конца. Появление Антония произвело в Александрии необычайное впечатление. Но не прошло много времени, ярость гонения утихла, и Антоний снова уединился, найдя жалкое убежище на склоне одной высокой горы. Там он начал возделывать небольшой участок земли. Однако, местопребывание Антония вскоре было открыто. К нему потекли бесчисленные толпы людей скорбящих, отчаявшихся, искавших утешения и помощи. Влияние Антония стало огромным. В 351 году, будучи уже столетним старцем, Антоний во второй раз отправился в Александрию и там выступил против арианства, защищая Никейское исповедание веры. Пять лет спустя (в 356 году) Антоний умер.

Спустя немного времени, вслед за отшельниками, одиночками-«эрмитами», появились, так называемые, пустынники — «кеновиты» (греческое слово, означающее — общая жизнь), В отличие от «эрмитов» — одиночек, «кеновиты» группировались вокруг какого-нибудь старца

игумена, жили вместе, подчинялись известным монастырским правилам — уставу общежития.

Основоположником общинной «монашеской» жизни считают известного пустынника Пахомия. Он открыто заявлял и уверял людей в том, что успел достичь таких успехов в монашеской жизни, что не только может, но и должен сделаться наставником других. Вскоре Пахомий основал монашеское общежитие, которое устроилось на одном из пустынных островов Нила. Подражание Пахомию было настолько велико, что незадолго до его смерти насчитывалось уже восемь монастырей с тремя тысячами монахов. Так велика и так

притягательна сила подражания! Ученики Пахомия носили одежду из козлиной кожи. Этим они хотели подражать пророку Илии и Иоанну Крестителю, ставших идеалом аскетизма. Монахи никогда не должны были сбрасывать одежды, даже ночью. Они спали сидя на стульях, иногда, в полустоячем положении. Пищу монахи принимали среди абсолютного безмолвия и, когда ели, закрывали лица свои капюшонами, чтобы не видеть даже своего соседа.

Подобные монашеские общества Пахомий основал также для женщин.

До конца пятого столетия, пока число монастырей было невелико, они находились под церковным надзором местных епископов. Но, вследствие чувства зависти и ревности, между епископами и игуменами возник раскол. Игумены, пытаясь стать независимыми от епископов, обратились под защиту тогдашнего римского епископата. Они были приняты римским епископом с радостью. Как только монастыри подчинились авторитету римской кафедры, власть римского епископа стремительно возросла.

Монашеская система была официально признана вождями Церкви и быстро распространилась далеко за пределы Египта. К тому времени все учители Церкви с одинаковой ревностью проповедывали безбрачие и защищали монашество. Иероним особенно способствовал развитию монашества среди женщин. Его влияние побудило многих высокопоставленных римских дам постричься в монахини. Амвросий так высоко ставил «сохранение девства», что матери в Милане запрещали своим дочерям посещать церкви и слушать его проповеди. Василий насадил монашество в Поите и Каппадокии, Мартын — в Галлии, Августин — в Африке… Иоанн Златоуст, будучи еще юношей, хотел уединиться в пустыне Сирии, и, только благодаря мудрости своей матери, отказался от этой мысли.

История монашества в России ведет свое начало от Киевского «Крещения Руси». Возникновению монашества на Руси способствовали не гонения и жажда уйти от людей, а сознание своей виновности перед Богом и желание любой ценой самоистязания застраховать себя от «адских мучений». В большинстве случаев это князья, вельможи и другие богатые люди воздвигали монастыри. Они отыскивали монахов, живших в своих примитивных шалашах, строили им монастырские здания, снабжали съестными припасами, делали

большие вклады деньгами, землями и драгоценностями. Взамен этих даров монахи должны были творить молитвы «за упокой души» жертвователя. Таким образом, монахи как бы спасались сами и своими молитвами спасали души других. Многие монастыри были основаны отшельниками-монахами, но позже получили лично или по завещанию большие вклады и разбогатели. Во многих случаях монастыри строились в городах и селениях. Далеко в лес монахи не уходили. Так возникли монастырские обители вблизи Киева И Новгорода. Случалось отшельнику забрести в глубокую чащу леса, но его одиночество не оказывалось продолжительным. Проведают про то другие люди и селятся «подле подвижника». Таким путем монахи способствовали заселению многих глухих мест северного края. Жить на монастырской земле во многих отношениях было выгодно. Монахи не только не притесняли, а всячески способствовали трудящимся. В результате возникали целые города и людные села, о которых предание гласило, что некогда на месте сем был темный непроходимый лес и спасался там одинокий инок, отшельник!

Так проникло в церковь отшельничество. Так возникали, развивались и множились монастыри. Так менялись духовные мотивы и внешние условия жизни монашества. Вскоре монастыри и его духовенство были богаты и всесторонне обеспечены. Архипастыри владели большими поместьями со всякими угодиями: озерами, рыбными ловлями, табунами коней, стадами овец. Жили они в богатых хоромах, окруженные многочисленной дворней и т. д. Доходы Троице-Сергиевской лавры в XVII столетии составляли третью часть всей царской казны. Жизнь в таком монастыре, конечно, протекала в совершенно иных условиях, чем уединенная жизнь отшельника. Киево-Печерский монастырь, возникший в XI веке, получал со стороны большие вклады и без вкладов монастырь никого в монахи не принимал. Особенно много получил он земель. Ему жертвовали щедро и охотно, ибо монастырь этот славился подвигами своих иноков. Одни из них были «крепкие постники», другие иноки поражали всех рекордным количеством совершаемых ими ежедневно земных поклонов и т. п. Феодосии — первый игумен монастыря ел сухой хлеб и щи без масла. Он никогда не мыл тела, и только, в редких случаях, мыл лицо и руки. Одежду носил ветхую, всю в заплатах. В знойные ночи Феодосии выходил обнаженный на болото; комары тучами

впивались в его тело, а он «спокойно прял волну и целую ночь пел псалтирь».

Некоторым инокам Печерской Лавры показалось недостаточным исполнение обычных монашеских подвигов, они изобрели подвиги «чрезвычайные». Один из них затворился в пещере и, прожив в ней никуда не выходя семь лет, прослыл «затворником». Этот подвиг вызвал массовое подражание. Другой провел «в затворе» двенадцать лет и, рыдая день и ночь, накопил целый сосуд слез. Был подвижник, который на время великого поста закапывал себя по грудь в землю. Еще один, ходил зимой в протоптанных сапогах. Он стоял в протоптанных сапогах всю службу. Ноги его примерзали к каменному полу церкви, а он не шевелил ими, пока не отпоют заутреню. Все эти необычайные люди с их бесподобными «подвигами» влекли в монастырь толпы любопытных. Каждое такое самоистязание, каждая извращенность немедленно окружались ореолом «святости» и «угодничества», истолковывались особой близостью к небу и давали подвижнику право на ходатайство перед Богом за других.

Существуют целые тома, посвященные описанию множества видов извращенности, имевших место в разных монастырях: случаи проведенной жизни в норе, в воде, на высоком столбе или дереве, с обетом «всегда молчать» или «никогда не стричься», «никогда не мыться» и т. п. Нечистота и звероподобие, самоистязание и самобичевание, изнурение себя постом и веригами, власяницами и поклонами превратилось в культ, ничего общего не имеющий с христианством, культ, не всякому доступный. Конечно, не все монахи были аскетами и подвижниками. Случаи самоистязания были довольно редки. Однако, благодаря таким редким безумцам, обильно обогащалась монастырская казна, привлекались богомольцы, рекламировалась «обитель» и умножалось число послушников, которым, под видом «подвига», предлагалось безропотно выполнять самую грязную и тяжелую монастырскую работу.

Следует заметить, что и в среде монашества встречались люди искренние и идейные, как, например, Серафим Саровский, Сергий Радонежский и др., но в общей массе, монашество представляло в последнее время рассадник различных пороков, извращенности и обмана. В чём заключается заблуждение монашества?

На этот вопрос можно ответить следующее:

монашество не только не имеет для себя никакого основания в Библии, но и противоречит основным принципам христианства.

Монашество, прежде всего, искажает Божий путь спасения.

Доктрина монашества с его аскетическим подходом к вопросу спасения души никогда не была доктриной христианства. Возникновение идей монашества связано с языческой философией, применение которой можно еще и сейчас наблюдать среди многочисленных религиозно-языческих сект буддизма и мусульманства. Отсюда такое непримиримое противоречие взглядов христианства и монашества.

Христос говорит:»Я есмь дверь, кто войдет Мною; тот спасется». «Научитесь, что значит милости хочу, а не жертвы». «Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». «Приходящего ко Мне не изгоню вон» (Иоан.10,9; Мф.9,13; Иоан.6,37).

Монашество утверждает, что путь в Царствие Божие не только через веру во Христа, но и через медленное самоуничтожение, через смерть от истощения, от изнурения, от самоистязания. Из того, что делают затворники и аскеты, можно заключить, что Бог — самое бессердечное, неумолимое Существо, единственный путь умилостивить Его — это подвергнуть себя бесконечным и бесчеловечным пыткам. Своими действиями аскеты как бы говорят: «Если ты хочешь попасть в рай, то должен пройти чрез адские муки уже здесь на земле…».

Монашество умаляет искупительную жертву Христа. Вместе с православным вероучением оно утверждает, что Христос умер только за первородный грех, за свои же грехи мы ответим сами.

Св. Писание говорит: «Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян.4,12).

Монашество указывает на Антония Великого, Серафима Саровского и других, которые спасались подвигами самоотречения. Получается, что жертва Христа на Голгофе была принесена напрасно. Если спасение через подвижничество, то можно обойтись и без Голгофы.

Св. Писание учит: «Веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься» (Деян. 16,31). «Ибо человек оправдывается верою, независимо от дел закона…, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, Которого Бог предложил в жертву умилостивления

в Крови Его чрез веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде» (Рим.3,24–25,28).

Монашество основывается на исполнении монастырского устава, на подвигах; точно и в самом деле, человек оправдывается подвигами, получая оправдание ужасною ценою многолетних пыток, точно Бог находит в этом наслаждение и без этого не может простить грехов, содеянных прежде.

Возьмите любой текст Св. Писания, относящийся к вопросу спасения, сравните его с учением и практикой монашества, и вы придете к заключению, что Божий путь спасения и путь спасения, предлагаемый монашеством — разные пути. «Мои мысли — не ваши мысли, не ваши пути — пути Мои, говорит Господь» (Ис. 55, 8). Монашество создает неправильное представление о христианской жизни.

«Я пришел, чтоб имели жизнь, и имели с избытком» (Иоан. 10,10), — сказал Господь. Он желал, чтобы каждый Его ученик имел избыток духовный, умственный, физический и материальный. К этому избытку Христос указал нам только один путь — чрез возрождение свыше (Иоан.3). С момента грехопадения человек — мертв духовно. Он получает силу Духа «животворящего» (творящего жизнь и способствующего ее развитию) — чрез возрождение. Без возрождения «плоть не пользует ни мало» (Иоан.6,63). Плоть не меняет своей натуры. Она крайне порочна, подчинена закону греха и смерти. Проявления плоти известны, они суть: «прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное» (Гал.5,19–21). По учению Св. Писания плоть нельзя исправить, улучшить, реформировать. Плоть настолько испорчена, что Бог ничего иного не усмотрел для нас, как обречь плоть на смерть. Поэтому мы, уверовавшие, должны почитать себя мертвыми для греха… «представить себя Богу, как оживших из мертвых». «Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни…Зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освободился от греха» (Рим.6,4.6–7). «Я сораспялся Христу. И уже не я

живу, но живет во мне Христос» (Гал.2,19–20). Таков взгляд Божий и отношение Его к нашей «ветхой природе». Мы, верующие, должны усвоить взгляд Божий и сообразно с этим действовать и жить. Несомненно, плоть предъявит нам свои требования и будет всегда искать случая проявиться в нашей жизни, но мы должны твердо помнить, что плоть во всех ее видах и проявлениях, навеки осуждена, что только один Дух Божий должен быть господином верующего человека. «Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти» (Гал.5,17). «Потому, что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут. Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности… Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти: ибо, если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» (Рим.8,7-10 и 12–13). Для победы над плотью есть только один путь — путь духа, как написано: «духом умерщвляете дела плотские»… Без Святого Духа можно умертвить самую плоть, физически убить и уничтожить ее, но нельзя убить «дела плотские», нельзя победить проявлений плоти. «Рожденное от плоти есть плоть; а рожденное от Духа есть дух» (Иоан.3,6). Для того, чтобы стать способным побеждать плоть, необходимо родиться свыше.

Монашество убеждалось в этой истине на протяжении многих веков. Аскеты и отшельники уходили от людей, но бессильны были уйти от собственной греховной природы, уйти от самих себя. В этом заблуждение и трагедия монашества.

Победа над плотью, которую предлагает нам Христос — победа веры: «Те, которые Христовы, распяли плоть свою со страстями и похотями» (Гал.5,24). Не «распинают», а «распяли»… Раз и навсегда они приняли и подчинились Божьему взгляду на плоть, и сообразно с ним к своей плоти относятся. Победа веры доступна каждому «возрожденному свыше». Победа веры доступна верующим в той именно обстановке, в которой он находится, среди тех зол, соблазнов и страданий, в которых он живет, так что исключается всякая надобность в «бегстве от мира». В первосвященнической молитве Христос молился: «Отче Святый!… не молю, чтобы Ты взял их из мира, но

чтобы сохранил их от зла» (Иоан. 17,11–15). «Уход из мира» не гарантирует человеку избавления от зла, ибо зло всюду, на каждом шагу, и, прежде всего, зло в самом человеке. По учению Христа человек может и должен одержать победу над злом, живя в мире. «Уходящие от мира» аскеты уходят от воли Христа. Посылая учеников «в мир», Христос не сказал: «спасайтесь в дебрях лесных, в местах пустынных, общайтесь с тиграми, львами и бурыми медведями, и, во что бы то ни стало, — избегайте людей…». Напротив, Иисус Христос повелел ученикам идти по всему миру и проповедовать Евангелие всей твари (Мф.28,19).

Монашество искажает правильное представление о христианском подвиге и служении.

Уходя в глухие места и избегая всякого общения с людьми отшельники лишали себя возможности разумного служения ближнему. Отшельники забывали о нуждах ближнего. Обуздание собственной плоти было их единственной целью, но в достижении и этой цели они шли заведомо ложным путем.

«Не вы Меня избрали, а Я вас избрал, и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод» (Иоан. 15,16), — сказал Господь. Христианин принадлежит не себе, а Христу. Христианин — только раб, исполняющий волю не свою, но волю Господина своего. Христианская жизнь — жизнь, посвященная не только Богу, но и ближнему. Иначе, как понимать главную заповедь: «Возлюби Господа Бога твоего… и ближнего твоего, как самого себя» (Лук. 10,27). Как понимать призыв ап. Павла: «Умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Римл.12,1).

Без служения ближнему не может быть истинного служения Богу. Ни один христианин не может стать счастливым и вполне удовлетворенным, если не станет он сосудом, находящимся в постоянном «распоряжении Домовладыки» (1Тим.2,21). В лице Адама человек потерял право сотрудничать с Богом, утратил цель жизни и свое назначение. Во Христе примирившись, человек снова становится «соработником у Бога» (1Кор. 3,9). Бог, «призвавший нас из тьмы в чудный Свой Свет» (1Петр. 2, 9), поставляет нас «на дело служения для созидания тела Христова» (Еф.4,12), поручает нам дивное «служение примирения» (2Кор. 5, 18). В этом смысле монахи, аскеты и

отшельники — ленивые рабы, бегущие с нивы Христовой, воины, ушедшие с поля брани. Могут ли они сказать вместе с апостолом Павлом: «имея по милости Божией такое служение, мы не унываем…, но действуем с великим дерзновением…, и я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедывать Евангелие благодати Божией» (2Кор. 4, 1; 3,12; Деян.20,24). Бог открыл, что цель нашей земной жизни — в служении. Мы совершаем его, живя в теле. Тело, как орудие служения, должно пользоваться разумным уходом. Мы не должны превращать попечение о плоти в похоти. Мы должны помнить, что «мы куплены дорогою ценою» и, что тело наше принадлежит Господу. «Разве не знаете, — говорит апостол, — что тела ваши суть члены Христовы»? И еще: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (1Кор. 6, 15.19). Тела даны нам для временного разумного управления, и горе «рабу неверному и ленивому», рабу безрассудно расточающему силы, легкомысленно относящемуся к своему здоровью, к времени, имуществу и всей жизни (Лук. 16,10).

Да удостоит нас Христос услышать от Него следующие слова: «Знаю твои дела, и любовь, и то, что последние дела твои больше первых… Хорошо добрый и верный раб!… войди в радость Господина твоего» (Откр. 2, 19; Мф.25,21).

Рукотворные храмы

Всевышний не в рукотворенных храмах живет

Деян.7,48

Начало сооружения христианских храмов относится к царствованию миролюбивого римского императора Александра Севера. Будучи язычником, Александр обладал религиозным чувством и благоволил к христианам. Среди придворных и служащих императора было много уверовавших. Одно время Александр был близок к решению «принять Христа в число своих богов и соорудить Ему капище», как сооружал он капища другим богам. Александр Север высоко ценил все религии.

Симпатии, которые император Александр питал к христианству, подтверждаются следующим весьма характерным случаем. В одном из кварталов Рима, где преобладало христианское население, возникла мысль постройки христианского молитвенного дома. Для этой целя христиане решили использовать площадь, считавшуюся общественной собственностью. Но на эту же площадь предъявляли права и поставщики хлеба. Решение вопроса было передано на усмотрение императора. Александр Север решил спор в пользу христиан, сказав: «лучше посвятить это место какому-нибудь божеству, чем употребить его для целей нечестивых и бесполезных…».

Этот случай получил широкую огласку среди христиан и послужил как бы сигналом к сооружению церквей на главных площадях городов с христианским населением.

До того времени христиане, к удивлению язычников, не имели еще ни храмов, ни алтарей, ни жертвенников. У язычников были капища, у иудеев — синагоги, места же христианских собраний не имели в ту пору никакого отличительного признака. Собрания христиан устраивались или в частных домах, или в катакомбах.

Понятно, что эта «уединенность» была вызвана гонениями на христиан и нередко давала повод язычникам возводить на христиан самые жуткие обвинения. Христианским богослужениям приписывались самые скверные побуждения и цели. Обвинения

прекратились и страсти улеглись, когда появились храмы и двери их широко открылись для всех. Храмы строились, обычно, на местах погребения «мучеников за веру» и посвящались именам этих мучеников. Вслед за мирными годами вновь наступали годы гонений, когда храмы сжигались и разрушались… Но достаточно было кратковременной передышки, как на месте сожженных деревянных храмов воздвигались каменные храмы. Иногда языческие капища превращались в христианские храмы, как случилось это с «Пантеоном» в Риме.

В начале христиане смотрели на воздвигаемые здания, как на обыкновенные места собраний, но по мере того, как члены церкви омирщались и духовные реальности христианской жизни заменялись реальностями материальными, на христианский храм стали смотреть, как на «новозаветную скинию». В каждом храме было сделано соответствующее подразделение: притвор, являвшийся как бы «ветхозаветным двором» при скинии, куда допускались язычники; сам храм, соответствовавший «святилищу» скинии и, наконец, алтарь, представляющий собою «Святое Святых». Став, таким образом, на путь ветхозаветного символизма и ритуала, трудно уже было остановиться в подражании. Вслед за подразделением храма введена была утварь ветхозаветного храма, ветхозаветные облачения для священнослужителей, возжигание светильников и лампад, воскурение фимиама, употребление просфор, креста, крестного знамения и т. п. Создались формы тех или иных церковных служб и богослужебных обрядов: литургии, акафисти, молебны, панихиды и многое другое.

Так незаметно «отец лжи», прельстив церковь полуистиной, постепенно уводил ее от «простоты во Христе» (2Кор. 11, 3), и делал это до тех пор, пока в последующих поколениях не утвердилось понятие, что храм — не просто здание для христианских собраний, а «новозаветный храм» — место пребывания Божия. В человеческом сознании была уничтожена самая главная новозаветная истина, без которой христианство перестает быть христианством, а именно, что Бог избрал Своим обиталищем не стены храма, а возрожденное сердце верующего, как написано: «вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом». «Ибо вы — храм Бога живого» (2Кор. 6, 16).

До грехопадения Адам был таким «живым храмом» Всевышнего, но пал, уступив трон сердца собственному «я». Чтобы падшему человеку вернуть возможность жизни в Боге и возможность жизни Бога в человеке, потребовалось много веков. Одно поколение за другим Бог подготовлял к принятию воплощения Сына Божия Иисуса Христа и Голгофской жертвы искупления. И вот, когда план спасения был полностью осуществлен, а возможность спасения была проверена и засвидетельствована апостолами и христианами-мучениками первых веков, сатане удалось похитить у церкви сознание, что Бог очеловечился для того, чтобы мы обожествились. Бог и доныне строит «дом духовный, священство святое» (1Петр. 2, 5), но строит его не из бездушных кирпичей, а «из живых камней», из людей, в сердце которых живет Бог, как написано: «Христос в нас — упование славы» (Кол.1, 27).

Почему это важно? Потому что спасает нас от греха только Христос, и, притом, обитающий в наших сердцах: «Если Христос в вас; то тело мертво для греха, но дух жив для праведности» (Римл.8,10). Св. Писание побуждает нас проверять себя и знать, где мы стоим в этом вопросе: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть?» (2Кор. 13, 5). Ап. Павел, желая привести к познанию этой же истины верующих в Ефесе, писал им следующее: «Для сего преклоняю колена мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа… да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши…» (Ефес. 3, 14–17). О себе самом, апостол Павел писал: «и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал.2,20).

«Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять… Бывши утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом» (Еф.2,10 и 20–22).

Каждение

Ибо мы Христово благоухание Богу…

2Кор. 2, 15

Каждение или воскурение фимиама и благовоний черпает свое начало в глубокой древности. Задолго еще до ветхозаветной эпохи каждение применялось у язычников. Один из историков говорит: «идольские капища фимиамом непрестанно курились…»

Тертулиан, известный духовный писатель и отец церкви, живший в третьем столетии по Р.Х., развивая мысль в защиту воскурения фимиама в жилищах верующих и в местах богослужебных, говорит: «самый проницательный истукан Аполлонов, по свидетельству Лукана, никаких не давал вопрошающим ответов, без благовонных пред ним курений…».

Воскурению фимиама отведено место и в ветхозаветном богослужении, но там курение фимиама символизировало новозаветные молитвы верующих и благоухание духовной жизни во Христе.

Применение же фимиама в христианской церкви решительно ничем не может быть оправдано. Соблюдение ветхозаветного ритуала, являющегося только образами и прообразами новозаветных истин, подтверждало бы тот факт, что, нам, христианам, не знакомы еще ни молитвы в Святом Духе, ни возрожденная жизнь, прообразами которых может быть воскурение фимиама.

Некоторые деятели церкви желали придать ветхозаветным воскурениям «новозаветное» значение. Вот, что говорит один из них: «особливо в дни великих праздников частое каждение бывает, чтобы мы, обоняя беспрестанно сие священное благовоние, живее ощущали в душах наших сладость и веселие и, насыщаясь сих бессмертных воней, самих себя творили благоуханием Богу…».

Ап. Павел говорит, что Бог даёт верующему всегда «торжествовать во Христе, и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих: Для одних запах смертоносный на

смерть, а для других запах живительный на жизнь» (2Кор. 2, 14–16). Но такую жизнь радости и веселия, благоухания и победы не могут создать прообразы Ветхого Завета. Духовные реальности, духовные переживания и опыт создаются Духом Святым, живущим в нас. Никакое каждение не может заменить собою Духа Святого.

Нашим каждением пред Богом является наше достойное хождение пред Ним. Апостол Павел говорит: «Итак подражайте Богу, как чада возлюбленные», как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в «благоухание приятное» (Еф.5,1–2).

Нашим курением пред Богом является жертвенная способность и готовность проявлять любовь и всяческую заботу к нуждающимся братьям. Ап. Павел, находясь в заточении и получив помощь от Филиппийской церкви, писал: «Я получил все и избыточествую; я доволен, получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу» (Филип.4,18).

Если мы живем и поступаем как язычники, если Дух Святой не вселился в нас и не очистил нас от всякой скверны, если Он еще не привел нас к подражанию Христу, любви к Богу и любви к ближнему, то никакое каждение нас не спасет. Напротив, Бог не благоволит к нашим курениям: «Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня… праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие — и празднование!… И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу… Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову. Тогда придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли, если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят» (Ис. 1, 13–20). «Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое, воздеяние рук моих — как жертва вечерняя» (Пс. 140, 2).

Употребление чёток

Они думают, что в многословии своем будут услышаны

Мф.6,7

В тринадцатом столетии ангельское приветствие деве Марии — «Аве-Мария» составляло главнейшее содержание церковных служб, совершаемых в честь девы Марии. Это приветствие должно было повторяться в ряде других молитв и притом так часто, что никто не мог запомнить числа повторений и порядка их. На помощь пришли «четки», изобретенные монахом Домиником, введенные папой Львом XIII-м и распространенные догадливыми монахами. «Изобретение быстро нашло свое применение как в Западной церкви, так и в Восточной. В Восточной церкви также вошло в обычай пользоваться четками при повторении одних и тех же молитв и фраз, как: «Святый Боже» — три раза, «Господи, помилуй» — сорок раз и т. п. Конечно, никто не станет отрицать нужды и значения молитвы. Молитва необходима, это все знают, хотя миллионы людей все еще не молятся. Никто не удивляется, когда безбожник не молится. Как станет безбожник молиться, если у него нет в душе сознания своей греховности, нет нужды отдаться духовным потребностям, нет веры в невидимое, нет стремления к освящению и внутреннему преображению, — нет тяги к небу. Приходится, однако, удивляться тому, как человек верующий, осознавший свои духовные нужды, не позаботится о том, чтобы выразить их Богу в молитве, исходящей от сердца! Разумеется, что человека, не умеющего сознательно молиться Богу, нельзя назвать христианином. Слова молитвы, произносимые без участия сердца, столь же бесполезны, как и дикие выкрики язычников пред их кумирами. Можно не сомневаться, что Савл произносил длинные и многократно повторяемые молитвы задолго до встречи с Господом на пути в Дамаск, но нигде в Писании не упоминается об этом. Когда же в сердце его была сокрушена гордыня и он покаялся, Господь сказал о нем: «он теперь молится» (Деян.9,11).

Истинная молитва начинается с момента возрождения человека от Духа Святого: «Которым взываем: «Авва, Отче!» (Рим.8,15). Истинная молитва есть ни что иное, как беседа с Богом. Примеры таких бесед с Богом встречаются в Св. Писании в великом множестве. Но там же мы находим молитвы другого рода, молитвы заученные, механически многократно и во всеуслышание повторяемые. Подобного рода молитвы обычно произносились язычниками, людьми, не имевшими правильного понятия ни о Боге, ни о беседе с Ним. Вот один из подобных случаев: «и призывали жрецы имя Ваала от утра до полудня, говоря: Ваале, услышь нас! Но не было ни голоса, ни ответа… В полдень Илия стал смеяться над ними, и говорил: кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется» (3Цар. 18, 26–27). Не такое ли должно создаться представление и о нашем Боге, когда мы сорок раз механически повторяем слова: «Господи, помилуй»? Разве не уподобляемся мы тоща ребенку, который желает разбудить отца, отвлечь его от задумчивости или серьезной работы? Слово Божие говорит нам, что для подобных повторений одних и тех же фраз нет никакой надобности. Бог наш — живой, «Он не дремлет и не спит» (Пс.120), а посему: «в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом» (Филип.4,6) и «все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам» (Мф.21,22; Мк. 11,24). Только «не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле» (Еккл.5,1). «А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им» (Мф.6,7–8).

Итак, чётки — не Божье установление. Чётки — наследие темного средневековья. Чётки — плод крайнего духовного невежества.

Церковные богослужения

Никто да не обольщает вас служением Ангелов

Кол.2.18

Он не требует служения рук человеческих

Деян.17,25

Широкое распространение христианства способствовало увеличению внешнего и внутреннего великолепия христианских храмов и пышности богослужений. Церкви начали устраиваться и украшаться с необычайной роскошью; священники блистали в богатых облачениях, подаренных церкви богатыми прихожанами (Константин Великий подарил Иерусалимскому епископу Макарию златотканую одежду.). Скромные евангельские собрания верующих, имевшие главной своей целью чтение Слова Божия с пением псалмов Давида и общую молитву, мало-помалу были вытеснены пышностью установленных церковью обрядов и церемоний.

Две причины легли в основу отступления церкви от простоты Евангельской и замены проповеди театральностью богослужений:

первой причиной было желание привлечь к себе внимание язычников. Простота Евангелия и жизни во Христе не производила среди широких языческих масс должного впечатления. Привыкшие к торжественности жертвоприношений, авторитету жрецов, устройству праздничных зрелищ, язычники, попав на христианское собрание, больше недоумевали, чем увлекались и преклонялись пред новой религией. Вождям тогдашнего христианства, облеченным в «духовный сан» и уже имевшим тогда поддержку языческой власти, трудно было примириться с фактом, что Церковь Христова только «малое стадо». Вместо того, чтобы нести свет Евангелия, призывать души к покаянию и необходимости возрождения от Духа Святого охладевшая духовно Церковь пыталась привлечь к себе язычников внешними религиозными манифестациями, своим богатством, блеском и роскошью. Исследуя историю церкви четвертого и пятого столетий,

Мосгейм замечает: «Когда добрая воля императора стремилась содействовать распространению христианской религии, епископы затемняли сущность христианства своим неразумным благочинием, а силу христианства подавляли умножением обрядов и торжественных церемоний».

Второй причиной отступления Церкви от «простоты во Христе» было невежество так называемого «духовенства».

Благодаря невежеству многих священников, проповедь Евангелия часто оказывалась недостаточно глубокой, маловразумительной, неинтересной и, как бы не главной частью христианского собрания. Тогда как наклонность «необращенных народных масс» недвусмысленно определялась любопытством ко всему декоративному, действующему на их чувства. Бездушная проповедь церковных пастырей оказалась бессильной пробуждать души, оставляя массы совершенно равнодушными. Создавалась благоприятная обстановка для духовно невозрожденных, а порой, и умственно отсталых священников довольствоваться трафаретным чтением Евангелия и произношением чужих, кем-то написанных молитв. Для освежения такого рода собраний потребовались церемонии, смысл которых хотя и не был толпе понятен, но их привлекала и восхищала торжественность и пышность самого зрелища.

Постепенно нужда в живой Евангельской проповеди была совершенно потеряна из виду. Она была вытеснена особо выработавшимся церковным ритуалом и рассматривалась терпимой, но несущественной. Так все шло до наших дней. В России церковные консистории или епархиальные управления, зная культурный уровень многих священников, высылали им отпечатанные готовые проповеди. Но и эти проповеди, составленные, главным образом, на тему двунадесятых праздников и других важных случаев, не всегда и не всеми священниками произносились.

Современные церковные богослужения с «проскомидиями», «литургиями», «требниками», «четьи-минеями» и прочим, — не имеют никакого решительно основания ни в Ветхом, ни в Новом Заветах!

Церковное пение

Он вложил в уста мои новую песнь…

Пс. 39, 4

Откуда появились церковные песнопения?

Известно, что псалмы Давида издревле употреблялись при ветхозаветных богослужениях. Обычай этот перешел и в христианскую Церковь.

Зародившись еще в первых веках христианства, церковное песнопение постоянно умножалось и, обогащаемое новыми песнопениями, сохранялось и передавалось из рода в род, из века в век.

Церковь присовокупила к песням ветхозаветным (песнь Мариами, Моисея, Деворы и др.), новозаветные песни: священника Захарии, Павла и Силы и др.

Начиная с IV века песнотворцы христианские стали предпочитать песни, изложенные в стихах, в стиле и характере псалмов Давида.

Девятый век был особенно богат творцами песен и количеством написанных ими духовных песнопений. Слагались песни, предназначенные для высокоторжественных дней, на случаи скорби и покаяния, для назидания в вере и упования. Много гимнов было посвящено мученикам за веру, духовным борцам и непоколебимым исповедникам христианства.

Когда на престол вступил император Константин, освобожденные исповедники последнего гонения (пишет историк Евсевий), возвращались из мест изгнания и заточения на места прежнего своего жительства, торжественно проходя городами и селениями с пением священных псалмов и песней.

В VI веке (518–527) к псалмам и песнопениям были присоединены; «Символ веры» и «Иже херувимы».

Первый акафист (акафист — «хвалебное песнопение»; во время исполнения молящиеся должны стоять) был составлен в 626 году Георгием Писидийским, диаконом Константинопольским. У Георгия

нашлось много подражателей. Свои произведения они посвящали Спасителю, деве Марии, Угодникам, Святым, Мученикам и др.

Первая литургия, (основная часть литургии — таинство евхаристии), ставшая основным богослужением церкви, впервые была изложена письменно только в V веке. В настоящее время существует целая отрасль богословия — «Литургика». Эта церковная наука излагает порядок христианского богослужения, главным образом, — литургии в ее историческом, догматическом, символическом смысле.

Существует несколько видов литургии; православная, армянская, коптская, сирийская и др.

Слово «литургия» — греческое — означает всякое служение, исполнение возложенных обязанностей, службу или делание полезных добрых дел. Так, например, ап. Павел услугу своего сподвижника Епафродита называет «литургией» (Фил.2,25; 4.18). Словом «литургия» ап. Павел пользуется также в послании к Римлянам в 12-й главе, говоря: «Представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения (литургии) вашего». Во всех случаях, где встречается слово литургия, оно всегда означает служение не на словах, «устами», а «на деле». Более глубокое значение слова «литургия», это, даже не делание отдельных добрых дел, а служение всей жизни. Мы совершаем литургию, когда посвящаем себя всецело Богу, повинуемся и покоряемся Его воле в нашей обыденной жизни.

Успех церковного пения становится особенно заметным, когда монах Губальд (около 900 г.) создал учение о гармонии, излагающее построение, классификацию аккордов и правила сочетания их между собою.

Сто лет спустя (около 1000 года), Гвидо из Ареццо изобрел ноты, а еще двести лет позже (1200 г.) Франко из Кёльна — меру тонов.

С этого времени разнообразие слагаемых песней и мелодий стало увеличиваться до неимоверных размеров. Для того, чтобы избежать «еретических» песнопений, а также нескромных мелодий, решено было ограничить круг церковных песнопений особым уставом, которого и придерживается церковь по настоящее время. Это строгое ограничение и способствовало наблюдаемому ныне мёртвому, бездушному формализму как в богослужениях, так и в церковном пении. Современное однообразие церковных богослужений можно

сравнить с ветхозаветными, где всякий «священник ежедневно стоит в служении и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов» (Евр. 10, 11).

Разница между ветхозаветным служением Богу и служением христианским заключается в том, что тогда совершали жертвы, молитвы и песнопения для того, чтобы спастись, теперь же, в Новом Завете, христианин, как искупленное, прощённое, усыновленное чадо Божие, служит, молится, поёт и ликует, потому что он уже спасен, навеки спасен Христом. Подлинный христианин может сказать:

«Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне, и услышал вопль мой. Извлек меня из страшного рва, из тинистого болота; и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь — хвалу Богу нашему…» (Пс. 39, 2–4).

«Новая песнь» — вот то, чего Бог ожидает от истинного христианина. К этой песне прислушиваются Силы Небесные. Для исполнения ее не требуется ни слов, ни голоса, ни специального напева. Как «от избытка сердца говорят уста», так от избытка любви льется «хвала Богу» нашему.

Три мысли необходимо подчеркнуть в связи с этой новой песнью:

Новая песнь — песнь нового возрожденного сердца!

Все ценное в пении исходит от сердца. В поднебесной песне жаворонка мы ценим не столько искусное сочетание звуковых переливов, сколько чувствующуюся беззаветную сердечность. Новая песнь может исходить только из новой души. Только новое сердце можно назвать, воистину, «радостно поющим». Наше старое греховное сердце замкнуто, оно прикрыто маской формальных песнопений, оно жёстко, как камень и холодно, как лед; оно нечисто, грубо, недоверчиво и порочно. Только новое сердце — сердце поющее, сердце, открытое перед Богом и людьми; только оно искренно, нежно, доброжелательно и любвиобильно. Что же вдохновляет новое сердце человека к такой ликующей песне? — Любовь, чувство благодарности и сознание свободы. Новое сердце освобождено

от власти сатаны, от закона греха и смерти, от вечной гибели. Новое сердце поет, испытывая на себе любовь Христову. Оно прославляет Того, Кто «приклонился», «услышал», «извлек», «поставил», «утвердил» и «вложил» в него новую песнь — хвалу Богу!

Новая песнь — это песнь тех, кто идет новым путем.

По словам Спасителя существуют два пути: широкий и узкий.

Христианин — это человек, который оставил широкий путь и следует уже за Христом по узкому пути. Раньше он шел к верной гибели, теперь же он идет к жизни вечной. Раньше он держался пути собственного произвола, теперь решительно отказался от него и твердо стоит на пути «новом и живом», на Христовом пути. «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1Петр. 2, 21). Этим новым Христовым путем шли самые лучшие люди всех веков. Первыми славными путниками-христианами были Апостолы. Новый путь — узкий и тернистый. Много на этом пути гор — затруднений, долин — унижений, пропастей — отчаяний… Но, не взирая на это, идущие этим путем поют новую песнь. Новая песнь не обусловлена окружающими житейскими обстоятельствами, невзгодами и страданиями. Даже в тюрьме, ночью, израненные, измученные и голодные ап. Павел и Сила «воспевали Господу» (Деян. 16,25).

Новая песнь — песнь возвращающихся домой.

«Мы странники и пришельцы здесь на земле». Мы идем в новый нерукотворённый град Иерусалим, мы на пути в Царство Небесное». «Мой отчий дом там, в небесах», — поем мы в одном духовном гимне. Ап. Иоанн пишет, что он видел сонмы искупленных, тех, кто завершив свое земное странствование, пришли в Дом Отчий «поют новую песнь пред престолом Бога и Агнца». Вы спросите: будем ли и мы петь там, в вечности, новую песнь? На этот вопрос можно с уверенностью ответить: Будем! Христос вложил в сердца наши эту вечную песнь уже здесь на земле.

Итак, «Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу» (Кол. 3,16–17).

Сектантство

Было бы ошибочным полагать, что если Церковью завладели заведомо невозрожденные люди и увели ее от Слова Божия и от служения тем извечным целям, ради которых Церковь была призвана к жизни, то Бог как бы отказался уже от Своего первоначального плана: «юродством проповеди спасти верующих»… Отказался за отсутствием «проповедующих»… Нет! Бог никогда не отступал от плана спасения человечества, равно, как никогда и не лишался Своих верных свидетелей.

На протяжении всех веков человеческой истории, и в особенности за две последние тысячи лет христианской эпохи, Бог всегда находил людей, которые любили Его больше, чем самих себя, больше всего на земле, и ради Бога были готовы на какое угодно поношение, на любые страдания, на самую жуткую смерть. Другими словами, одиннадцатая глава послания ап. Павла к Евреям никогда еще не была закончена. Во все века находились люди, «которых весь мир не был достоин», те, кто «поношение Христово почли большим для себя богатством, нежели сокровища» мирские.

До потопа, в ту пору, когда «земля растлилась пред лицем Божьим и всякая плоть извратила путь свой на земле, когда Дух Божий был «пренебрегаем человеками» и казалось, не было уже никого из людей, кто вспомнил бы о Боге, «Ной ходил пред Богом…» Ходил и «сто двадцать лет» свидетельствовал современникам о неизбежном суде Божьем, о грядущем наказании. После потопа Бог избирает испытанного в верности Авраама, и одновременно, — Мелхиседека. На смену им приходит Исаак, Иаков и двенадцать патриархов, Моисей, Иисус Навин, ряд судей Израилевых, царей Иудейских и пророков Господних… Таким образом, Светоч Истины, яркий факел Божьей любви передается из поколения в поколение, вплоть до той «полноты времени», когда на горизонте погибающего во зле мира взошло обетованное Богом «Солнце Правды и исцеление в лучах Его». Так было в Ветхом Завете.

Такую же непрерывную последовательность в передаче «Благой Вести Спасения Христова» мы наблюдаем и в Новом Завете. На смену

первым ученикам и Апостолам Христовым пришли неустрашимые свидетели-мученики. Вслед за мучениками, озарившими темный мир своими кострами, появились отшельники, пустынники, аскеты. Один из них, о котором мы уже говорили в главе о монашестве, — Афанасий, в течение двух царствований (Деция и Максима), боролся с императорским произволом в делах Церкви, побывал многократно в ссылках, скитался в пустынях Египта, скрывался в могильной пещере своего отца, всю жизнь посвятил защите христианской веры и проповеди спасающей благодати. Он многих привёл ко Христу.

В 313 году, с опубликованием свободы верования императором Константином, христианство смешалось с язычеством: дети Божьи соединились с миром, Церковь слилась с государством и стала называться «экуменической», «католической», «кафолической», что значит, — всеобщей. Сатана, которому не удалось взять Церкви гонениями, взял ее внешним объединением Церкви с государством. Людям, переходившим в христианство из высших языческих классов, предлагались почетные должности, бедным сулили подарки. В результате, появились опасные лицемеры, не имевшие никакого представления о подлинном покаянии и обращении ко Христу. Сам император Константин, «перешедший» в христианство и считавший себя вправе решать вопросы «новой религии», оставался до конца дней своих грубым язычником. Обагривший свои руки кровью старшего сына Криспа и жены своей Фаусты, император Константин председательствовал на первом Никейском соборе и решал дела Церкви. В это, именно, время, когда омирщвленная «церковь-отступница» пошла на поводу у церковных политиков и государства, истинные дети Божьи, оказавшиеся неспособными на такой компромисс с совестью, ушли в подполье. Уход в подполье совершался потом в веках и совершается ныне. Истинная Церковь Христова часто была и будет в подполье. Она никогда не увенчается, здесь в мире, «царственным величием»… «Меня гнали, будут гнать и вас…». «Да и все, желающие жить благочестиво, будут гонимы…» (Иоан. 15,20; 2Тим.3,12).

В самые тёмные периоды христианской истории возрожденные свыше чада Божьи повиновались повелению Господню: «выйдите из среды их и отделитесь…» (2Кор. 6, 14–18). Они отделялись, чтобы иметь непосредственную связь с Богом, вести жизнь освящения и

уподобления Христу. Они нашли спасение в жертвенной Крови Агнца и горячо свидетельствовали об этой же возможности всем погибающим. «Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли…» (Евр. 11, 38).

Во втором веке возникает Монтанизм — учение христианской группы, основанной фригийцем Монтаном. Монтанисты ставили в основу христианства — Духа Святого. Ссылаясь на Св. Писание и практику апостольской Церкви, они утверждали, что христианами могут быть только люди возрожденные свыше, получившие Духа Святого. Монтанисты искали продолжения чудес апостольской Церкви, проповедовали о втором пришествиии Христа, отличались жизнью, отделённой от «мира сего», граничащей с аскетизмом. Церковь, учили они, должна держать свои двери плотно закрытыми для всякого проявления греха, а Духу Святому отвести у себя первое место. Монтанисты признавали крещение только взрослых и считали греховную жизнь после принятия крещения непростительной. Второй брак считали беззаконием. Женщины допускались к церковному служению. Первый Никейский собор (325 г.) не вынес им никакого порицания. Но первый Константинопольский собор (381 г.) постановил принимать «монтанистов» обратно в «лоно церкви» не иначе, как через повторное крещение, рассматривая их «язычниками». К числу так называемых «отцов церкви», исповедывавших «монтанизм» относятся: Тертулиан (написавший уже тогда книгу «Экстаз», изобличающую все отступления от Писания, допущенные тогда государственной церковью), Климентий Римский, Поликарп Смирнский, Феофил Антиохийский, Иустин-мученик и другие.

Монтанизм не был безукоризненным представителем подлинного христианства, он допустил важные отступления от истины во второстепенных вопросах веры, но в главном он был прав: нельзя было не протестовать против принятия в Церковь невозрожденных лиц, крещения младенцев, мирской жизни верующих и других заблуждений тогдашнего времени.

В третьем веке появляются другие поборники чистоты христианской веры и святости жизни верующих, это — Новациане. Новое течение ставит верность Христу выше всего и считает недопустимым возвращение в лоно христианской Церкви тех, кто под

влиянием преследований и гонений, отрекся от христианства и впал в язычество.

В четвёртом веке на защиту истинного христианства выступили Донатисты. Движение донатистов возникло в 311 году в Северной Африке. Донатисты протестовали против духовного разложения, происходившего в то время в Церкви и требовали строгого соблюдения чистоты и святости Церкви, отделение ее от государственной зависимости и возврата к примитивности древнеапостольского устроения. Донатисты отличались ревностью к мученичеству и крайним аскетизмом. Название свое они получили от двух Донатов — епископов Нумидийского и Карфагенского. Августин Блаженный называет донатистов в своих творениях «беспорочными и совершенными святыми»… Собор в Риме (313 г.), состоявший из 30 епископов, осудил донатистов, как вредную для государственного устроения ересь. Собор в Арле постановил конфисковать имущество донатистов, как пагубных сектантов, не признающих «земной власти». Для пресечения деятельности донатистов и, чтобы устрашить тех, кто им сочувствовал, — посланы были войска для уничтожения еретиков. Четвертый век богат открытыми выступлениями и протестами тех «отцов церкви», которые не могли согласиться со многими нововведениями Церкви, особенно же с крещением младенцев. Афанасий (360 г.) писал: «Господь не повелел только крестить. Он велел сначала научить. Вера должна прийти, как следствие научения, а крещение — как подтверждение веры»… Иероним Долматийский (378 г.) писал: «Недопустимо, чтобы тело принимало таинства, в которых душа не участвует. Крестить можно только тогда, когда есть несомненное наличие веры…». Василий Великий: «Вера должна прийти раньше крещения…».

Не взирая на все это, Карфагенский собор (397 г.) предал анафеме всех, кто был против крещения младенцев.

В пятом веке ревнителями подлинного христианства являются Несториане. Основоположником этого движения был Несторий, патриарх Константинопольский. С угрозой для собственной жизни, Несторий бичевал все тогдашние пороки и отступления Церкви. Он заблуждался, однако, уча, что в Христе не только два естества — божеское и человеческое, но и два лица, считая Христа не Богочеловеком, а Богоносцем. Но во всем остальном Несторий строго

придерживался Св. Писания. Он отказался называть деву Марию «Богородицей» на том основании, что Бог безначален и родить Его, Бога, никто не мог. Несторий называл деву Марию «Христородицей». За такую смелость Несторий был осужден Ефесским собором (431 г.) и заточен в монастырь, а многочисленные его последователи, рассеянные в Персии, Средней Азии, Индии и Северной Африке, подверглись тяжким преследованиям.

Одновременно с Несторианами на сцену выступают, так называемые, «одноприродники», Монофизиты. Последователи этого учения, прилагая все старания к восстановлению утраченной церковью ясности вероучения и святости жизни, впали в другую крайность: в Иисусе Христе они признавали не два естества, — божеское и человеческое, а только одно, — божеское. Это учение — антипод учению современных модернистов, признающих во Христе Иисусе одно только естество, — человеческое.

В шестом веке появились Монофелиты. Последователи этого учения стремились, хотя бы отчасти, освободиться от «узаконенных» Церковью нарушений Св. Писания. Среди выдвинутых ими истин Евангелия был спорный вопрос о наличии одной воли или двух в Иисусе Христе: воли Божеской и человеческой. Монофелиты склонялись к утверждению, что во Христе — только одна воля, Божеская, и за это были осуждены и преданы анафеме на шестом вселенском соборе (680 г.) в Константинополе. Люди, искавшие духовного оздоровления Церкви, встретились с беспощадной расправой.

В седьмом веке в Малой Азии зародилось здоровое Евангельское движение Павликиан. Последователи этого движения восстали против деления Церкви на духовенство и мирян, отвергали не предусмотренные Писанием обряды Церкви, не признавали икон, не поклонялись деве Марии, Апостолам и святым и проповедывали спасение по благодати, чрез веру. Церковные здания Павликиане называли не «храмами», а молитвенными домами. Они отказывались называться другим именем, кроме, — «христиане». Горнак называет Павликиан «протестантами до протестантской эпохи», индивидуалистами, не признававшими католической иерархии. Несмотря на то, что эти исповедники «древнего учения» подвергались бесчеловечным гонениям, искоренить их оказалось делом совершенно

немыслимым, невозможным. Павликиане пережили эпоху иконоборчества — жуткую эпоху, когда императрицей Феодорой был издан особый эдикт, направленный против Павликиан, и в результате которого (846 г.) было умерщвлено сто тысяч Павликиан. Спасаясь от пыток и преследования, Павликиане проникали на Балканы, во Францию, Италию, Голландию, стали основоположниками других христианских течений в разных местах Европы, и до сего дня сохранились в Армении. В девятом веке два образованных грека Кирилл и Мефодий, читая Св. Писание, были настолько захвачены его содержанием, что сделали перевод Писания на славянский язык и начали проповедывать христианство язычникам-славянам: хозарам, моравам, болгарам и др. На Кирилла и Мефодия посыпались обвинения. Церковные власти утверждали, что народ должен читать Писание только на одном из трех языков: еврейском, греческом и латинском, ибо на кресте Голгофском имелись надписи на этих именно языках. Языки «варваров» рассматривались, как решительно непригодные для усвоения Слова Божия. В представлении римских пап, совершение богослужения на таких «вульгарных» языках почиталось чуть ли не кощунственным. В то время «богослужебными» языками были: в Западной церкви — латинский, а в Восточной — греческий, хотя время разделения этих двух церквей тогда еще не наступило. Папа Николай I-й вызвал братьев в Рим под предлогом их рукоположения и старался воспрепятствовать введению славянского языка в богослужения моравской церкви. Когда братья, Кирилл и Мефодий, находились уже на пути в Рим, папа Николай I-й, будучи сам отлучен от Церкви Константинопольским собором, внезапно умер. Вступивший на папский престол Адриан II-й пытался воздействовать на братьев, но это ни к чему не привело. Папа Иоанн VIII-й два раза подряд запретил братьям совершать богослужения на церковно-славянском языке. Мефодий счел необходимым вторично съездить в Рим для личного разъяснения папе незаконности и опасности его требований. Иоанн внял доводам Мефодия и отменил свое двоекратное запрещение. Однако, после смерти Мефодия, папа Стефан VI-й проклял Мефодия за церковнославянский язык, как еретика, ему непослушного. Солуньским братьям пришлось вести с папами непрерывную борьбу.

По вине баварских епископов и папы Иоанна VIII-го Мефодий жестоко был наказан, просидев в тюрьме более десяти лет (870–880). Кириллу пришлось страдать меньше. Первая и последняя его поездки в Рим совершенно подкосили его здоровье. Он умер в Риме в 868 году, безвременно закончив свое высокое служение. Брат Мефодий был продолжателем начатого Кириллом перевода Библии. Перевод Библия на славянский язык способствовал внедрению Евангельских истин среди славянских народов и, конечно, снижал пагубное влияние римских пап на эти народы.

В конце десятого и начале одиннадцатого века «официальное» христианство дошло до таких глубин падения, что даже в массе населения средними людьми высказывалось недовольство на упадок Церкви и желание восстановить в ней чистоту и нравственность. Движение, требовавшее реформ Церкви, нашло ревностных поборников и распространителей в лице монахов французского монастыря Клюни в Бургундии. Клюнийцы проповедывали отделение христианства от «мира сего» и требовали, чтобы верующие люди отказывались от светского образа жизни. Движение это быстро и умело было подавлено церковными и светскими властями.

В двенадцатом веке Лионский христианин, купец Петр Вальдо (1176 г.), будучи человеком богатым, раздал (Мф. 19,21) имение нищим и начал проповедывать Евангелие. Когда люди стали каяться в грехах своих и обращаться ко Христу за спасением, Вальдо основал братство. Вальденсы отвергали католические обряды и стремились жить только по заветам Евангелия. Сам Вальдо, а также и его многочисленные последователя, подверглись жестоким гонениям. Третий Лютеранский собор (1179 г.), на котором присутствовали папа Александр III-й и император Фридрих I-й, осудил эту «ересь» и предал Вальдо и его последователей анафеме. Века гонений не искоренили Вальденского Евангельского движения. Вальденские церкви все еще продолжают существовать в Италии, Швейцарии и Франции и остаются ревностными проповедниками Евангелия.

В тринадцатом столетии в Южной Франции в городе Альби возникло движение против папской власти и всех злоупотреблений Церкви. Движение призывало людей к покаянию и к жизни христиан первоапостольской Церкви. Папа Иннокентий III-й предпринял против «еретиков» крестовый поход и совершенно уничтожил город Альби и

альбигойцев. Та же судьба постигла Каркасов, Бизьер и другие города, зараженные «альбигойской ересью». В Бизьере убивали даже женщин и детей. Папского легата спросили: «Как же так убивать всех без разбора, а вдруг среди еретиков обнаружатся «наши», «правоверные католики»?

«Не наше дело разбирать», — кричал легат, — «бей всех без разбора… Бог знает Своих… Бог разберется…». Убито было больше 20 000 человек.

Тот же, третий Латеранский собор объявил альбигойцев вне закона и предал их анафеме. Церковь беспощадно преследовала еретиков и кто не знал об инквизиции, которой руководили монахи-доминиканцы? Подозреваемых в «евангельском уклоне» подвергали жутким пыткам. Наиболее упорных и опасных сжигали или хоронили заживо. Те, кто получали папское прощение, бродили с красным крестом на одежде и считались опозоренными на всю жизнь. Для исполнения казней церковь обращалась к помощи светских властей и предавала виновных «в светскую руку», так как сама церковь не должна была проливать крови. В вознаграждение за подобные услуги светская власть получала «имущество осужденных»… Груды книг написаны по вопросу «инквизиции» и скромные объемы настоящего труда не позволяют автору коснуться всех ее ужасов.

В четырнадцатом веке против злоупотреблений католической церкви восстал Ян Гус, пражский проповедник и духовник чешской королевы. Гус требовал свободной проповеди Евангелия, отвергал исповедь пред священником, а также чистилище и главенство папы и горячо стремился к восстановлению христианства в его первобытной чистоте. Гус был вызван на папский собор в Констанце (1414 г.) и, несмотря на то, что отправился на собор под прикрытием короля Венцеслава и охранительной грамоты императора Сигизмунда, Гус был объявлен на соборе «еретиком» и сожжен в Констанце. «Я стремился отвратить людей от греха. В этой истине, которую я проповедывал согласно с Евангелием Иисуса Христа и толкованием Апостолов, я сегодня радостно хочу умереть», — ответил Гус тем, кто за несколько минут до казни явились к нему с последними своими увещаниями. Смерть высокого христианского мученика возмутила свободолюбивых чехов и послужила сигналом к Гуситской войне. Предводителями были — Николай из Гусинца и Ян Жижка. Эта

кровопролитная борьба продолжалась с перерывами вплоть до так называемого Куттенбергского религиозного мира в 1485 году.

В пятнадцатом веке, когда на папском престоле восседал Борджия под именем папы Александра VI-го, католическая церковь достигла последних ступеней своего нравственного падения. Произвол и насилие духовенства и возмутительный разврат самого папы Александра VI-го (1492–1503) не поддаются описанию. В папском дворце было помещение для публичного дома. В диких оргиях и ничем не прикрытом разврате папы, принимали участие его дочь Лукреция и сын — кардинал. Высшее духовенство пополняло свои ряды представителями светской аристократии, низший клир отличался крайним невежеством, а проделки монахов вошли в пословицу: «эти лицемеры делают как раз обратное тому, что проповедуют»…

Эта общая разнузданность вызвала против себя волну народного негодования. Общий протест нашел своего выразителя в лице проповедника из Флоренции Джироламо Савонаролы. Он отличался своею душевной прямотой, был неустрашим и не мог мириться с явным язычеством в христианской церкви. В своих проповедях Савонарола изобличал духовенство и самого папу. 25-го июля 1495 года папа приказал «дерзкому пророку» приехать в Рим и дать отчет в своих словах и действиях, но «дерзкий пророк» не пожелал явиться. Возмущенный «наместник Христа на земле» издал (8-го Сентября того же года) указ, запрещающий Савонароле проповедывать в соборе св. Марка, во Флоренции, но и тут встретился с непослушанием «подвластного». 12-го мая 1497 года папа объявил Савонаролу еретиком, отлучил от церкви и предал анафеме. Не взирая на все меры, принятые папой, Савонарола продолжал проповедывать, совершать богослужения и евхаристию. Весной 1498 года папа прислал во Флоренцию своих комиссаров, дабы «покончить с отступником, хотя бы он оказался вторым Иоанном Крестителем». Савонаролу арестовали, подвергли адским пыткам и мучениям, после чего Савонарола был повешен и труп его сожжен. Такая же участь постигла и двух его сообщников: Пестию и Доминика. Так тяжело был наказан церковью тот, кто дерзнул проповедывать истину, беспощадно обличая безнравственность народа, духовенства и властей.

Сохранились точные записи допроса и текст смертного приговора, вынесенного «папскими легатами» еретику Савонароле. Этот текст

допроса и текст приговора настолько компрометируют католическую церковь, что последняя объявила эти исторические документы «подложными».

В шестнадцатом столетии на арену борьбы за чистоту церкви выступают Цвингли, Кальвин и Лютер.

Ульрих Цвингли (1484–1531), священник из Цюриха, восстал против Римской церкви и громил злоупотребления духовенства. В 1522 году, с согласия Цюрихского городского совета, Цвингли стал приводить в исполнение радикальную реформу церкви и сделался реформатором Швейцарии. Гуманист по образованию и убеждениям, широкий по уму и высокий по своим душевным качествам, Цвингли является одним из самых выдающихся духовных деятелей реформационного периода. Цвингли был убит католиками в сражении с войсками католических кантонов, при Каппеле.

Иоганн Кальвин (1509–1564), родом из Франции, положил вместе Цвингли основание реформаторской церкви. Пробыв некоторое время в Страсбурге, Кальвин был приглашен в Женеву, где действовал с большой властью, водворив в Женеве теократические порядки. Сделанные им многие нововведения в церкви были осуждены на соборе в Лозанне. Приверженцы кальвинизма во Франции были названы Гугенотами. Они подвергались сильным преследованиям. Во время бракосочетания Генриха Беарнского с Маргаритой Валуа, по инициативе Екатерины Медичи, матери Карла IX-го, католики решили истребить гугенотов, проживающих в Париже. Избиение это произошло в ночь св. Варфоломея с 23-го на 24-е августа 1573 года и получило в истории название «Варфоломеевской ночи». В ту ночь во Франции было уничтожено около 30 000 гугенотов, Из них 2 000 жертв в Париже. Гугеноты и по сей день имеют свои церкви на юге Франции, пользуясь по кодексу Наполеона гражданскими и политическими правами наравне с католиками.

Мартин Лютер (1483–1546), сын рудокопа из Эйслебена, получил степень магистра, но, имея глубокое влечение к духовной жизни, спустя два года постригся в августинские монахи. С 1508 года Мартин Лютер занимает кафедру философии в Виттенбергском университете. В 1511 году Лютер, побывавший в Риме, пришел в ужас от развратного образа жизни Римского духовенства. Находясь в Риме и, подымаясь по лестнице «Сайта Скаля» в одном из храмов Ватикана, Лютер вспомнил

слова Священного Писания: «праведный верою жив будет» и там же уверовал во Христа, как своего личного Спасителя, дающего оправдание даром, по вере, всякому грешнику, кающемуся («Сайта Скаля» — имя лестницы, привезенной из Палестины. По этой лестнице, якобы, подымался Христос к Пилату.). Римская церковь учит, что всякий, кто взойдет по этой лестнице на коленях, читая при этом установленные молитвы, получит «абсолют», т. е. полное прощение грехов. Очевидность заблуждения предстала пред Лютером с такой реальностью, что он тотчас поднялся с колен и уже больше лестницей не спасался.

Возвратившись в Германию, Лютер — доктор богословия и профессор университета, опубликовал 95 тезисов, в которых осуждал отступления церкви. Лютер доказывал, что человек не может спасти себя ни восхождениями по лестнице Пилата, ни постами и молитвами и никакими добрыми делами, что спасение совершено однажды и навсегда Христом на Голгофе, что священник не стоит ближе к Богу, чем человек-мирянин, и призывал католических священнослужителей не властвовать над людьми, а служить им. Тезисы его верования были широко оглашены. Впечатление, вызванное его протестами против злоупотреблений церкви и призывами к простоте Евангельского верования, было необычайное. Мартин Лютер смело выразил то, что смутно бродило в душах его современников и был услышан народом.

Папа послал буллу, угрожавшую «дикому вепрю, разоряющему виноградник Господа» отлучением, но Лютер публично сжёг ее перед Виттенбергскими студентами. Папа решил судить «дерзкого монаха, поколебавшего структуру церкви и древнюю веру». Сейм, собранный папой в Вормсе, уже предвкушал сожжение «еретика» на костре, но сейм и папа оказались бессильными противостоять твердому защитнику Лютера, — императору германскому Фридриху Мудрому. Под защитой этого последнего, Лютер был отправлен в Вартбург, где перевел Библию на немецкий язык. Вернувшись в Виттенберг, Лютер покинул монашество и женился на бывшей монахине Екатерине Фон-Бора, прозванной за высокое благородство души «ангелом Виттенберга». Лютер вёл обширную переписку с князьями, учеными, богословами и друзьями, оставив после себя много богословских трудов, религиозных рассуждений и трактатов.

Результатом реформ Мартина Лютера явилось новое христианское вероучение — Лютеранство, которое легло в основу многих видов здорового протестантизма. Из Германии и Швейцарии лютеранство постепенно распространялось по другим странам. Оно проникло в Данию, Швецию, Голландию, Англию, Шотландию, Францию, и в настоящее время имеет своих последователей во всех странах мира. Реформационное движение всюду вызывало волнения, продолжительные и ожесточенные войны между католицизмом и протестантами и завершилось известной 30-летней войной, окончившейся Вестфальдским миром в 1648 году.

В семнадцатом веке возникает несколько новых религиозных течений, допущенных официальным христианством: Пуритане, Просвитериане, Квакеры, Баптисты, Евангелисты и другие. Все они призывали к восстановлению христианства в его первоначальной чистоте, все они отвергали нехристианские установления церкви: церковную иерархию, исповедь пред священником, литургию, некоторые таинства, крестное знамение, поклонение иконам и многое другое, являющееся плодом невежественного и суеверного средневековья. Все эти течения признавали единственным руководством веры и жизни человека — Священное Писание, требовали отделения церкви от мира, участие каждого верующего в служении церкви и смотрели на духовное возрождение, как на основу христианства: «Кто не родится свыше, не сможет войти в Царствие Божие». Эти, подлинно евангельские течения, долго и упорно преследовались во многих странах старого и нового света.

С девятнадцатого века, вплоть до наших дней, то и дело возникают все новые и новые Евангельские течения, стремящиеся к оздоровлению охладевших людских сообществ, именующих себя христианами. На Западе и в Америке с проповедью Евангельских истин выступали с большим успехом Чарльз Финней, Дуайт Муди, доктор Р. А.Торрей, Билли Сандей, доктор Чапман, Чарльз Сперджен, Эван Робертс, Кампбелл Морган, доктор Ф.Б.Майер, Джипси Смит, Билли Грэм и многие другие проповедники, евангелисты, богословы.

У нас, в России, проповедь Евангелия вне церковного амвона всегда рассматривалась чем-то предосудительным, неуместным, нежелательным, «опасным новшеством», «кружковщиной», «сектантством»…

Реформация Запада не могла, однако, не отразиться на Востоке. Одним из приверженцев новых религиозных идей и их распространителем среди славян Востока был известный украинский философ Григорий Саввич Сковорода (1722–1794). Будучи человеком высокообразованным и владея несколькими иностранными языками, Сковорода обошел пешком всю Европу, был преподавателем в Харьковском коллегиуме (семинарии). Странствуя по Украине, Сковорода вел религиозно-философские беседы, имевшие большой успех у слушателей. Он оставил после себя несколько сочинений, среди которых «Начальна дверь ко христианскому благонравию» заслуживает особого внимания. Он также написал много духовных гимнов, сохранившихся в народной передаче среди молокан, духоборов и других религиозных течений Украины и Закавказья.

Эхо западноевропейской реформации достигло России только в девятнадцатом столетии, т. е. четыреста лет спустя. Эпоха западноевропейского ренессанса (возрождения), выразившаяся, главным образом, в освобождении человеческой совести от устарелых форм верования в вековые заблуждения Римской церкви, основанные на бесконтрольности клира и невежестве суеверных масс, эта эпоха не имела должного влияния на темные массы церкви Восточной. Восточная церковь не имела поэтому еще в своих рядах тех, кто внес бы в ее жизнь нужные реформы и, таким образом, вывел бы ее из тех застывших, мертвящих душу форм, в которых она находится более тысячи лет. У нас, в России, не было религиозных реформаторов, подобных Лютеру, Веслею и Кальвину. У нас не было коренных церковных реформ, возврата к первохристианству, к простоте Евангельской, к жизни подлинного духовного возрождения. Не было и не могло быть его у нас, потому что Библия ещё не была переведена на русский язык. Впервые полная русская Библия, изданная «по благословению Синода», появилась только в 1876 году. Приблизительно с этого же времени начинает проникать в Россию проповедь Евангелия. В результате проповеди Слова Божия появляются отдельные лица, группы и даже движения, стремящиеся к жизни по Евангелию.

Евангельское движение в России возникает и развивается одновременно в трех направлениях: среди крестьян, рабочих и аристократия.

Первым последователем Евангелия из рабочих был Никита Воронин. Живя в Тифлисе и читая Библию, Воронин пришел сначала к убеждению, что по Слову Божию он, Воронин, погибший грешник. Потом, продолжая углубляться в Евангелие, Воронин понял, что Христос пришел «спасти грешников» и всякого кающегося «Он не изгоняет вон». Чтение апостольских посланий еще более убедило Воронина в возможности спасения верою, по благодати, искуплением Иисуса Христа. Уверовавший, таким образом, во Христа Иисуса, как в личного своего Спасителя, Воронин пожелал исполнить волю Божию в водном крещении, как написано: «кто будет веровать и креститься, спасен будет»… Основываясь на этом тексте Писания, Воронин пригласил к себе из соседней немецкой колонии проповедника Кальвейта, который и крестил его в реке Куре ночью 20 августа 1867 года. Несмотря на такую таинственность и осторожность, весть о появившейся «новой вере» разнеслась по всей окрестности и «жаждущие духовно» люди потянулись сперва на квартиру Воронина, а затем — в зал, специально нанятый для совместного чтения Евангелия. Спустя три года, в Тифлисе образовалась община верующих, крещенных по вере, численностью в 78 человек. Среди них (известные позже) проповедники В.Павлов, В.Иванов-Клышников, Д.И.Мазаев и другие.

Первыми евангельскими верующими из крестьян были братья Онищенко из Основы и Ефим Цымбал из Карловки на Херсонщине.

Братья Онищенко смело свидетельствовали другим о своих духовных переживаниях и среди обращенных ко Христу обрели молодого Ратушного, ставшего вскоре благословенным проповедником Евангелия на Украине. Почти одновременно с обращением Ратушного в Основе, в Карловке, по свидетельству Ефима Цымбала, обращается ко Христу Иван Рябошапка, впоследствии неустрашимый свидетель Истины не только на Украине, но и в аристократических салонах старого Санкт-Петербурга. Пройдя через тяжелые преследования и гонения, Рябошапка был выслан «за пределы России» и умер в Болгарии в 1904 году.

Английский лорд Редсток, человек глубоко верующий, прибыл из Лондона в Санкт-Петербург в 1874 году к некоторым придворным русским вельможам с ответным визитом. По его инициативе были организованы частные беседы на религиозно-философские темы.

Интерес к Библии, пробужденный в аристократической среде Петербурга беседами лорда Редстока, был необычайным. Многие из придворной знати впервые уясняли себе смысл Христовых страданий, ответственность свою пред Богом, возможность и необходимость «родиться свыше» для всякого, ищущего прощения грехов и жизни вечной. Среди принявших Евангельскую весть спасения оказались полковник А.В.Пашков, княгиня Гагарина, светлейшая княжна Ливен, граф Модест Корф и многие другие. Проповедь Евангелия захватила не только «господ», собиравшихся во дворцах, но и их бесчисленных слуг и подчинённых. Такое «повальное» увлечение Евангелием всколыхнуло столицу и заставило церковные и светские власти призадуматься и принять соответствующие меры. Главным «зачинщикам реформации» предписано было покинуть пределы России. Их последователям пришлось встретиться с разными репрессиями и даже гонениями. Полковник Пашков умер на чужбине в 1906 году. Пишущий эти строки посетил его могилу на Римском кладбище. Много дум навеял белый мраморный крест с надписью кириллицей: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное…» (Матф.5,10).

Граф Модест Корф закончил свою жизнь в Швейцарии.

Обращенные в далекой провинции и обращенные в русской столице не носили никакого звания и не принадлежали ни к одному из зарубежных религиозных течений. Но окружающая их народная масса должна была дать новому движению какую-то «кличку» и она эту кличку дала, дала не одну, а несколько. На Украине, где Евангельское течение было связано с немецкими колонистами, уверовавших называли «штундой» или «штундистами». Это название произошло от немецкого слова «штунде», т. е. — час, который верующие уделяли ежедневно для чтения Евангелия и для молитвы. В других местах — «евангелистами», «баптистами», «перекрещенцами» или просто «сектантами»… Группу, уверовавшую на беседах лорда Редстока, называли «пашковцами».

Евангельское пробуждение, вспыхнувшее в разных местах России, оказалось настолько сильным, что властям трудно уже было применять «ссылку в административном порядке». Из среды уверовавших вышли талантливые люди, образованные, способные проповедники, организаторы и вожди: И.С. Проханов, И.В.Каргель,

В.Г.Павлов, В.А.Фетлер, М.Д.Тимошенко, В.Н.Одинцов, Е.А.Голяев, Г.А.Драненко, Н.А.Казаков и другие. Каждый из вышеупомянутых духовных деятелей, несомненно, заслуживает отдельной книги и автор настоящего труда не сомневается в том, что такие биографические очерки вскоре появятся.

Мы, живущие в двадцатом атомном веке, снова вступили в мрачную эпоху неверия, богоборчества и человеконенавистничества. «Грех умножился», «во многих охладела любовь», Церковь Христова, еще так недавно обагрённая кровью мучеников за веру, теперь уже остыла в вере, снизила на нет уровень своего духовного рвения, стала способной идти на поводу у политиков и государства, слилась с «миром сим» и уже мало стремится к достижению той высокой цели, ради которой Христос оставляет ее на земле: нести весть спасения погибающим, провозглашать скорое пришествие Христа, суд над народами и гибель мира, «благовествовать неисследимые богатства Христовы». Воистину, мы живем в такое время, когда нельзя не ждать нового мощного пробуждения в Церкви, нового «выхода из среды ее», нового «отделения». Ибо всякий раз, когда вызванное к жизни духовное христианское пробуждение по тем или другим причинам лишалось животворящей силы Святого Духа и, лишившись Его, застывало в своих омертвелых формах, Бог находил Себе новых свидетелей, «новые сосуды благодати», чрез которые и продолжал осуществлять Свой изначальный план спасения человечества посредством «юродства проповеди».

Необходимо заметить также, что одновременно с действиями Духа Святого в Церкви и Его побуждениями к святой и отделенной от мира жизни верующих, сатана увлекает людей ложными идеями и, таким образом, порождает в Церкви всякого рода «соблазны», «ереси» и «разделения»… Слово Божие учит нас, что Церковь не застрахована от заблуждений, что в Церковь могут войти «лютые волки, не щадящие стада», учащие превратно, «дабы увлечь учеников за собою», лжеучители и лжепророки, заблуждающиеся и вводящие в заблуждение… Но и здесь Господь не оставляет «Своих избранных» без нужного духовного света и руководства. Он посылает нам Духа Своего Святого, Который оберегает нас от заблуждения, «научая и наставляя нас на, всякую истину». (Иоан.16,13; Иоан.2,18–21). Часто люди заявляют: «Я хотел бы уверовать и присоединиться к церкви, но

как могу я знать: какая церковь истинная, если в христианстве насчитывается около 700 различных наименований?» Вопрос этот разрешается весьма просто: надо сперва уверовать и принять Духа Святого, а Дух Святой уже займется дальнейшей судьбой уверовавшего. Дух Святой укажет ему ту группу верующих, которая будет способствовать его духовному росту. Ибо задача Духа Святого — наставить уверовавшего «на всякую истину» и оградить чадо Божье от всякого заблуждения.

«Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и не ложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте» (1 Иоан.2,27).

«Это я написал вам об обольщающих… Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому, что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога.

А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста…» (1 Иоан.2,26; 4,1–3).

Такова история сектантства. Образование сект чрез отпадение отдельных групп от господствующей церкви, может казаться широким массам чрезвычайно предосудительным делом, но в очах Божиих такое «отпадение» может оказаться спасительным.

Не так ли расценивали иудеи проповедь Самого Христа и не то ли самое обвинение предъявили они апостолу Павлу, сказав о нем Римскому проконсулу Феликсу: «Нашедши сего человека язвою общества, возбу-дителем мятежа между иудеями и представителем Назорейской ереси, мы взяли его и хотели судить его по нашему закону…» (Деян.24,5–6).

Итак, вместе с лучшими людьми всех времен и народов, подлинными христианами, не будем смущаться кличками и названиями, но живя в полной гармонии с Божьей волей, «выйдем за стан, нося Его поругание!».

Возрождение

После обзора всех этих вековых заблуждений христианства мы спрашиваем себя: что делать? Как нам быть? Как вывести Церковь из всех ее заблуждений, освободиться от наследий прошлого, прийти к исконной чистоте? Наш читатель-христианин, впервые встретившийся с фактами, изложенными в книге, может, пожалуй, решить, что отныне борьба со всеми существующими заблуждениями Церкви должна стать его жизненной задачей. Пустое и неосуществимое решение! Можно ли переубедить всех людей, заставить мыслить и жить по Божьему? Духовные истины обнародованы Богом только ради тех, кто готов охотно их принять и следовать им без всякого понуждения. Так повелось от начала. Когда Апостолы писали свои соборные послания, их указания и увещевания относились только к верующим, да и то, иной раз, не ко всем. Так, например, ап. Павел, заключая свои наставления Коринфской церкви, пишет: «Кто почитает себя пророком или духовным, тот да разумеет, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни. А кто не разумеет…» (1Кор. 14, 37–38).

С мрачным, волнующим предсказанием отступничества от Слова Божия обращается апостол Петр. Во втором соборном послании Петр говорит о неизбежном появлении всяких ересей и заблуждений: «И у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси, и отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют их разврату, и чрез них путь истины будет в поношении… Они прельщают неутвержденные души… оставивши прямой путь, они заблудились… Лучше бы им не познать пути правды, нежели познавши, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи… Итак, вы, возлюбленные, будучи предварены о сем, берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения» (2Петр. 2, 1–2.14–15.21,-22; 3,17).

С какой поразительной духовной зоркостью ап. Петр говорит в приведенных сейчас словах о пагубных ересях, заблуждениях, уклонениях в сторону, о возврате назад и даже об окончательном

отпадении. Но столь же проникновенно, с тою же исключительной духовной зоркостью апостол Петр представляет себе пребывание верующих людей на «прямом пути». Христианскую жизнь Петр определяет в трех выявлениях духовного пути:

«Прямой путь» — всегда только прямой Божий путь, очевидный для всех, нежелающих блуждать по кривым тропам, пусть то сатанинским или человеческим.

«Путь истины» — путь Священного Писания со всеми указаниями и догматами, подкрепляющими путника в небесную страну, «во области заочны», к недосягаемым вершинам духа.

«Путь праведности» — путь праведной жизни, свободной от всякого беззакония, в противовес жизни на путях греха и нечистоты.

Высокое назначение послания ап. Петра не только в том, чтобы «предостеречь» от заблуждений беззаконников и «предостеречь» от увлечения ересью, но и указать на единство «пути истины» и «пути праведности», на неразрывность теории и практики, на то единство, которое многие в наше время не ценят и не усматривают. Ап. Петр, равно как и ап. Иаков и другие апостолы, всегда подчеркивает, что одна догматическая сторона веры без живой, подлинной христианской жизни всегда оказывается мертвой. Вера и наша жизнь во всех отношениях должны быть согласованы и неразрывны. Вести праведную жизнь, пренебрегая истинными основами христианской веры, невозможно. Извращенное поведение человека является, в большинстве случаев, следствием извращений в его сознании, уклонением от основных догм христианской веры. Опыт жизни убеждает нас, что так, как человек верует, так он и живет. На вопрос: почему «ввели пагубные ереси», «оставили путь праведности», «возвратились на блевотину»? — апостол Петр тут же дает исчерпывающий ответ: потому, что «отвергли искупившего их Господа»! Безрассудное отношение ко греху сказалось у этих беспечных людей на их отношении к искуплению и даже к Самому Искупителю. Попрание этой главной догмы веры, догмы об искуплении, привело их к разнузданности в жизни. Там же, где слово расходится с делом, где «догма» является одним только мертвым подвеском к делу всей жизни, там всегда «путь истины будет в поношений». Этому поношению Церковь всегда была и будет подвержена, ибо были, есть и будут ложные последователи Христа,

лжехристиане. На необъятных просторах мирового поля Христос сеял только «доброе семя», но враг душ человеческих посеял «плевелы». И пророчество о лжеучителях, которые придут и «введут пагубные ереси» исполнилось во всей точности. Заблуждения и «пагубные ереси» проникнут в Церковь не путем какого-либо насилия, а обнаружат они себя, как бы исподволь, наряду с некоторыми, даже полезными, правилами и установлениями Церкви. Сатана никогда не спешит отвергать полностью истин Писания, он только урезает их, упрощает, извращает. Сатана знает, что ничто так не уродует и ничто так не обессмысливает проповедь Слова Божия, как «разжижение» истины, как эта помесь истины с заблуждением, это медленное угасание света в кромешной тьме. Заметив такие происки сатаны, люди, обычно спешат отказаться от самой Истины, как таковой, и распознавать ее под наследием лжи они уже не пытаются. «Все — ложь! Нет ни единой доли правды!», — заявляют такие люди… И путь истины оказывается в поношении.

Казалось бы, что проще, доступнее, отраднее — как ни утверждение на Божьем пути спасения, но люди пренебрегли этим единственным спасительным путем и «блуждают как овцы, совратившись каждый на свою дорогу». Нельзя не согласиться с тем, что люди, оставляющие «прямой путь», непременно впадают в крайности. Изобретая «свой путь» спасения, они доходят до безрассудства: впадают в фанатизм, аскетизм, формализм, вольнодумство… Они доходят до того, что уже «не допускают», чтобы Бог любви осудил кого-либо на вечные мучения и для собственного успокоения утверждают, что Бог всех простит… всех спасет… Что такой взгляд противоречит всему откровению Божьему, учению Христа и Апостолов, — об этом они не задумываются. Они всей душой отдаются заблуждению, которое им нравится, которое их, якобы, вполне удовлетворяет. Удовлетворяет ли такое их «успокоение» Бога и как Он на это смотрит — для них безразлично.

По Священному Писанию «прямой путь» начинается «рождением свыше», — возрождением. Перемена нашей падшей человеческой натуры, перемена, которую Дух Святой производит в сердце кающегося, вот в чем сущность Евангелия, сущность веры и основа спасения.

Устранить из христианства «возрождение свыше», значит лишить человека возможности «стать чадом Божьим», «новой тварью во Христе Иисусе», значит, — упразднить христианство вообще. Многие люди будут лишены жизни вечной не потому, что пренебрегли той или иной церковной обрядностью, а потому, что они, будучи «мертвыми во грехах и беззакониях», не обратились ко Христу и не возродились к вечной жизни. Царство Небесное — приготовленное место для подготовленных людей.

Человек невозрожденный оказывается для Царства Божьего негодным и неприспособленным. Как может такой человек наслаждаться Богом в вечности, когда всю земную жизнь он прожил без Бога? Бог никогда не имел доступа к его душе, как же может душа эта воспринять Бога в вечности? Это к ним будут направлены слова Христа: «Отойдите от Меня, Я никогда не знал вас».

Самый тяжкий грех, — извращенное представление человека о Божьем пути. Он повлек за собою крушение допотопного мира: «И воззрел Господь Бог на землю, и вот она растлена: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле». Возникает вопрос: куда идет наш атомный век и какая кара Божия обрушится на него? Разве мы не извращаем пути Господня? Мы извращаем «путь свой» всякий раз, когда мы перестаем жить для тех высоких целей, ради которых Бог вызвал нас из бытия и послал на эту землю. Мы извращаем «путь свой на земле», когда попираем наше земное назначение, выражающееся в познании Бога и приведении к этому познанию других людей.

Мы извращаем «путь свой на земле», когда не имеем в сердце нашем Духа Святого Утешителя, не живем и не стремимся жить по воле Божьей, когда на горделивом троне нашего сердца восседает и безотчетно управляет наше ветхое «я», когда мы принадлежим не Богу, а только самому себе, не подчиняемся водительству Божьему, слепо и безумно распоряжаемся собственной своей судьбой.

Возрождение свыше производит это нужное свержение «власти плотской» и заменяет ее властью небесной, царствованием Бога. По нашей неотступной просьбе Бог помогает нам пережить это спасительное потрясение, внутренний переворот, когда «ветхий наш человек, истлевающий в обольстительных похотях» уступает место Духу Святому. Дух Святой, вселившись в сердце, пребывает в нем, подчиняя нашу волю воле Божьей. Вот почему так необходимо

человеку рождение свыше. Христос, воистину, спасает грешника, но спасает его не извне, а изнутри! Возрождение свыше — безусловная необходимость.

Если причина всех наших бед заключается в отвержении Бога, то наша первая нужда — в примирении с Ним. Без такого примирения человек «не может увидеть Царства Божьего». Он никогда не сможет «понять», что такое «быть рожденным от Духа». Подобно Никодиму он будет теряться в догадках и вечно недоумевать: «как это может быть?… как может человек родиться, будучи стар?»

Возрождение свыше — несомненная реальность. «Мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства нашего не принимаете». Возрождение — абсолютно замкнутое в себе духовное явление, процесс его раскрытия для постороннего глаза неуловим, но плоды такого раскрытия весьма реальны. Скрыть проявления вступившей в свои права Божьей жизни в человеке — невозможно. Рождение свыше вводит человека в новый, дотоле неведомый для него мир, награждает его новой духовной силой, обогащает его жизнь новыми духовными переживаниями, открывает пред ним новые просторы деятельности, новые источники неземных наслаждений. Возрождение производит в человеке такую перемену, которую можно рассматривать подлинным чудом, ибо только Бог, и никто другой, может давать человеку силу, с помощью которой человек способен «отложить прежний образ жизни… обновиться духом… облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины»… (Еф.4,22–24).

Возрождение свыше — благословенная возможность, доступная всякому верующему. Повелевая грешнику «родиться свыше», Господь не требует от него неосуществимого духовного подвига. Бог Сам совершает дело нашего возрождения, но не иначе, как в ответ на наше чистосердечие и полное раскаяние и безусловную отдачу себя Ему. Войти в Царство Божье, стать соучастником жизни в Боге мы можем только в том случае, если позволим Богу «соделать нас причастниками Божеского естества… родить Словом Истины, чтобы нам быть некоторым начатком Его созданий» (2Петр. 1, 3–4; Иак.1,18).

Возрождение — исполнение Божьего обетования: «Вы храм Бога живого, как сказал Бог: «вселюсь в них, и буду ходить в них, и буду их Богом, и они будут Моим народом» (Лев.26,12).

Возрождение — раскрытие сущности того Нового Завета нашего с Богом, в который мы сознательно вступаем чрез покаяние и оставление грехов, как написано: «Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их и напишу их на сердцах их, и буду их Богом… потому, что Я буду милостив к неправдам их, и грехов их, и беззаконий их не воспомяну более…» (Евр. 8, 10–12).

Возрождение — неотъемлемое право всякого кающегося грешника.

Все мы — грешники, чрезмерно виновные пред нашим Небесным Отцом, но «вот Агнец Божий, который берет на Себя грех мира»… (Иоан.1,29).

Все мы — «погибшие грешники», но Христос «пришел взыскать и спасти погибшее…».

Все мы — блудные сыны и дочери, но Бог ожидает нашего покаяния, примирения и возвращения в дом Отчий.

Все мы — рабы грехов и пороков, но Христос пришел «отпустить узников на свободу», и «кого Сын освободит, тот истинно свободен будет».

Все мы — духовно прокаженные. Оскверненные проказой греха мы лишены права приближаться к Богу, но вот явился Врач, «ранами Которого мы исцелились» и получили свободный доступ к Отцу, к Престолу благодати. Христос, очищающий нас Голгофской кровью, Он говорит: «Придите ко Мне все…, и приходящего ко Мне Я не изгоню вон…».

Итак, что же нам делать? Ответить на призыв Христа и прийти… Прийти сейчас. Прийти к Нему непосредственно. Прийти без всякой предварительной подготовки. Прийти таким, как есть. Прийти и покаяться, исповедать Ему свою вину, признать себя погибшим и просить Его о пощаде, о помиловании, о прощении. Прийти и принять «неизреченный дар Его», дар спасения. Прийти, принять и радоваться, радоваться и благодарить, благодарить и славить, славить и нести эту Весть Спасения всем, кто еще не рожден свыше, кто еще «вне врат» Царства Божьего.

«Испытывайте самих себя, в вере ли вы? Самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть…» (2Кор. 13, 5).

«Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный…» (Пс. 138).

Спасение

Может ли верующий человек знать еще при жизни, что он спасен?

Этот вопрос возникал и всегда будет возникать у всякого здравомыслящего человека. Божественное откровение — Библия, дает на этот вопрос свой авторитетный, исчерпывающий ответ. Было бы очень странно, если бы Библия, основной темой которой является наше спасение, лишила бы нас должного ответа. Но Библия не оставляет места сомнениям и не дает нам права недоумевать, предполагать или догадываться. Она властно заявляет, что всякий подлинно верующий человек не только знает, что он спасен по благодати Божьей, но радуется спасению и славит за него Бога.

И, действительно, для чего же Христос воплотился через деву Марию, жил на грешной земле, оставил дивное Божественное учение, страдал и умер при Понтийском Пилате, воскрес из мертвых и вознесся во славе?… Для чего все это, как ни для нашего вечного спасения? Для чего Христос послал Апостолов, говоря: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие (весть спасения) всей твари?» Зачем Христос сказал тогда следующие слова: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет»? (Мк. 16,15–16).

Вопросом уверенности спасенных в своем спасении заняты не только те или иные стихи и случайные главы, но целые книги Библии. Задача отдельных книг заключается, именно, в том, чтобы перевести верующего человека из области «людских гаданий» в область бесспорных фактов, достоверного знания, абсолютной уверенности. Апостол Иоанн посвятил этому вопросу Первое соборное послание. Вот заключительные слова его послания: «Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы, веруя в Сына Божия, имеете жизнь вечную…» (1Иоан.5,13). Апостол не говорит «вы будете когда-то, после смерти иметь жизнь вечную», он говорит: вы уже сейчас ее имеете, если вы верите в Сына Божия. Да и как может, как смеет человек верующий усомниться в возможности благодатного спасения, когда ради этого спасения «Бог послал в мир Единородного Сына Своего… чтобы мы получили жизнь чрез Него…, послал Сына

Своего в умилостивление за грехи наши… послал, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную…» (Иоан.3,16; 1Иоан.4 гл.). Так пишет Иоанн Богослов. Но с такой же непоколебимой уверенностью и достоверностью пишут и другие Евангелисты и Апостолы. Апостол Павел, начиная первое свое послание к Тимофею, говорит: «Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос пришел в мир спасти грешников» (1Тим.1,15). Апостол Петр в день пятидесятницы на вопрос многотысячной толпы: «что нам делать, чтобы спастись?» отвечает: «покайтесь, и да крестится каждый из вас во Имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш…» (Деян.2 гл.).

Библия учит, что главным мотивом Божьего спасения является восстановление нарушенного грехом общения человека с Богом. Христос пришел, чтобы «разрушить стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею… посредством креста, убив вражду на нем…» (Еф.2,14.16). Следовательно, наше общение с Богом возможно только при наличии нашего спасения Христом Иисусом. Иначе, как может человек общаться с Богом, если он прежде не признает себя виновным, а признав, не прийдет к Нему за прощением и спасением?

Но скажут нам: если уверенность в спасении — такая абсолютная достоверность в духовном опыте подлинно верующих христиан, то почему же встречаем мы множество людей, которые не имеют этой благословенной и обязательной уверенности?

Отвечая на это возражение, можно указать на несколько причин, почему люди не имеют уверенности в своем спасении.

Многие люди не имеют уверенности в своем спасении, потому что они никогда еще не приняли Божьего Спасения. Как могут они иметь уверенность в спасении, когда вся их жизнь свидетельствует о том, что они все еще в омуте греха, в грязи, в пороках, в беззакониях, в нечистоте? Как могут они иметь уверенность в спасении, если они никогда еще не осознали себя людьми «навсегда погибшими» и не вопияли к Богу о помиловании, о спасении? Как могут они иметь уверенность в спасении, когда искупительная жертва Христа и новая, возрожденная жизнь в Нем, для них — ничего не значащие фразы?

Многие люди не имеют уверенности в спасении, потому что получение спасения они представляют, как нечто ими «заслуженное», как награду, которую Бог должен будет дать им после смерти, дать за их святой характер, добрые дела и непорочную жизнь на земле. На вопрос: «где будете вечность проводить, в раю или в аду?» Эти люди отвечают: «А кто это знает? Все от Бога зависит… Чего заслужу…». Человек, стремящийся «заслужить» себе спасение, никогда уверенности в спасении иметь не будет. Бог не даёт человеку спасения по заслугам. Бог спасает не тех, кто стремится «заслужить», а тех, кто погибает и просит спасти его. Христос пришел спасти погибших, пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию! Многие люди не имеют уверенности в спасении, потому что они никогда еще не пережили «рождения свыше». К этому классу людей относятся все те, кто по природе религиозны, но удовлетворяются только внешней обрядовой стороной христианства и этим, несознательно, пытаются заменить нужные духовные переживания, необходимые для их спасения. Христос предъявляет всем желающим спасения одно и то же требование: «Должно тебе родиться свыше», родиться от Воды и Духа, родиться от Бога, стать Его чадом, сделаться членом Его Тела. Поэтому нельзя иметь уверенности в своём спасении, не выполнив прежде этого Божьего требования. «Рождённое от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше»… (Иоан.3 гл.).

Многие люди не имеют уверенности в своем спасении, потому что они умаляют свидетельство Слова Божьего и не вполне доверяют Ему. Они больше полагаются на людские мнения и взгляды, чем на Слово Бога. Вместо того, чтобы сказать: «я верю тому, что написано в Библии, ибо так говорит Господь», эти люди утверждаются на собственных своих вымыслах. «У меня по этому вопросу свое личное мнение», — заявляют они, или: «так мои деды и прадеды верили, так моя церковь учит, это мое многолетнее убеждение и вы меня не переубедите…». Спрашивается: может ли Бог дать уверенность в спасении человеку, который отрицает Божий путь спасения и ни во что не ставит его? Должен ли Бог согласиться с теми вековыми нашими заблуждениями, которые прикрываются такими словами, как например: «вера отцов», «наша церковь», «наши догматы»? Должен ли Бог давать этим упорствующим уверенность в их спасении?

Многие люди не имеют уверенности в спасении, потому что после молитвы покаяния они всё ещё продолжают жить в каком-нибудь сознательном грехе. Когда христианин имеет наследственный или приобретённый грех, сатана имеет к такому доступ и это его очень угнетает. В таком случае человек тоже может терять уверенность в спасении.

Многие люди не имеют уверенности в спасении потому, что раскаявшись во грехах своих и получив от Бога прощение, они ожидают от Бога излияния «особого чувства радости», тогда как Бог ожидает от них «простой благодарности». Отсутствие чувства благодарности в сердце раскаявшегося грешника указывает на то, что он не достиг еще нужной ему покаянной глубины, что он не вполне осознал свое погибшее состояние и не сумел еще достойно оценить спасения Христова. Нельзя получить уверенность в спасении без покаяния пред Богом и без должной благодарности Ему за прощение грехов, в которых каялся.

Многие не имеют уверенности в своем спасении еще и потому, что они «твердо уверовали» в людские взгляды. Они говорят: «пока человек во плоти и живет в мире, об уверенности в спасении не может быть и речи». «Мы по природе греховны, — говорят они, — и остаемся таковыми и после нашего самого горячего покаяния». Им кажется, что спасение человека возможно только при условии, если человек умирает «сразу же после покаяния», пока он еще не успел вновь нагрешить… Такой странный взгляд на спасение вызван явным непониманием того, что такое спасение и что такое освящение. Эти два понятия часто смешиваются людьми и это печальное недомыслие порождает печальные заблуждения. Необходимо поэтому помнить, что спасение Бог дает кающемуся грешнику даром и принятие этого спасения — дело нескольких минут. «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое», — просит разбойник, и в ответ слышит слова спасения: «Ныне же будешь со Мною в раю…». «Боже, будь милостив ко мне, грешнику», — взывал мытарь в храме, и «вышел оправданным»… Спасение — моментальное. Освящение — прогрессивное. Спасение занимает три минуты, в то время как освящению должна быть посвящена вся остальная жизнь спасенного. Бог спасает нас от греховной жизни и вводит в жизнь ежедневного, ежечасного освящения. Спасенный — это младенец во Христе. Он

родился в покаянии, принял дар Духа Святого и все, что от младенца ожидают, это — нормального возрастания. Поэтому человек спасённый не сразу делается «святым», как не сразу делается взрослым только что родившийся ребенок. Людям, которые обуславливают спасение достижением известного уровня «святости», трудно понять, что «спасённый грешник» может быть далеко не святым и, тем не менее, может иметь уверенность в спасении. Утопающий может обрести уверенность в спасении в тот момент, когда руки его примут спасательный круг. Он будет уже тогда радоваться спасению, хотя и не достиг еще берега, и не ощутил еще твердой почвы под ногами.

Многие люди не имеют уверенности в спасении, потому что имеют превратное понятие об Евангелии. Они смешивают два Завета: Ветхий и Новый и не усматривают разницу между законом, «данным чрез Моисея» и благодатью, которая «произошла чрез Иисуса Христа». Люди эти пытаются жить «по благодати», но вместе с тем держатся предписаний и требований закона. Утверждаясь на исполнении Закона, они тем самым лишаются благодати Божьей, сознательно или несознательно они объявляют благодать Божью тщетной, а основу благодати, искупительную жертву Христа — ненужной, излишней, напрасной. Вы спросите: кто эти люди, отвергающие спасение по благодати? Это те, кто соглашаются с мыслью, что можно спастись «добрыми делами»; те, кто безразличен к вопросу спасения своей души; кто не чувствует в сердце вины своей пред Богом; кто считает себя безнадежным грешником и не верит в то, что Христос может прощать и спасать даже таких тяжких грешников, как он; кто когда-то уже пришел ко Христу, но не устоял в истине, отпал и снова ушел в мир, запутался в мирских делах, опустился в омут греха. Все эти люди не могут иметь уверенности в спасении, пока не раскаются пред Богом и не примут дара спасения по вере в очищающую и спасающую Кровь Христа, Кровь «непорочного и чистого Агнца», «взявшего на Себя грехи всего мира, «закланного за нас»… (1Петр. 3, 18; 1,19–20; Иоан. 1,29). «Ибо делами закона не оправдается никакая плоть… и если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (Гал.2,16.21). Закон никого не спасает. «Законом познается грех… Закон — путеводитель ко Христу… Конец закона — Христос». (Рим.10 гл.; Гал.3 гл.). Закон как бы предлагает нам: сперва стань безгрешным и святым, а потом

приходи и я приму тебя… Благодать, напротив, говорит: приди ко мне за прощением, приди таким, как есть и я сделаю тебя святым. Закон говорит грешнику: веди новую жизнь и ты будешь оправдан… Благодать: ты прощен, оправдан и спасен для новой жизни! Уверенность в спасении можно получить от Бога только по благодати, независимо от дел закона.

Многие не имеют уверенности в спасении потому, что они пренебрегают средствами благодати и свою духовную жизнь начинают без повиновения Богу. Бог говорит: «кто покается и крестится, спасён будет», а они принимают только первую половину повеления Божьего и пренебрегают другою. Бог даровал нам великое право молиться, исследовать Слово Его, иметь общение с верующими, назидаться собраниями, свидетельствовать о спасении Христовом всем погибающим… Бог не может дать уверенности в спасении верующему, который не повинуется Слову Божьему. Да и можно ли, вообще, назвать такого человека верующим?

Наконец, многие люди не имеют уверенности в спасении, потому что не знают на чем же, собственно говоря, основана наша христианская уверенность в спасении?

Здесь я хочу засвидетельствовать о тех доводах и неопровержимых фактах, которые легли в основу моей уверенности в спасении.

Искупление

Смерть Христа на Голгофе. Сам Христос, «распятый» за меня при Понтийском Пилате… страдавший и погребённый, и воскресший в третий день по Писанию — Он служит этой незыблемой основой моего спасения. Дерзну ли я сомневаться в том, что с грехом моим покончено, в тот самый момент, когда Христос произнёс последний вздох и сказал: «Совершилось»… Мое спасение и спасение всех верующих в Него совершилось там, на лобном месте, за городской чертой Иерусалима, совершилось девятнадцать веков тому назад! Там на Голгофе, как свидетельствует об этом Апостол Петр: «Христос, грехи наши, Сам вознёс Телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его мы исцелились…» (1Петр. 2, 24).

Покаяние

Моё спасение основано на факте моего покаяния и примирения с Богом. Было время, когда я «не считался» с Богом и жил по своей воле, но настал день и час, когда Дух Божий открыл мне очи, показал мне тяжкую задолженность пред Богом и привел меня к покаянию. В одном из собраний, где Слово Божие проповедывалось и говоривший Слово предложил выйти вперед к кафедре всех, кто решил просить у Бога прощения и начать жизнь помилованного, прощенного, спасенного человека, я был в числе вышедших. Я покаялся. Это — факт! Факт совершившийся, факт, которого я никогда не забуду! Бог сказал: «покайтесь и веруйте в Евангелие» и я покаялся, исполнив Его волю.

Покаяние, о котором мы сейчас говорим, — не обычная исповедь «во дни великого поста». Нет, это полная «повинная» пред Богом, полная перемена мышления, коренная перемена всех наших суждений о жизни вечной и спасении души, суждений, которые так часто оказываются превратными и противоречащими Слову Божьему. Покаяться, значит решительно отвергнуть взгляды «свои», взгляды «людские» и целиком принять взгляды и утверждения Божьи.

Наше полное и окончательное покаяние пред Богом тем ценно, что оно непременно завершается Божьим прощением, уверенностью в этом Его прощении и радостью спасения. Мое чистосердечное покаяние пред Богом наполнило душу мою радостью прощения, радостью прощенного.

Обращение

Покаяние должно привести кающегося грешника к обращению. В этом отношении не может быть двух противоречивых мнений. Повеление Господне — ясно: «покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши…» (Деян.3,19). Так было во дни апостольской Церкви. Покаяние и обращение шли рука об руку, вместе. К сожалению, Церковь вскоре стала ограничиваться только покаянием, да и то покаянием только формальным. Церковь отбросила обращение и совершенно забыла о том, что покаяние без обращения — недействительно!

Вы спросите: какая же разница между покаянием и обращением?

Разница огромная. Покаяние — отказ от своей старой греховной жизни, обращение — сознательное принятие жизни новой, жизни во Христе Иисусе. Покаянием мы уходим от сатаны, обращением — мы

приходим к Богу. Покаянием мы останавливаемся на греховном пути, ведущим в погибель, обращением мы начинаем наше следование за Христом по «узкому пути, ведущему к жизни вечной». Одним словом, обращение служит доказательством истинности покаяния. Покаяние без обращения — ложное, кощунственное покаяние. Покаяние без перемены сердца, характера и жизни — бесовское покаяние. Бесы веруют и трепещут, но остаются теми же… Покаяние без обращения не дает уверенности в спасении. Покаяния без обращения недостаточно! Об этом говорит не только Слово Божье, об этом свидетельствует жизнь многих, так называемых «покаявшихся». Об этом говорит нам наша совесть и разум, в этом убеждается всякий, кто покаялся, но еще не обратился, только покаялся!

Благодарение Богу, я пережил и покаяние, и обращение одновременно. В самом начале я понял, что мне надлежит иметь дело с Богом, Богом всевидящим и всезнающим. Поэтому, всякая с моей стороны неискренность и двойственность души может ввести в заблуждение только людей, но не Бога. По благодати Божьей я с уверенностью могу сказать: «древнее прошло, — теперь все новое!» Он помог мне пережить мое обращение и Господь дает мне силу побеждать грех, соблюдать Его Слово и свидетельствовать о Его дивном спасении другим людям. Я знаю, «что когда мой дом, эта хижина, разрушится, я имею от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный». Эта уверенность освобождает меня от страха пред неизбежной смертью и наполняет мое сердце постоянным миром и неизреченной радостью.

Любовь

Любовь к братьям также является подтверждением моего спасения. Апостол Иоанн говорит: «мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти». (1Иоан.3,14).

Любовь к братьям, любовь к врагам — вот в чем сила и величие подлинного христианства. Такое христианство начинается только тогда, когда любовь Христа изливается в сердца наши Духом Его Святым.

По природе «человек человеку — волк», мы никого не любим так, как любим самих себя. Все так живут и я не был исключением до тех пор, пока Христос не открылся мне в Своей любви и не вызвал в моей

душе ответной любви к Нему и ко всем людям близким и дальним, добрым и злым. Моя уверенность в спасении зиждется на моей любви к Богу и ближнему. «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме…» (1Иоан.2,9).

Свидетельство Писания

«Если мы принимаем свидетельство человеческое, свидетельство Божие — больше, ибо это есть свидетельство Божие, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем…» (1Иоан.5,9). Мое спасение и уверенность в нем покоится на непреложном свидетельстве Слова Божьего. Библия учит, что всякий верующий в Иисуса Христа, Сына Божия, имеет жизнь вечную и ни один верующий, возрожденный человек, в этом не сомневается. Вот некоторые из этих утверждений Слова Божия:

«Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а неверующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Иоан.3,36).

«Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия» (Иоан.3,17–18).

«Истинно, истинно говорю вам: слушающий Слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Иоан.5,24).

«Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира… Пишу вам… потому что прощены вам грехи ради имени Его… Возлюбленные, мы теперь дети Божьи, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть… И вы знаете, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши, и что в Нём нет греха… Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрез Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши… Сей есть истинный Бог и жизнь вечная…» (1 Иоан.).

«О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его…» (Деян. 10,43).

«Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись…» (Деян.4,12).

«Государи мои, что мне делать, чтобы спастись? Апостолы же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасёшься ты и весь дом твой» (Деян. 16,30–31).

Кроме приведенных мест Писания, читайте: Рим.4,5; 5,1; 8,1.33–39; Иоан. 10,27–29; Рим.6,23; 1Кор. 15, 3; 2Кор.5.19–21; Гал.2,20; 2Тим.1,9; Тит. 2, 14; 1Петр. 2, 24; 1 Петр. 1, 18–19.

Некоторые люди возмущаются, когда слышат об уверенности в спасении и называют такую уверенность «гордостью», «самонадеянностью» и «кощунством», забывая, что Бог предлагает человеку спасение только как дар и не на иных каких-либо условиях. С даром же можно поступать двояко: принять дар или — отвергнуть. По-моему, человек проявляет больше гордости и самонадеянности, когда он, предлагаемый Богом дар отклоняет и отказывается его принять. Христос призывает грешника и говорит: «приди, покайся и прими дар спасения», а грешник, в ответ — «не желаю!…».

Свидетельство Слова Божия — единственный, неизменный в веках, авторитет. Если Бог сказал, что верующий во Христа Иисуса имеет жизнь вечную, значит так и есть, я верю Божьим Словам и ничуть в них не сомневаюсь. Да и как можно не верить словам, о которых сказано: «небо и земля прейдут, а Слова Мои не прейдут!».

Свидетельство Духа Святого

Одним из самых поразительных доказательств моего личного спасения является свидетельство Духа Святого, которое я имею в сердце. Так написано: «Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом…» (1Иоан.5,10). Дух Святой создает в сердце всякого верующего эту ясную уверенность в спасении. «Потому что мы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: Авва, Отче! Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божий» (Рим.8 гл.). Трудно, даже невозможно, объяснить другому того душевного состояния, какое Дух Святой создает в нашем сердце уверенностью в спасении. Это, именно, то «новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает…» (Откр. 2, 17). Поэтому, что бы ни случилось в жизни верующего, через какие затруднения и скорби он ни проходил бы, он знает в Кого уверовал, он знает, что Господь силен сохранить его даже до дня явления Своего. Ибо не только он, прощенный грешник, смотрит на Бога, как на своего Небесного Отца, но и Сам Бог

считает его Своим сыном и, как к сыну, благоволит к нему. «Тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божьими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились…». (Иоан.1.12–13 ст.). «Восхотев, родил Он нас словом истины, чтобы нам быть некоторым начатком Его созданий…» (Иак. 1,18). Дух Святой — Альфа и Омега нашего христианства. Без Духа Святого невозможно было бы родиться свыше. Без Него мы, верующие, никогда не были бы духовно просвещены, никогда не сделались бы «причастниками Божеского естества», никогда не освободились бы от «господствующего в мире растления похотью», никогда не вкусили бы «глагола Божия и сил будущего века» и не познали бы, «насколько благ Господь». Без Духа Святого и Его в нас свидетельства мы никогда не обрели бы утешения, мира и радости, никогда ив освободились бы от «духа рабства», «духа страха», сиротства души и одиночества. Для спасения грешника требуется несравненно больше, чем умственное знание священных текстов и теоретическое принятие догматов веры. Для избавления грешника от власти греха требуется другая власть, более сильная, — власть Божья. Дух Святой и является этой, именно, властью!

Ко времени воплощения Христа уже давно сказали свое слово Сократ, Платон, Аристотель, Пифагор, Эпикур и Зенон. Отгремели великие мудрецы, вдохновенные ораторы и поэты… Все они знали пути добра и зла. Весь тогдашний мир знал об укорах совести столько же, сколько и мы, и тем не менее, мир погибал, не имел силы вести «правильную» жизнь. Для такой жизни не было сил… Такую силу и такую жизнь мы получаем от Бога чрез веру во Христа и повиновение Духу Святому. Главное — в этом! Главное — в Духе Святом, в той силе Божьей, которая единственно способна восторжествовать над нашей греховной природой, над живущим в плоти нашей законом тления, внедрить в сердца наши иной закон, закон Духа, закон Свободы, и, таким образом, приобщить нас к жизни воскресения, жизни бессмертия. Вот почему Апостол Павел, встретившись в Ефесе с группой, именующей себя христианами, предлагает этим христианам-ученикам следующий вопрос: «Приняли ли вы Святого Духа, уверовавши?». Апостол знал об опасности, грозящей тем кто, называясь Христовым именем, Духа Христова не имеет, кто живет плотской жизнью, а надеется угодить Богу. В послании к Римлянам

Апостол Павел пишет: «Живущие по плоти Богу угодить не могут. Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим.8 гл.).

Так вот на каком множестве фактов основана уверенность и радость спасения всякого подлинно верующего человека.

Почему нам необходимо иметь уверенность в спасении?

Уверенность в спасении наполняет сердце верующего миром и радостью. Трудно передать словами те чувства, которые рождаются в душе человека, получившего от Бога эту уверенность. Нельзя представить себе другого духовного опыта или переживания христианской жизни, который имел бы такое благотворное влияние на характер человека и на все проявления его жизни, как этот, именно, опыт.

Читатель спросит: «В чем же выражается плодотворность этого влияния?» А вот в чем:

Уверенность в спасении, как бы, стабилизирует всю христианскую жизнь верующего человека, утверждает ноги его на скале, дает ему твёрдый и непоколебимый якорь. Там, где малейшее сомнение имеет место, там — неуверенность, неопределенность, непостоянство. До тех пор, пока у нас нет незыблемого основания, наша духовная жизнь всегда будет напоминать человека, построившего дом свой на песке… Только получив от Бога уверенность в спасении, которое основано на неприложном Слове Божьем, на Самом Боге, душа человека может смотреть в вечность с упованием.

Уверенность в спасении позволяет нам, верующим, войти в молитвенное общение с Богом и верою в Него, наследовать обетования. Жизнь молитвы основана на нашем взаимоотношении с Богом. Уверенность в спасении дает нам право обращаться к Богу, как к Тому Небесному Отцу, который возродил нас и который учит нас взывать к Нему: «Авва, Отче…». В результате, молитва приобретает характер сладостного общения, а не простого перечня нужд и бесконечных воплей о помиловании: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!». И, действительно, какое надо иметь превратное понятие о Боге любви, чтобы говорить Ему сорок раз подряд «Господи, помилуй», повторять эту молитву о помиловании из года в год, на протяжении многолетней жизни и не иметь уверенности в том, что Бог услышал и Бог помиловал…

Уверенность в спасении дает верующему силу преодолевать преграды, отвергать соблазны, побеждать искушения, «противостать диаволу», «не любить мира, ни того, что в мире», «распять плоть свою со страстями и похотями», жить «жизнью воскресшего из мертвых»… Мы находимся в постоянном конфликте с «духом злобы» и «противник наш, диавол, ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить»… Как можем мы вступить с ним в единоборство, если не будем уверены, что Бог на нашей стороне, что Он не даст в обиду чад Своих, ибо «не дремлет и не спит Хранящий» искупленных… Их жизнь «сокрыта со Христом в Боге» и «никто не похитит их из руки Моей», — говорит Господь. Только имея эту абсолютную уверенность в том, что мы — дети Божьи, а Бог — наш Небесный Отец, мы можем все «преодолевать силою Возлюбившего нас» и пред лицом какой угодно опасности, воскликнуть: «Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь — сила жизни моей: кого мне страшиться?…» (Пс.26).

Уверенность в спасении, и только она, побуждает сердце верующего к свидетельству о Христе. Верховная роль Духа Святого, сущего в мире, — прославление Христа, свидетельство пред миром о возможности спасения, по благодати, искуплением Иисуса Христа. «Когда же прийдет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне, а также и вы будете свидетельствовать…» (Иоан.15,26). Без уверенности в спасении верующему человеку «нечего сказать». Как может он призывать других ко Христу, предлагая им принять Его спасение, когда он сам этого спасения не имеет? Только получив спасение и радуясь в нем, мы имеем дерзновение говорить об этом другим и знать, что «всякий уверовавший в Него, не постыдится».

Уверенность в спасении — первая и главная основа для освященной жизни верующего. Мы не имеем силы вести святую жизнь, сами, без Бога. Единство — со Христом и пребывание в Нем, «как ветвь пребывает на Лозе», — вот что даёт нам эту силу и способность! Если мы еще не уверены, что мы «храм Духа Святого», «члены Тела Христова», тогда как может Дух Святой «вселиться в нас и очищать нас от всякой скверны» плоти и духа? Как может Он производить нужную работу освящения в нашей душе? Как можем мы тогда быть «соработниками у Бога» и Его верными «свидетелями»?

Уверенность в спасении наполняет сердце верующего чувством постоянной благодарности к Богу. Христос покоряет сердце человека Своей безграничной любовью, грешник не может не питать ко Христу взаимной любви и безграничной благодарности. Только Христос может вызвать в душе человека такие сильные и такие высокие чувства, и поэтому только Он один и может производить в жизни человека величайший из всех известных нам нравственных переворотов, ту неподражаемую и необъяснимую перемену сердца, которую Св. Писание называет «возрождением». Благодарность Богу — вот то единственное, что способно самые обыкновенные дела сделать «добрыми» делами. Если мы проявляем любовь к людям не по иному какому-либо соображению, а только из благодарности к Богу, тогда наши «две лепты», «стакан холодной воды», «пять хлебцев и две рыбки», наше слово, интонация голоса, жесты, улыбка и выражение лица, — будут одухотворены Богом, станут тем святым веянием Божьим, тем дыханием любви, без которых у человека нет ни света в разуме, ни тепла в душе, ни, подлинно, добрых дел в жизни. «Посему, братия, более и более старайтесь делать твердым ваше звание и избрание: так поступая, никогда не преткнетесь, ибо так откроется вам свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Для того, я никогда не перестану напоминать вам о сем, хотя вы то и знаете, и утверждены в настоящей истине» (2Петр. 1, 10–12).

Хронология

Начало монашества 285–360 г.г.

Эльвирский собор, запретивший иконопочитание 306 г.

Христианская церковь признана государственной религией 313–800 г.г.

Странствование по святым местам началось IV в.

Крещение младенцев стало обязательным 342–416 г.г.

Несторий, еписк. Констатинопольский восстал против имени «Матерь Божия» 428 г.

Ефесский собор, после которого поклонение Марии вошло в обычай 431 г.

Халкедонский собор, утвердивший наименование девы Марии Богородицею 451 г.

Поклонение святым мученикам и ангелам началось V в.

Миропомазание было введено V в.

Воду начали святить V в.

Римский епископ впервые именует себя папой 607 г.

Языческий храм «Пантеон» превращен в храм Марии и всех святых VII в.

Византийский император Лев приказал вынести из церквей Константинополя все иконы 730 г.

Поклонение кресту начали поощрять 688–787 г.г.

Второй Никейский собор 787 г.

Начали петь «Символ веры» и «Иже херувимы» 518–527 г.г.

Первый акафист был составлен 626 г.

Поклонение иконам стало обязательным:

а) в католической 787 г.

б) в православной церкви 842 г.

Поклонение мощам и их расчленение на антиминсы 778–787 г.г.

Шалонский собор 813 г.

Причислять к лику святых начали 880 г.

Творить крестное знамение 900 г.

Догмат о молитве за умерших 978 г.

Индульгенции (прощение грехов за деньги) введены 1016 г.

Догмат пресуществления даров появился впервые 1059 г.

Литургия 1100 г.

Догмат пресуществления стал обязательным (для православной церкви) 1215 г.

Отделение православной церкви от католической 1054 г.

Крестовые походы начались 1095 г.

Запрещено священникам вступать в брак (окончательно) 1122 г.

Гласная исповедь пред священником стала обязательной 1215–1551 г.

Семь таинств впервые упоминаются вместе 1139 г.

Молитва за умерших признана обязательной 1210 г.

Инквизиция вошла в силу закона 1229 г.

Священническое облачение установлено XIII в.

Четки изобретены монахом Домиником XIII в.

Индульгенции распространены и на души умерших 1300 г.

Папа Бенидикт XII проклял учение о чистилище 1366 г.

Применение просфор 1415 г.

Догмат о чистилище снова вступает в силу 1551 г.

Апокрифы включены в канон Библии 1546 г.

Преданы проклятию все, противящиеся догмату об индульгенциях 1563 г.

Тридентский собор 1545–1563 г.

Догмат непорочного происхождения девы Марии 1854 г.

Непогрешимость папы признана догматом Западной церкви 1870 г.

Хронологические даты взяты из:

«The Catholic Encyclopedia», «The New-Schaff-Herzog Religious Encyclopedia», «Dictionary of Religious Knowledge» и других источников.